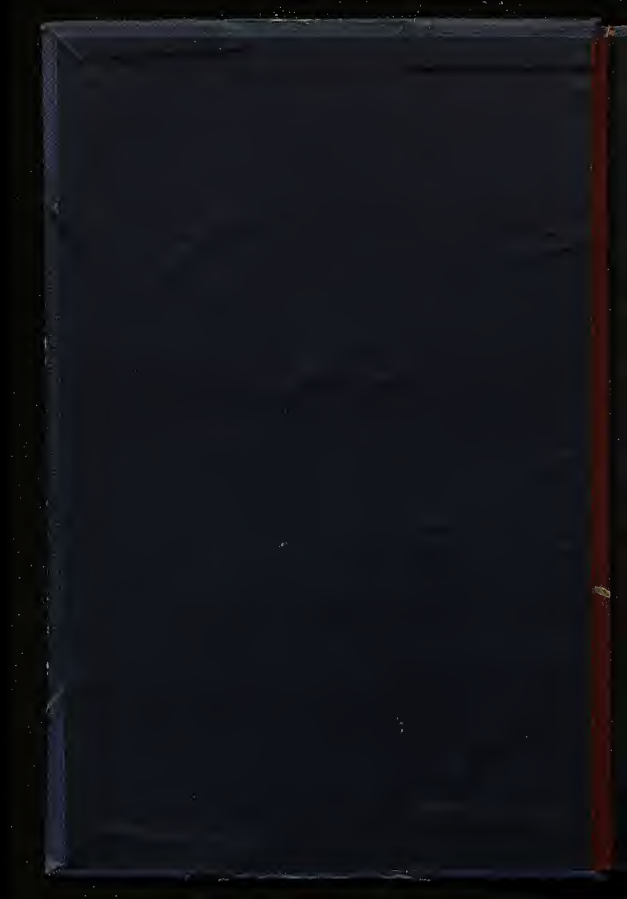
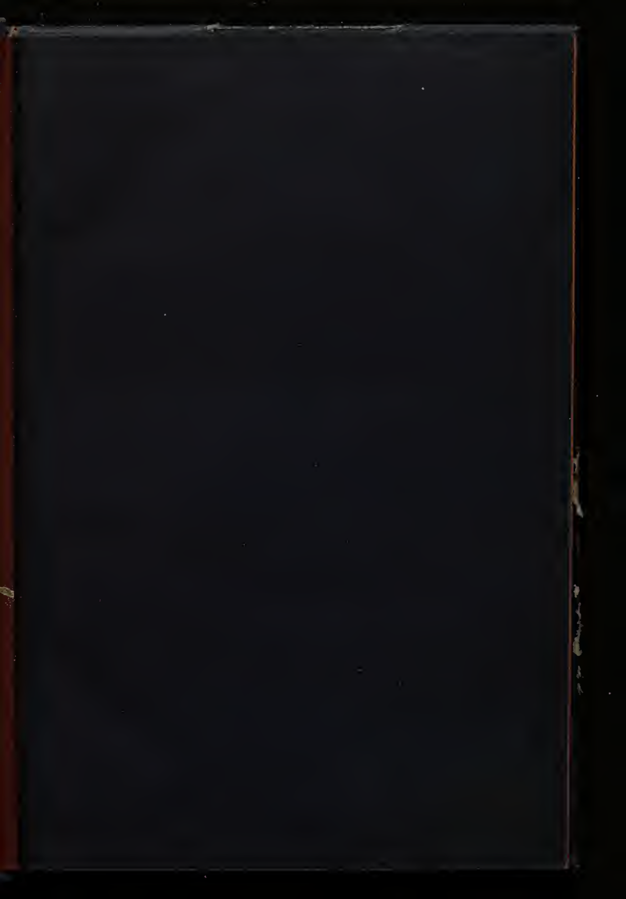

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ГИ30
В 346

А. Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МОСКВА
в 1917 году

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1928

А. Н. ВОЗНЕСЕНСКИЙ

МОСКВА
В 1917 ГОДУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1928 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит № А—7787. С—52 / Гиз № 25407. Тираж 3000 экз.

Типография Госиздата „Красный пролетарий“. Москва, Пименовская ул., д. 16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемая вниманию читателя книга А. Н. Вознесенского вправе рассчитывать на далеко не последнее место среди бытовой и исторической мемуарной литературы, посвященной событиям 1917 года.

Отметим прежде всего, что автор за все время с февраля по октябрь состоял одним из ответственнейших работников Московского градоначальства и, после ухода А. М. Никитина в министерство, исполнял обязанности комиссара г—ва и потому, естественно, в большинстве описываемых им событий принимал непосредственное участие, относительно же остальных имел возможность получать информацию из первых, что называется, рук.

Вместе с солидной таким образом осведомленностью автор сочетает ценные для мемуариста качества вдумчивого, тонкого наблюдателя.

В своих «Воспоминаниях» автор, кроме того, удачно сочетал качества мемуариста и историка-повествователя; поэтому наряду с естественными для непосредственного участника и очевидца живостью, изобразительностью и картинностью в описании отдельных эпизодов и меткостью характеристик книга его заключает в себе систематический обзор крупнейших событий 17-го года в Москве и Ленинграде в той причинной (прагматической и хронологической) связи, как они происходили в действительности.

В отношении изобразительности и картинности, а также верности и меткости характеристик автору приэтом одинаково удались как мелкие, чисто бытовые и жанровые подробности и эпизоды, так и воспроизведение и характеристика сравнительно крупных политических событий того времени.

Словом, «Воспоминания» А. Н. Вознесенского—интересная, незаурядная книга, при всех прочих своих, указанных выше, качествах обнаруживающая и значительную степень понимания смысла описываемых событий.

Все это не мешает, однако, автору, в тех случаях, когда дело касается объяснения крупных социальных и экономических сдвигов того времени, оставаться типичным сыном своей среды, со свойственной ей узостью общественного горизонта и склонностью пену событий принимать за их суть, следствия за первопричину. Вот, например (см. стр. 58), вполне соответствующая действительности, весьма живо и не без юмора набросанная картина бесплодности работы тогдашней «Комиссии по борьбе с дезертирством». А вслед за ней—отвлеченные рассуждения автора, из которых явствует, что причиной разложения тогдашнего нашего фронта были... «дезертиры, бывшая полиция, жандармы и уголовные».

Сейчас нет уже особенной нужды доказывать, как делали это мы в то время, что в действительности и дезертирство и тогдашний бурный успех в солдатской среде большевистских лозунгов сами являлись, конечно, не причинами, а продуктами, следствием. Действительными же причинами разложения фронта были: нежелание солдата воевать за насильственно навязываемые ему, не только чуждые, но и враждебные цели, другими словами—упорство в отстаивании этих целей со стороны тогдашних идеологов соглашательства; вполне законное в то время недоверие армии к своему командному составу; не менее законная настороженность солдата в отношении событий в тылу; наконец, желание принять личное участие в скорейшем разрешении основного для подавляющего большинства армии вопроса о земле.

Неменьшей наивностью звучит и другое утверждение автора о том, что:

«Крестьянство, воодушевленное дезертирами, приступило к окончательной ликвидации помещичьего землевладения» (стр. 135).

Конечно, в массе хлынувшие в то время в деревню «дезертиры»—спасибо им!—оказали тогда крестьянству весьма существенную помощь в самочинном разрешении им

земельного вопроса. Но для того чтобы объяснить аграрное движение того времени, совсем необязательно всякий раз вновь и вновь ссылаться на дезертиров, немецких шпионов и большевиков.

Далее, конечно, в так называемые «корниловские» дни популярность большевизма и политические завоевания его значительно выросли. Но суть и тут, конечно, не в том, что (см. стр. 85) «большевики сумели использовать этот момент для усиленной (да еще—по автору—совместно с меньшевиками и эсерами!) агитации в массах», а во вновь и вновь на практике подтвердившейся правильности их общей политической ориентировки, в то время особенно четко совпавшей со здоровым инстинктом масс.

Наконец, еще одно, особенно характерное в книге место того же порядка.

По автору (ст. 124), недальновидность (Московской) Городской управы помешала ей перетянуть на свою сторону городских рабочих.

В этом утверждении автора особенно ярко выразилась его неспособность учесть классовую подоплеку отношений того времени. Надо ли говорить, что с «недальновидностью» в этом случае дело обстоит куда сложнее и что единственным видом дальновидности, с помощью которой тогдашняя эсеровская Московская городская управа могла еще надеяться «перетянуть» на свою сторону рабочих, был полный отказ ее от своей классовой сущности, т. е., другими словами, от себя самой, и переход на все 100% на большевистскую платформу.

Надо, однако, думать, что даже и в этом, совершенно невероятном, случае московские, как и всякие другие, рабочие предпочли бы, конечно, «оригиналы спискам», т. е. настоящих большевиков проявившим такую «дальновидность» и перекрасившимся в большевистский цвет «либерданам» из тогдашней Московской городской управы, для характеристики которых автор, кстати, находит такие яркие краски.

Подобная, чисто обывательская упрощенность суждения о крупных исторических явлениях, в то время составлявшая весь идейный багаж, с помощью которого кратковременные «коалиционные» именинники собирались пово-

рачивать назад колесо истории,—в наше время отдает, конечно, очень уж большим анахронизмом.

Но даже если мы поставим ее в сколько-нибудь серьезный пассив автору или его книге, у них обоих найдется против этого пассива и соответствующий, весьма существенный актив. В самом деле, автор описывает события, в которых принимал участие на стороне наших классовых врагов; описывает их в момент, когда его вчерашний противник превратился в прочного победителя и носителя власти.

Положение щепетильное. Из него, однако, автор выходит вполне удовлетворительно. И выходит именно тем, что ни в малейшей степени не пытается задним числом перекрасить свои тогдашние впечатления в защитный цвет популярного сейчас мировоззрения. Он просто добросовестно вспоминает самого себя и свое отношение к происходившим тогда событиям. И излагая события, автор естественно дает вместе с тем максимально возможную для мемуариста и активного участника объективность изложения.

И именно эти искренность и нелицеприятность изложения, без особых, повидимому, усилий со стороны самого автора, делают для читателя ясным тот факт, что к концу описываемого периода автор не остался с тем же самым закостенелым идейным багажом, с каким он вошел в гущу событий в февральские дни. Он наблюдал, делал свои выводы и многому за это время научился.

Поэтому, наряду с приведенными выше образчиками суждений, сейчас действительно как бы отдающих затхлостью давно минувшего времени, в книге, особенно во второй ее половине, можно отметить ряд размышлений и характеристик на не менее щепетильные темы, где автор находит вполне верный и вместе с тем проникнутый чувством собственного достоинства тон.

Таковы, например, размышления автора при описании занятой милицией думской площади в начале октябрьского восстания (стр. 148); или по поводу трагической смерти одного из защитников градоначальства со «странной фамилией, Бессмертный» (стр. 186).

Отметим, наконец, характерный в этом отношении заключительный абзац книги и свойственный всему ее со-

держанию сдержанный, осторожный, исполненный достоинства и вместе с тем достаточно откровенный тон автора по адресу победителей.

С этой стороны книга есть несомненный, хотя, может быть, и непроизвольный, акт признания со стороны вчерашнего противника, что победитель обеспечил себе победу не одним только насилием и, что называется, «ловкостью рук,»— как утешали себя побежденные в то время,—а политическим и моральным своим превосходством и тем, что учуял и претворил в жизнь подлинную правду истории.

В заключение отметим несколько вкравшихся в книгу неточностей: сколько-нибудь серьезных ошибок в описании событий того времени мы в ней не усмотрели.

В Военно-революционном комитете действительно обсуждался вопрос об оставлении дома бывш. генерал-губернатора (ныне здание Моссовета) и об уходе, как выражались тогда товарищи, «в один из преданных нам районов»,— но имелось приэтом в виду не Замоскворечье, а Сухарева площадь.

Составу ВРК решительно не везет. Несмотря на большое число участников, пытавшихся определить его, этот состав до сих пор еще не определился с достаточной точностью. Моя память, граничащая в этом вопросе с твердым убеждением, говорит мне, что в перечень членов комитета, приведенный автором, тоже вкралась, по крайней мере, одна ошибка. Именно, т. Аросев был избран не кандидатом, а членом комитета.

Мне представляется, наконец, преувеличенным сообщение автора о гибели многих жильцов подожженного снарядами дома б. Коробкова у Никитских Ворот. Думается, что речь может тут итти не о многих жильцах этого громадного дома, а об отдельных личностях, в панике еще до начала пожара забившихся в какой-либо из подвалов и там задохнувшихся. Вообще же, население, насколько мне помнится, имело возможность покинуть этот дом и в массе его покинуло.

Пав. Мостовенко.

24/III—28 г.

ОТ АВТОРА.

Идут годы, далеко отодвигая назад 1917 год.

Но дни его попрежнему привлекают к себе внимание и волнуют.

Книга эта—непритязательные записки о революциях Февральской и Октябрьской.

Записки основаны на личных воспоминаниях, связанных с работой в Московском «общественном» градоначальстве с февраля по октябрь.

В них я пытался воскресить в своей памяти как звуки первых, нерешительных шагов революции, так и последовательную, твердую, мерную поступь Октября.

26/III—28 г.

I.

ОДИННАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В МОСКВЕ. ПАДЕНИЕ ВЛАСТИ МРОЗОВСКОГО И ШЕБЕКО. АРЕСТЫ ПОЛИЦЕЙСКИХ. КРОВАВЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ.

1917 год для Москвы, как и для всей России, начался Февральской революцией и закончился Октябрьской.

Воспоминания прошлого неразрывно связаны с этими двумя великими переломами, создавшими памятный и грозный 1917 год.

Февральская революция постучалась в сердце России, в Москву, без предупреждения о своем приходе, неожиданно.

Город Петра—столица Российской империи—задрожал под гулом подземных ударов. И весть об этом прилетела в потрясенную Москву вечером 27 февраля [1]).

Глухо заволновалась Москва.

Вспоминаются этот вечер и эта ночь.

Город насторожился, весь ушел в себя, как воин перед битвой.

В тишине по пустынным улицам изредка промелькнет патруль конных городовых, звонко хрустя копытами лошадей по весенней наледи, и снова тихо.

Не спится в эту ночь. Телефоны обмениваются звонками до света, и новости одна другой удивительнее без боязни сообщаются друзьям и единомышленникам.

Слухи один ярче другого растут, прорезая тьму ночи, и нет возможности в этой жуткой тишине знать точно, где правда, где ложь.

Уже всем известно, что революция катится по линии Николаевской железной дороги, что к утру—она должна добраться до Москвы.

---

[1]) Календарные даты в книге—старого стиля. Авт.

Самая тесная связь с Петроградом—междугородный телефон, соединявший обе столицы,—прервана.

С девяти часов вечера все три телефонных линии, ведущих в Петроград, замолкли.

И это молчание телефона говорило всем красноречивее всяких слухов, передаваемых приехавшими из Петрограда и всевозможными «очевидцами».

Утро 28 февраля.

Утро после ночной тишины, полное волнения, лихорадки организации, лихорадочной жажды борьбы. Всколыхнулись фабрики и заводы.

Революционные партии, сидевшие в подпольи, расправляют свои онемевшие члены. Казалось, встает дремавший великан, встает медленно, едва разгибаясь от согнувшего его рабства. Страшен он будет, когда встанет во весь свой богатырский рост...

Революция в этот день в Москве уже вышла на улицу. Вышла еще слабая, еще не чувствующая себя господином положения, еще не верившая в свои силы.

Кое-где короткие летучие митинги и кое-где листки с призывом к восстанию.

Зато белые объявления командующего войсками генерала Мрозовского повсюду со стен возвещают осадное положение в Москве со всеми его грозными последствиями.

В помещении Городской думы идут заседания. Вырабатываются спешно воззвания к солдатам и к народу, выпущенные Временным революционным комитетом. Наспех написанное, не слишком складное воззвание к солдатам гласило следующее:

«В Петрограде народ восстал за свободу своих прав.

К нему присоединились полки Семеновский, Павловский, Кексгольмский, Литовский. Захвачен арсенал, и оружие роздано народу.

Петропавловская крепость, Выборгская тюрьма и правительственные здания в руках народа.

Старое правительство бежало. Власть перешла в руки революционного правительства.

Московские солдаты! Дело теперь за вами: поддержите народ, переходите на его сторону. Дело народа—ваше дело.

Защитите народ от нападения полиции и жандармерии. Захватите арсенал и другие склады оружия и защитите народ.

Выбирайте своих представителей и немедленно присылайте их в Городскую думу—там заседают представители рабочих Москвы.

Долой старое правительство! Да здравствует народ!»

Вслед за этим воззванием появилось другое воззвание к рабочим.

В этом воззвании Временный революционный комитет, говоря об успехах революции, обращался с призывом:

«Петроградские рабочие рука-об-руку с петроградскими полками нанесли уже решительный удар царскому правительству: захвачен арсенал, Петропавловская крепость, министерства, Государственный банк, казначейство, почта, телеграф, освобождены политические заключенные...

Товарищи! Теперь дело за вами: обеспечьте победу народу. Не медлите ни минуты, идите к братьям—солдатам, идите в казармы. В единении с армией—залог нашей победы. Борьба только что началась. Стройтесь в ряды. Завтра утром собирайтесь по фабрикам и заводам. Устраивайте митинги. Выбирайте своих представителей. Пусть завтра же рабочие Москвы станут под руководством своего Совета рабочих депутатов!»

Народные массы пришли в движение, революционный маятник качнулся...

По предложению Временного революционного комитета, заседавшего в думе, в 3 часа дня толпа, стоявшая у Городской думы, разделилась на две части: одна осталась охранять заседавшую делегацию, другая, руководимая выборными из представителей различных слоев населения, направилась к Спасским казармам через Сретенку к Сухаревой башне.

В пятом часу дня огромная толпа рабочих, двигавшаяся с красными флагами по Сретенке, достигла Сухаревой площади, где были расположены Спасские казармы 192-го пехотного запасного полка.

Подойдя к этом казармам, группа демонстрантов направилась к воротам казармы, предлагая стоящим у ворот офицерам и караулу открыть ворота.

Часть рабочих быстро взобралась на лари, которые были расположены у стен казарм, а затем влезла и на стены, вступив в переговоры с солдатами.

В это время неожиданно из нескольких верхних окон раздались выстрелы... Толпа отхлынула на некоторое время от стен казарм, но, когда убедилась, что выстрелы были сделаны в воздух и что никто не ранен и не убит, быстро успокоилась.

В половине шестого вечера вся площадь огласилась громовым «ура». Это народ, взломав ворота, проник во двор казарм. Сейчас же часть солдат вышла на площадь, а многие окружили ораторов во дворе.

Офицеры и солдаты внимательно выслушивали сообщения о петроградских событиях, встречая их одобрительными возгласами. Ораторы знакомили солдат и офицеров с задачами и целями движения.

Эти сообщения встречались восторженными криками «ура» народа и солдат.

В это же время со стороны Красных ворот, по Садовой, появилось несколько взводов солдат 251-го пехотного запасного полка. Офицеры расставили солдат рядами поперек мостовой, оставив довольно широкие проходы для публики. К семи часам вечера эта охрана была уведена, а из Спасских казарм под клики «ура» группами выходили солдаты.

И случилось то, чего не было со времен декабристов— солдатская масса тронулась. И уже некому было ее уговаривать, некому усмирять...

Верной старому строю еще оставалась полиция, но и она была в полной растерянности. Отдельные отряды городовых, пеших и конных, спрятанных по дворам, не проявляли никаких признаков деятельности.

Полицейские посты с утра были соединены, городовые стояли угрюмо, держа руку наготове, перебирая шнур огромного полицейского «нагана».

К вечеру посты стали сниматься совсем.

Весь день по фабрикам, заводам и железным дорогам шли митинги, а к вечеру начались забастовки.

А власть... власть, ограничившись формулой осадного положения, молчала.

Тогда, набравшись храбрости, заговорили цензовые му-

ниципальные деятели, управляющие городом, заговорили об измене правительства, призывали к единению.

Московская городская дума вынесла ночью следующее постановление:

«Обращение Московской городской думы. 28/II 1917 г.

Третий год наша родина несет неисчислимые жертвы ради победы. Россия вступает в решительный период войны, остается сделать последнее усилие. В это время жизнь страны потрясена до основания преступным упорством защитников губительного для России режима. Ради победы и спасения России, Государственная дума вступила на путь решительной борьбы со старым и пагубным для нашей родины строем.

Московская городская дума, с негодованием узнав, что в такую минуту сделана попытка прервать работу Государственной думы, шлет ей свой горячий привет, выражая твердую уверенность, что народные представители в единении с доблестной армией и народом устранят от власти тех, кто, защищая старый порядок, творит постыдное дело измены. Граждане Москвы, сохраните в исторические дни полное самообладание и в организованном единении друг с другом и с Государственной думой продолжайте ваш подвиг, не прерывая работы на оборону страны для достижения уже близкой победы.

Да не будет ничем омрачена заря новой жизни, занимающаяся над великой страной».

А слухи все ползут...

Паникеры говорят о войсках с фронта, идущих на усмирение революции. Но к вечеру пришло письменное подтверждение революции—телеграмма Родзянки и члена Государственной думы Бубликова. Из этой телеграммы уже стало ясно, что революция родилась.

Она еще барахтается в пеленках, но уже рвет их и кричит детским голосом Бубликова и помещичьим басом Родзянки.

Она будет истерически кричать в минуту слабости голосом Керенского «всем, всем, всем» с тем, чтобы заговорить наконец в Октябре твердым голосом Ленина.

Телеграмма Бубликова, этот первый революционный приказ, является первым документом Февральской революции.

В телеграмме, названной приказом по Министерству путей сообщения, от имени Бубликова—Родзянки разъяснялось:

«По поручению Комитета Государственной думы я сего числа занял пост министра путей сообщения. Объявляю следующий приказ председателя Государственной думы: «Железнодорожники, старая власть, создавшая разруху во всех отраслях государственного правления, оказалась бессильной. Государственная дума взяла в свои руки создание новой власти.

Обращаюсь к вам от имени отечества; от вас зависит спасение родины, она ждет от вас более, чем исполнения долга—ждет подвига. Движение поездов должно производиться беспрерывно, с удвоенной энергией. Слабость и недостаточность техники на русской сети должна быть покрыта вашей беззаветной энергией, любовью к родине и сознанием важности транспорта для войны и благоустройства тыла.

Председатель Государственной думы Родзянко».

«Член вашей семьи, я твердо верю, что вы сумеете ответить на этот призыв и оправдаете надежды нашей родины. Все служащие должны остаться на своих постах.

Член Государственной думы Бубликов».

Новые вести сообщали о пожаре окружного суда и охранного отделения в Петрограде, а также и о рождении первого эмбриона власти—Исполнительного комитета Государственной думы, в лице Керенского, Милюкова, Шульгина, Чхеидзе, Коновалова.

1 марта фабрики и заводы остановились. Рабочие стали готовиться к бою. Становились активнее и солдаты.

Революция в этот день окончательно раскачала, повела за собой и русского солдата.

Проезжаем мимо Покровских казарм. Толпа народа окружает решетку двора; крики, восклицания. Здесь солдаты не переходят еще активно на сторону народа, они стоят в нерешительности, слушая ораторов—студентов и рабочих.

Читаем прокламации, раздаем солдатам, агитируем в толпе и едем дальше.

Улицы оживляются толпами, но толпы эти нерешительны, они жмутся на тротуарах и ближе к воротам и зданиям, на которых со вчерашней ночи висит грозное объявление командующего войсками генерала Мрозовского о введении в Москве осадного положения со всеми его последствиями.

Репутация свирепого Мрозовского всем известна, жители все еще привычно ждут пуль и нагаек.

Едем туда, где группа восставших собирается около думы,—на Воскресенскую площадь, ставшую с этого момента для истории «площадью революции».

Чем ближе к думе, тем больше народа на тротуарах: шпалерами вытянулись черные толпы вплоть до Охотного ряда.

Но дальше Охотного в сторону Думы—пустыня.

Боязнь сковала любопытных. Впереди за пустым промежутком снова темнеют люди.

Эти уже действуют. Их немного, до смешного немного...

Когда наш автомобиль остановился на площади, раздавая солдатам последние прокламации, моим глазам представилась следующая картина: человек около ста молодых солдат расположились на позиции, спиной к думе.

Несколько маленьких пушек были устремлены жерлами в сторону Театральной площади, одна направлена в сторону Тверской.

Молоденький офицер (Ушаков) нервно бегал, отдавая распоряжения.

В память врезался молоденький солдатик, который суетливо подбежал к нам с криком: «Товарищи, где санитарный автомобиль?»

На лицах солдат я видел еще выражение неуверенности и волнения.

Активная революционная группа была совершенно незначительна, энергичного отпора она еще не смогла бы дать.

Сразу бросалось в глаза, что она беззащитна с тыла.

Со стороны Иверских ворот не было ни часовых ни вообще какого-либо прикрытия.

У градоначальника Москвы Шебеко был план пустить конных и пеших городовых на революционеров со стороны Никольской улицы.

Если бы эту атаку удалось провести решительно, революционное ядро было бы смято с тыла, и неизвестно, кончилась ли бы так легко московская революция.

Во всяком случае, она не прошла бы так быстро и без потерь со стороны рабочих и солдат.

Но старый режим был обречен. Он умирал без сопротивления, он погибал без поддержки.

Активность генерала Мрозовского иссякла с объявлением осадного положения.

Энергия градоначальника Шебеко нашла отражение только на страницах его дневника.

В найденных нами впоследствии в градоначальстве его заметках на блокноте по числам и минутам отмечалось движение революции в Москве.

Шебеко указывал, что городовые, пешие и конные, были сосредоточены по дворам, но не оказали сопротивления, так как не получили приказа действовать активно.

«Скоро будет поздно, между тем Мрозовский бездействует»,—с отчаянием отмечает Шебеко в своем дневнике.

«Вечером от 11—2 ч. на совещании у Мрозовского, по поразительной его вялости и страшному страху перед возможностью ареста, по ошибке Челнокова и по духу и состоянию войск, убедился, что ничего не может выйти хорошего»,—заканчивает заметки Шебеко.

Шебеко был прав.

Мрозовский, не имея известия из Петрограда, малодушничал.

А промедление было для старой власти смерти подобно.

Полки за полками переходили на сторону революции.

К вечеру того дня, когда на Воскресенской площади собралась кучка смельчаков, почти все казармы уже были на стороне революции.

Втечение ночи и всего дня 1 марта к Думе прибыли: 251-й пехотный запасный полк, 1-я артиллерийская бригада с орудиями и снарядными ящиками, 85-й и 56-й пехотные полки, словом, воинские части Хамовнических, Покровских, Спасских и других казарм, к которым присоединились юнкера Александровского военного училища, 3-я и 4-я школы прапорщиков.

К концу дня насчитывалось 17 000 восставших артиллеристов, т. е. вся наличная московская артиллерия.

Количество пехоты, прибывавшей частями к Думе, определялось в 25 000 человек.

1-я запасная часть артиллеристов, караулившая арсенал в Кремле, сдалась без боя. Сдалась и солдатская охрана, охранявшая главный почтамт и телеграф.

Последним присоединился к движению народа и армии один из московских пехотных полков, остававшийся до сих пор верным старому правительству—193-й пехотный полк. В октябрьские дни 193-й полк поправил свою репутацию, присоединившись к Военно-революционному комитету одним из первых.

1 марта военная сила почти целиком отдала себя в руки революции, укрепив положение восставших рабочих.

Защитники старого строя не пытались пустить ее в дело.

Мрозовский видел, что положение безнадежно, и не верил своим войскам.

Он сидел в состоянии полной пассивности, пока не пришли его арестовать.

От бездействия власти и сама полиция уже была деморализована. Опора порядка,—жандармский дивизион конной жандармерии,—после 1 марта сдался одним из первых, передав оружие штабу революционных войск.

Жандармский корнет М., фланер Кузнецкого Моста, после сдачи даже украсил себя громадным красным бантом.

Полиция и жандармерия—эти столпы старого строя—сдавали свои позиции без боя, в состоянии полного оцепенения и беспомощности.

Гражданской и административной власти в Москве оставалось только ликвидировать свои дела. Эта ликвидация произошла не без недоразумений.

Мрозовский уже 1 марта дает телеграмму в Петроград, что Шебеко покинул свой пост градоначальника, оставив здание градоначальства.

Повидимому, растерянность градоначальства была достаточно велика, так как помощник Шебеко, полковник Назанский, впоследствии так повествует об уходе своего начальника.

— Градоначальство с 28 февраля уже не управляло полицией,—говорит Назанский.

Власть гражданская, как и военная, перешла в руки генерала Вогак, который имел в своем ведении две казачьих сотни, два жандармских дивизиона и всю полицию.

(Как известно, генерал Вогак в эти дни себя не проявил ничем, и о нем мы знаем только со слов Назанского.)

1 марта с утра было дано распоряжение войскам не пускать через черту Садовой двигавшихся с окраин в центр групп рабочих.

Однако войска, коим была поручена охрана центра, на свои места не явились.

Рабочие двинулись в центр и стали подходить к градоначальству.

Назанский говорит, что с Шебеко случился припадок болезни печени—он потерял сознание.

С момента этого, некстати случившегося припадка, Назанский остался хозяином градоначальства.

Но он понял, что делать уже было там нечего.

Квартира градоначальника была оставлена на произвол судьбы и на произвол толпы.

Назанский и Шебеко, переодевшись в штатское платье, пройдя черным ходом, покинули здание градоначальства; с Тверского бульвара они перебрались в квартиру сестры Шебеко на Остоженку, откуда телефонировали Мрозовскому, что они покинули свой пост, о чем Мрозовский и поспешил телеграфировать в Петроград.

На другой день, не чувствуя себя в безопасности в квартире на Остоженке, Шебеко и Назанский перебрались на Новинский бульвар в квартиру Назанского, там вскоре были оба арестованы и отправлены в Кремлевскую гауптвахту, где просидели сравнительно недолго.

Мрозовский был арестован 3 марта, просидел также недолго, получив разрешение выехать на юг.

2 марта. Утро после нервной, напряженной ночи, радостное утро революции.

Революции победившей, революции бескровной.

Улицы полны толпами народа, все пьяны революционным хмелем, все пьяны свободой.

Группы вооруженных рабочих и студентов конвоируют полицию и жандармов в Думу.

Все и вся тянется к Думе, где собрались вновь возникшие революционные организации, где центр управления Москвой и центр связи с Петроградом.

У прохожих красные розетки в петлицах; пьяные от счастья, радостные, довольные лица.

Все так счастливы, что никто не помнит о войне. К чему она, когда свергнуто ярмо рабства?

Впереди светлое будущее, стоит ли его омрачать заботами?

И никто не думает, что в городе мало хлеба, что на фронте умирают солдаты.

Все сделает революция.

В мозгу, хмельном от счастья, проносятся слова Верхарна о революции:

Все она может, все она в силах,
Одно лишь мгновение
Даст более ей,
Чем целых веков тяготенье...

Повесеннему радостно светит яркое солнце.

В Думе лежат на лестницах усталые солдаты. Грязь на ступенях, махорка ест глаза, коридоры полны народу.

Ошалевшие от усталости студенты, рабочие, журналисты, врачи, юнкера, земские и городские деятели, адвокаты,—все, кто охвачен лихорадкой свободы, все казались братьями.

И снова, впервые после 1905 года, властно зазвучало на улицах и на площадях забытое слово—«товарищ».

День 2 марта следует считать днем полной изоляции и ликвидации растерявшейся московской полиции и жандармерии.

Обыватели, всю жизнь боявшиеся городовых и околоточных, дружно принимали участие в этой охоте за человеком.

По улице, по направлению к Думе, двигались бесчисленные процессии—пешие, конные и на автомобилях.

То вели и конвоировали городовых, жандармов, полиц-

мейстера, приставов, охранников, чиновников и паспортистов.

Часто студенты и гимназисты, вооруженные какими-то игрушечными револьверами и саблями, конвоировали толпу здоровых и бравых городовых и околоточных.

Впрочем, эти здоровые и бравые люди имели вид угнетенный и совершенно пассивный: они шли с опущенными головами под градом насмешек; среди общего возбуждения и веселия они испытывали горьчайшее похмелье.

Толпа не пощадила даже полицейских собак, взятых из сыскного отделения. Их тоже привели на Воскресенскую площадь, украшенных красными лентами и бантами.

Арестованных полицейских из Думы направляли в Бутырскую тюрьму.

Февральская революция вступила в Москву почти без всяких потерь. Погиб, убитый во время шествия полицией, рабочий Астахов.

Погибло также несколько человек при столкновении на Б. Каменном мосту при следующих обстоятельствах.

1 марта, около 9 часов утра, автомобильная рота направлялась от М. Каменного моста через Б. Каменный мост к зданию Городской думы для присоединения к восставшим войскам.

В то же время у Б. Каменного моста выстроилось около 20—25 человек правительственной пехоты, вооруженной винтовками, под командой молодого офицера.

Последний, заняв солдатами подступ к мосту и преградив пропуск через него пешей публике, скомандовал пехоте «на прицел».

Подошедшая без оружия к мосту автомобильная рота остановилась колонной, в строю, в шагах пятидесяти от выстроившейся против нее пехоты.

Из солдатской массы автомобильной роты раздавались крики: «Товарищи, не стреляйте, переходите к нам!..».

В ожидательном состоянии автомобильная рота простояла несколько минут.

Наконец, с криками «ура» рота бросилась на мост всей массой.

Солдаты медлили стрелять, но когда командовавший ими офицер был смят и солдаты автомобильной роты подбе-

жали вплотную к пехотной цепи, из последней раздалось сначала несколько выстрелов сразу, небольшим залпом, затем беглый огонь отдельных выстрелов.

Автомобильная рота отхлынула обратно, оставив на месте троих убитых и несколько раненых. Это были первые жертвы на алтарь революции.

Погибли: Ананий Урсо, Иван Самсонов и Василий Митьков.

II.

ПОДЖОГ ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ. КАБИНЕТ МАРТЫНОВА. СМЕРТЬ ЗУБАТОВА.

Охранное отделение загорелось 3 марта на рассвете. Жандармы и сыщики по приказанию своего начальства сами подожгли архивы, книги и дела.

Из окон второго этажа показались столбы пламени. Тотчас к охранке направились толпы народа и усиленные отряды солдат. Часть солдат и публики вошла внутрь горящего здания и начала выбрасывать оттуда книги и дела.

«Жгите, чтобы следа не осталось! Рвите в клочья!»—кричал народ, с криками «ура» уничтожая книги.

Во дворе охранного отделения был сложен грандиозный костер из разорванных бумаг и книг. Альбомы с фотографиями политических «преступников», всякие реестры и списки разрывались в клочья и тут же сбрасывались в огонь. Толпа не позволяла никому ничего брать. Та ненависть, что жила у народа к этому учреждению, нашла себе исход в этом буйном погроме.

Через полчаса после начала пожара в Б. Гнездниковский переулок были вызваны пожарные, которые намеревались тушить пожар, но толпа не допускала их к работе.

И только убедившись, что все внутри охранного отделения горит, а книги, реестры и дела уже уничтожены, толпа отстранилась, и пожар был быстро потушен.

Серое, обгоревшее здание имело унылый вид. Окна за решетками в нижнем этаже остались целы, окна верхнего этажа все разбиты.

Вслед за разгромом охранки, толпа вошла в сыскное отделение, находящееся здесь же, в Б. Гнездниковском пере-

улке, и уничтожила все шкафы, обстановку, а дела и книги вынесла на улицу и сожгла.

Затем толпа заняла канцелярию градоначальника. Но здесь солдаты не допустили погрома и после некоторых переговоров удалили всю публику на улицу.

С десяти часов утра, проникнув в Гнездниковский пер., я созерцал вместе с другими развалины былого могущества.

Когда-то в этом сером доме с забеленными стеклами со стороны узкого Гнездниковского переулка творилась история.

Здесь сидел родоначальник гапоновщины и русского своеобразного фашизма Зубатов, создавший «зубатовщину».

Здесь работал знаменитый фон-Коттен. Здесь закончил свою карьеру полковник Мартынов, успевший исчезнуть, уничтожив все секретные документы своего стола.

Отсюда выползали по всей России великие и малые Азефы, фабриковали заговоры, здесь творилась великая, невиданная никогда миром провокация.

После брошенной в 1905 году бомбы охранное отделение отделилось от тротуаров рогаткой, мешавшей проезду по переулку.

Но по этому зачумленному переулку и так никто не ездил и никто не ходил, кроме чиновников «отделения по охранению безопасности».

Недаром охранники спешили сжечь охранное отделение и скрыть следы участия бесчисленных провокаторов и осведомителей, которые были везде: среди общественных деятелей, среди кадетов, в адвокатуре, в Земском и Городском союзах, в Военно-промышленном комитете, в казармах, на фабриках и заводах и даже в Государственной думе!

Теперь все тайны иудиного предательства погребены под грудами пепла и грязи.

С невольным трепетом перешагнул я порог ворот охранки, раскрытых настежь, и вошел во двор.

Дым еще кое-где пробивался из-под камней и досок, брошенных во дворе.

Меня интересовал кабинет великого начальника охранной «ложи», самого Мартынова.

Преодолев расспросы каких-то новых, еще ничего не

знавших сторожей, бросивших кабинет Мартынова на произвол судьбы, я вошел туда через небольшую переднюю и коридор.

Запах горевшей бумаги, холод вследствие разбитых стекол, грязь, потоки воды—все это делало кабинет шефа провокации мало привлекательным.

Но все же кое-что от былого величия в нем оставалось.

Довольно большая комната с громадным письменным столом посредине.

К этому столу через всю комнату лежит громаднейшая шкура черного медведя. У стола бесчисленные телефоны и отводки.

Но самое любопытное это были стены: стен почти не было видно, они были увешены огромными картами.

При первом взгляде на карты казалось, что это карты географические или астрономические.

Представьте себе великолепно разрисованную планетную систему.

Большие и малые солнца, луны, Марс, Сатурн, целые созвездия, которые связаны друг с другом лучами, тяготеют друг к другу.

Все это великолепное созвездие было не что иное, как революционно-планетная система, вращавшаяся вокруг солнца—охранного отделения—и двигавшаяся по пути к созвездию Геркулеса, т. е. к тюрьме или каторге.

Глядя на эту карту, вы видели, что от центрального комитета партии идут к периферии окружные, областные комитеты, городские комитеты, фабрично-заводские, студенческие кружки и т. д.

И охранка следила за движением этих планет, за их работой, перемещением личного состава, проверяя донесения своих агентов, причем Петр освещал деятельность Сидора, не имея понятия, что Сидор также поставлен на работу охранным отделением.

Здесь кормились революцией, получали жалование с головы, ордена с виселиц.

Впоследствии участковые комиссары, разбираясь в делах участков, обнаружили массу интересных документов, связанных с деятельностью охранки.

Между прочим, в участках были обнаружены, помимо

общих регистрационных карточек белого цвета, на которые заносились все жители района данного участка, карточки красного цвета.

На этих карточках оказались занесенными все, считавшиеся неблагонадежными в политическом отношении граждане России.

Каждый приезжавший в Москву гражданин представлял в участок свой паспорт для прописки.

Лицо, заведывавшее красными карточками, немедленно разбиралось, нет ли среди них и карточки приезжего.

Если таковая оказывалась, то за неблагонадежным устанавливалось соответствующее наблюдение, о нем давали знать и в охранное отделение, принимавшее в зависимости от необходимости те или иные меры.

Помимо картограмм, рисовавших генеалогическое дерево революции, в охранке составлялись и специальные графики о повышении или понижении революционного движения.

Исследователи охранки утверждали, что перед приездом царя графа «боевики» сразу поднималась кверху.

Повышение революционной температуры было необходимо, конечно, для прочного утверждения охранной карьеры.

Охранники были суеверны и верили в судьбу.

Как-то, некоторое время спустя после разгрома охранки, мне принесли талисманы, найденные в кабинете полковника Мартынова: кошелек с какими-то таинственными значками, с молитвой, написанной на каком-то странном наречии, и с заклинанием от всякой опасности.

В заклинании сказано, что с ним никогда нельзя расставаться.

Должно быть, Мартынов сделал ошибку, расставшись с этим заклинанием, так как оно было найдено не на нем, а в письменном столе.

Круглые часы в кабинете показывали около двенадцати. Ночи или дня?

В этот час перестало биться сердце охранного отделения.

Бронзовая статуэтка сиротливо стоит на маленьком столике.

Разве не мистически-трагична судьба охранного отделения, хотя бы в лице знаменитого С. В. Зубатова?

Почти одновременно с прекращением биения сердца охранного отделения, перестало биться сердце величайшего из охранников — Зубатова, гениальнейшего организатора русского фашизма, натравливавшего рабочих на предпринимателей, устроителя грандиозной манифестации московских рабочих к памятнику Александру II.

Мрачная душа ревностного сподвижника старого режима не могла перенести гибели монархии.

В этом Зубатов был последовательнее многих из своих единомышленников—Зубатов застрелился.

2 марта в лечебницу доктора Лурье на Пятницкой улице позвонили по телефону, прося поскорей прибыть в квартиру шестнадцать дома двадцать восемь на Пятницкой улице для оказания медицинской помощи стрелявшемуся человеку.

Доктор Лурье немедленно отправился по указанному адресу.

Его встретил живущий в этой квартире чиновник Государственного банка г. Зубатов, который попросил доктора войти в спальню, где лежит его отец, незадолго перед приходом доктора застрелившийся.

При осмотре трупа оказалось, что Зубатов выстрелил себе в правый висок и пуля вышла в левый.

Смерть наступила моментально.

На лице следы кровоподтеков, происшедших, по мнению доктора, от того, что покойный стрелял в себя стоя и затем после выстрела рухнул на землю вниз лицом.

На письменном столе лежали написанные рукой покойного записки, в которых он просит никого не винить в его смерти, прощается с сыном и делает некоторые распоряжения.

Сын покойного просил доктора Лурье помочь ему добиться разрешения на похороны отца.

После долгих хлопот, Зубатову удалось получить разрешение от товарища прокурора Московского окружного суда Лисовского на предание земле тела самоубийцы.

На вопрос о причине самоубийства, сын Зубатова заявил доктору Лурье и товарищу прокурора, что покойный в последние дни страшно тосковал, видя стремительное раз-

рушение монархического строя, ревностным сторонником которого он себя признавал.

Говорили, что Зубатов оставил после себя мемуары.

Где они? Какой драгоценнейший документ погиб бесследно.

Надо уходить. В разбитое окно слышен шум и ругательства.

Это среди пожарища возятся старые курьеры, служащие и вся челядь, которая имела квартиры во владении градоначальства.

Вся эта челядь обеспокоена своей судьбой и напоминает разоренный муравейник.

Какие-то наивные провинциалы разыскивают адресный стол.

Жулики и оборванцы любуются на разгром сыскного отделения.

Какой-то оборванный субъект показывает товарищам валяющиеся томы, похожие на Библию,—справки о судимости.

«Дуй их, рви их!»—гогочут оборванцы.

Сторожа выгоняют их в переулок.

Толстый кучер градоначальника вывел сытую воронуюлошадь во двор. В руке его щетка, а на лице недоумение.

Стоит ли чистить? Да и кто же на ней поедет, ежели Шебеко в тюрьме?

Прохожу по канцеляриям. Нетронутые огнем лежат на столах переписка, циркуляры, дела, справочники.

Валяются фотографические карточки «преступников», разыскиваемых и т. д.

Валяются безо всякой охраны томы «дел».

Валяется справочник: «Алфавитный список лиц, разыскиваемых циркулярами департамента полиции от 16 марта 1907 г. по 1 января 1910 г.».

Кого, кого тут нет!..

В книжке триста восемьдесят страниц и около двенадцати тысяч имен. Страшный синодик вчерашней власти. И все это лежит уже в мусорной корзине истории ненужным хламом!

III.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ИЗ ТЮРЕМ. ОРГАНИЗАЦИЯ КОМИССАРИАТОВ. АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ СТАРОГО ГРАДОНАЧАЛЬСТВА.

Общая амнистия была опубликована Временным правительством только 18 марта, в один день с законом об отмене смертной казни.

И тот и другой закон вышли, как это всегда было в дальнейшем у Временного правительства, с большим запозданием.

Пока юристы писали законы об амнистии, по всей России прошел разгром тюрем, сопровождавшийся освобождением заключенных.

Сначала в Москве, затем в Одессе, Харькове, Киеве, Астрахани и прочих городах России и Сибири.

При тюремных беспорядках солдаты кое-где стреляли в толпу, и оказалось немало раненых и убитых.

Министр юстиции Керенский, быть может, не виноват был в этом, так как он занят был вопросами «высшей» политики.

А его помощник А. С. Зарудный, не торопясь и основательно, обдумывал и редактировал закон об амнистии.

Уже с изданием одного из первых законов Временное правительство не поспевает за жизнью. Революция идет вихрем, Временное правительство шагает солидно, как хороший помещик с дворянского собрания. Ритмы революции и власти были различны.

В Москве «внеамнистийное» освобождение заключенных из тюрем производилось толпой стихийно, без всяких ограничений, т. е. освобождали не только политических, но и уголовных арестантов.

В Бутырской тюрьме вмешательство некоего полковника Котляревского, объявившего себя помощником командующего войсками, повело к кровавым столкновениям.

Получив в ночь на 2 марта сообщение, что начальник тюремной стражи Бутырской тюрьмы освобождает уголовных арестантов, Котляревский направился в автомобиле с двумя офицерами и вооруженными солдатами с целью воспрепятствовать выпуску уголовных.

По дороге, Котляревский встретил идущих строем надзирателей Бутырской тюрьмы. Приказав надзирателям повернуть обратно, Котляревский продолжал путь и прибыл на место около семи часов утра.

В это время за воротами тюрьмы стояла уже большая толпа арестантов со своими пожитками. Арестанты собирались разойтись.

Высадив солдат из автомобиля и раскинув их цепью вокруг ворот, Котляревский отдал распоряжение солдатам приготовиться к стрельбе, арестантам же приказал возвратиться во двор, грозя в случае неповиновения расстрелом.

Вслед за этим арестанты были оттеснены во двор, к зданию тюрьмы.

Несмотря на принятые меры, многим из них удалось разбежаться и спрятаться в соседних домах.

Вооружив часть тюремных надзирателей револьверами и дав им в помощь солдат, Котляревский приказал разводить арестантов по камерам.

К этому времени часть арестантов успела вооружиться винтовками, ножами и револьверами, засела у входа в тюремное здание и приготовилась оказывать сопротивление.

Часть солдат, пробравшись через тюремную обмундировочную мастерскую, зашла вооруженным арестантам в тыл и заставила их сдаться.

Из ближайших переулков и с чердака тюрьмы раздавались тем временем одиночные выстрелы. Это стреляли вооруженные арестанты. Солдаты постепенно разыскивали их и приводили в тюрьму.

На сторону уголовных заключенных неожиданно перешел вольноопределяющийся Кащенко, потребовавший освобождения заключенных и угрожавший Котляревскому револьвером.

К вольноопределяющемуся присоединилось несколько солдат, а затем и толпа стала держать себя угрожающе.

Полковник Котляревский выстрелил в вольноопределяющегося из револьвера, а один из солдат ударил его по голове.

Решительные действия бравого полковника успокоили толпу, а вольноопределяющегося отправили в лазарет.

На другой день одни газеты поносили самозванца Котляревского и одобряли Кащенко, другие восторгались решительными действиями Котляревского.

Большинству уголовных заключенных, содержавшихся в Бутырской тюрьме, в эту ночь все-таки удалось уйти на свободу.

Милиция и войска утром и следующей ночью производили облавы на Хитровом рынке, во время которых было задержано около тысячи уголовных.

Многие из них явились в тюрьму добровольно, а многие, за полным отсутствием средств к жизни, занялись снова грабежами и попались скоро в новых преступлениях.

Политических заключенных мужчин было освобождено из Бутырской тюрьмы триста двадцать шесть человек и женщин из женской—две.

Освобождены были в тот же день политические в количестве пятидесяти четырех человек и из губернской Таганской тюрьмы.

Из большевиков в день освобождения из тюрем вышли на свободу многие видные деятели Октябрьской революции: Дзержинский, Рудзутак, Бреслав, Прухняк, Формейстер, Фигатнер, Лус, Надельштейн, Рыкунов, Маршан и Килевич.

Все освобожденные политические во главе толпы пришли к Городской думе, где были встречены с триумфом и овациями.

Революция победила, власть была захвачена, и заключенные освобождены из тюрем.

4 марта в Москве происходили торжественные похороны трех солдат, погибших при столкновении на Б. Каменном мосту. 5 марта на Красной площади состоялся пышный молебен «соборне» и парад войскам, устроенный командующим войсками Грузиновым. Праздник революции кончился, и наступили будни.

Вместо разбитого, разрушенного до основания старого аппарата власти, просуществовавшего несколько столетий, нужно было наспех сколотить новый, который должен был взять в свои руки всю местную власть, должен был охранять порядок, установить и проводить в жизнь новые законы, кормить население, изыскивать средства и пр.

И немедленно за возникновением Военно-революционного комитета, задачей коего было только способствовать революции, возникают Комитет общественных организаций и Московский совет—рабочая организация, призванная объединять рабочие, солдатские и крестьянские массы.

Уже прошла неделя, а революция, всколыхнувшая низы и верхи старого общества, все еще не могла войти в колею. Фабрики не работали, железные дороги почти не пропускали поездов, подвоз продовольствия приостановился.

Московским советом рабочих депутатов по соглашению с Исполнительным комитетом общественных организаций было решено издать постановление о начале работ во всех предприятиях, фабриках и заводах и на железных дорогах с 6 марта.

Совет рабочих депутатов обратился по этому поводу к населению с воззванием, в котором призывал встать на работу 6 марта. В воззвании указывались дальнейшие этапы борьбы за улучшение условий труда, восьмичасовой рабочий день, за укрепление политических и профессиональных организаций и пр.

Командующий войсками Грузинов, любитель поговорить, также объезжал город, произнося речи с призывом к спокойствию и работе.

Постепенно жизнь начинала входить в трудовую колею, но в эту колею уже ворвался красный вихрь освобождения и бури.

Митинги следовали за митингами, кипела организационная работа, выходили на сцену новые люди, которые бросали станок ради широкой общественной и революционной работы.

Заводская полувоенная дисциплина, надоевшая и тягостная для рабочих, не могла удержаться под напором революционной бури.

Никто не хотел работать постарому—без цели и смысла, из-под палки.

Если революция сказалась в армии, то тем более она не могла не перевернуть старый полукрепостнический уклад фабрично-заводской жизни. Немедленно, с укреплением революции, укреплялись и позиции рабочих, рвавшихся к освобождению от вековой эксплоатации.

Образовывались фабрично-заводские комитеты, которые вступили в борьбу со старой заводской администрацией. Работа на фабриках и заводах после Февральской революции начиналась под знаком предстоящей длительной и упорной борьбы труда с капиталом, который в лице Московского общества фабрикантов и заводчиков не замедлил выступить на защиту своих интересов.

Петроград приступил к работе почти одновременно с Москвой и также нехотя и с оглядкой, с призывами забастовать по первому требованию.

Одновременно с восстановлением расстроенной жизни фабрично-заводских и других хозяйственных предприятий началось восстановление административного механизма, который также нуждался в оздоровлении.

Решено было в срочном порядке восстановить деятельность дезорганизованных полицейских участков.

С первых же дней революции полицейские участки были захвачены и разгромлены толпой. Во многих из них были обнаружены склады оружия, как, например, в Мещанской части, где было найдено несколько ящиков с оружием. Запасы оружия были обнаружены в Сретенской части по Б. Головину переулку. Втечение нескольких дней по участкам было отобрано свыше шести тысяч винтовок, четырехсот револьверов и двухсот шашек.

Злополучная полиция, обладавшая такими запасами оружия, не проявила мужества в борьбе за целость полицейских участков. В большинстве случаев они занимались почти без выстрела.

Сопротивление оказывалось в виде исключения, как это было в Сретенском участке, где не обошлось без выстрелов и без раненых. Вобщем, участки оставались в разгромленном виде, а между тем жизнь требовала их немедленного восстановления прежде всего в связи с распреде-

лением продовольствия, которое производилось по карточкам, раздававшимся по участкам.

В конце концов, была принята следующая организация: Москва разделялась на районы, состоящие территориально из одного или двух бывших полицейских участков. В каждом районе функционировал районный комитет (управа), состоявший из представителей общественных организаций данного района, представителей общемосковских общественных организаций и профессиональных союзов.

Население объединилось по районам вокруг комиссариатов, и районные управы взяли на себя в первую очередь заботу о распределении продовольствия между населением района.

Однако, очень скоро начались частые недоразумения между районными управами, которые по идее должны были избирать участковых комиссаров, и комиссарами, которые оказались не избранными, а назначенными центром. Назначение это было сделано из комиссариата градоначальства в революционном порядке, когда еще не было речи о выборности районных комиссаров и проект положения о районных управах еще только вырабатывался.

Состав участковых комиссариатов был интеллигентский: большую часть из них составляли адвокаты, откликнувшиеся на призыв работать, было несколько приват-доцентов, несколько учителей. Деятельность комиссаров была чрезвычайно оживленной.

С первого же дня надо было привести в порядок разгромленные полицейские помещения и делопроизводство.

А жизнь не могла ждать. Толпы народа осаждали реформированные участки.

Кого только там не было!..

Праздные люди ходили без конца, наводя справки о продовольствии, о карточках на хлеб и сахар, а также о днях мясопустных.

Комиссары составляли наспех протоколы о грабежах, пожарах, кражах и скандалах, выслушивали многочисленные доносы и кляузы обывателей, подписывали разрешения на погребение, разыскивали и вручали различные повестки, объявления и извещения, словом, были завалены работой по горло.

В самом градоначальстве мы были заняты день и ночь организацией и инструктированием районов.

Организация комиссариатов, однако, таила в себе зародыш двоевластья.

В том же здании комиссариата, на той же территории, кроме комиссара по внутреннему управлению, по службе внутренней, находился комиссар по наружной охране, ведавший распределением вооруженной силы милиционеров, постовой их службой,—словом, наружной охраной и безопасностью.

Эти комиссары по наружной охране в большинстве случаев из бывших военных, назначенные не из гражданского градоначальства, а из управления начальника милиции, существовавшего первое время параллельно градоначальству, не признавали и не хотели признавать авторитета гражданского комиссара участка.

На этой почве сразу же стали возникать бесконечные недоразумения между комиссаром гражданским и комиссаром по наружной охране, между этими комиссарами и районной управой, избранники которой захватывали себе также исполнительную власть.

Все это надо было постоянно улаживать, реорганизовывать, реформировать, склонять на компромисс в бесконечных словопрениях и заседаниях.

Канцелярия градоначальства представляла в первые дни хаотическую картину. Над столами чиновников еще висели полные анахронизма объявления старой власти: ограничительные циркуляры Министерства внутренних дел о праве жительства евреев, объявления Мрозовского о введении осадного положения в Москве и пр.

Чиновники боязливо жались по углам, большинство их были жалкие, эксплоатируемые Акакии Акакиевичи, получавшие грошевые оклады. Они с большой охотой вскрывали тайные и темные стороны административного аппарата старой власти.

Среди обнаруженных материалов и переписки было найдено немало интересных документов, характеризовавших деятельность последнего градоначальства царского периода.

В памяти остались любопытные материалы по организации охраны во время проезда через Москву царских особ, членов императорской фамилии и простых немецких принцесс, приезжавших в Россию погостить к своим сестрам и кузинам.

План охраны был разработан до мельчайших подробностей, вплоть до высылки всех подозрительных лиц, до закрытия окон, запечатания чердаков и подвалов по линии проезда высочайших особ в Москве.

Из документов же было видно, что на это отпускались громадные суммы денег.

Охранное отделение и градоначальство расходовали эти суммы, не подлежавшие точному учету, в значительной степени по своему усмотрению.

Найдены были документы, касавшиеся деятельности Союза русского народа в Москве.

Центральными фигурами союза являлись в Москве архимандрит Макарий Гневушев, сапожник Стволов и бывший железнодорожный служащий, выдававший после 1905 года участников декабрьского восстания, известный Орлов.

После начала Русско-германской войны «союзники» решили поднажиться на подрядах.

В делах был найден договор, по коему военное ведомство сдало Союзу русского народа в лице о. Макария Гневушева громадный подряд на пошивку белья.

При организации пошивки белья «союзники», через Макария Гневушева решили безвозмездно эксплоатировать труд монастырских монахинь с тем, чтобы лихвенная доля барыша попала в карманы вождей Союза русского народа.

Однако дело не пошло так гладко, как им хотелось: получены были большие авансы, а подряд, как и следовало ожидать, не был выполнен.

В градоначальстве дело о подряде Союза русского народа, оставившего русскую армию без белья, находилось на расследовании, вернее, судя по датам, просто под сукном.

Среди документов были обнаружены кое-какие сведения об охранниках. Сведения эти были переданы в образованную тогда специальную «Комиссию по обеспечению нового строя» для расследования.

Была найдена переписка о Распутине и другие менее значительные документы. Градоначальник Шебеко предусмотрительно уничтожил 1 марта все, что могло более всего компрометировать деятельность высшей администрации в Москве.

Сам он, впоследствии, сидя на кремлевской гауптвахте под арестом, готовил длинную записку о своей деятельности, отрекаясь от Протопопова, выявляя себя либералом и чуть ли не сторонником еврейского равноправия.

Работали мы все над разборкой документов и над налаживанием нового административного аппарата много и с увлечением.

Работать приходилось днем и ночью, причем первые дни под угрозой получить пулю в спину.

На работу вечером мы приходили с М. Гнездниковского переулка, погруженного в полный мрак. Повидимому, в этом переулке были размещены квартиры чинов охраны, так как в нас часто первые вечера, при приходе на работу, а ночью при выходе сыпались из неведомых углов и домов выстрелы, на которые мы предпочитали не отвечать.

В конце концов, хотя Тверской бульвар был также совершенно погружен во мрак, мы, заняв под канцелярию роскошную квартиру Шебеко, выходившую на бульвар, стали проникать в помещение на работу с Тверского бульвара.

В квартире Шебеко было обнаружено много инвентаря, роскошная мебель, масса фарфора, посуды для приемов и банкетов, масса хрусталя и бронзы. Все это было взято на учет и сдано разным учреждениям.

Вслед за роскошной спальней градоначальника был расположен прекрасный зимний сад, поддерживавшийся с большим вкусом и заботой.

Общий обзор помещений показывал, что канцелярии градоначальства ютились в грязных, давно не ремонтировавшихся подвалах и полуподвалах, лишенных света.

Зато для шефа этого учреждения были предоставлены многочисленные залы, розовые и голубые комнаты, кабинеты и кабинетики.

В эти роскошные залы и были переведены почти все помещения канцелярии градоначальства.

Скоро явился и предложил свои услуги, скрывшийся было в первые дни революции, начальник сыскного отделения Маршалк.

Он был оставлен на службе, но с тем, что над его работой был поставлен специальный комиссар (М. Ф. Ходасевич); сыскное отделение было преобразовано в управление уголовного розыска и причислено к ведомству юстиции.

В то время назначение контрольных комиссаров сделалось популярным и перешло в Октябрьскую революцию.

Исполнительным комитетом общественных организаций было постановлено назначить комиссаров во все учреждения, в которых работа окажется неналаженной.

В градоначальстве были сосредоточены первое время все прежние отделы: общая охрана безопасности—милиция по всем районам Москвы, внутреннее управление, выдача видов на жительство, иностранных паспортов, выдача всевозможных разрешений (на погребение, на ношение оружия, на право торговли, покупку спиртных напитков), надзор за торговлей, участие во всевозможных административных и смешанных комиссиях, борьба со спекуляцией и прочее.

Новым отделом был вновь организованный при градоначальстве, с участием представителей советов, отдел по реквизиции.

Отдел этот широко практиковал товарную реквизицию с оплатой реквизируемого имущества по оценке, производимой экспертами.

Административная машина градоначальства работала широко, имея в центре до трехсот служащих, а на местах, в сорока восьми бывших полицейских участках, служащих и милиционеров до двух с половиной тысяч.

IV.

ВОССТАНИЕ МОСКОВСКИХ ДВОРНИКОВ. ПОПЫТКА СОГЛАШЕНИЯ С ДОМОВЛАДЕЛЬЦАМИ. ОБЩИЙ МИТИНГ В ТЕАТРЕ ЗИМИНА. МИТИНГ ВОРОВ.

Революция всколыхнула народные массы: все накопленное веками недовольство, унижение, сознание приниженности эксплоатируемого труда постепенно искало выхода наружу.

В различных отраслях предприятий вспыхивала, угасала и снова вспыхивала волна забастовок.

Поднялось движение и в такой темной, неорганизованной массе, какой являлись московские дворники.

Комиссариату градоначальства было известно, что на нескольких митингах дворников было решено предъявить ряд требований к домовладельцам.

Тем не менее, мы были весьма удивлены, когда утром во время занятий услышали шум и увидели громадную толпу демонстрантов, направлявшуюся к градоначальству с красными знаменами и лозунгами, призывающими к освобождению труда.

Это оказались московские дворники. Вся процессия подошла к градоначальству, расположившись лагерем около него, вдоль улицы и Тверского бульвара.

Выступили два оратора, которые обратились к нам, как представителям новой общественной власти, с просьбой помочь им в удовлетворении их законных требований, избавив от эксплоатации домовладельцев.

По просьбе товарищей мне пришлось обратиться к демонстрантам с речью, в которой я их успокаивал и обещал поддержку в удовлетворении их законных требований.

Демонстранты разразились приветственными криками, и вся толпа направилась дальше—демонстрировать перед Московским советом.

Психология дворников была понятна: по старой привычке иметь дело с полицией они прежде всего направились за удовлетворением своих требований в градоначальство.

Оставить их без помощи и поддержки было нельзя тем более, что они несли и милицейскую службу, оказывая помощь милиции в ночной охране города в качестве ночных сторожей.

Никаких государственных органов по охране труда еще не существовало.

Мне было поручено урегулировать отношения между дворниками и домовладельцами. Ввиду обострившегося положения нужно это было сделать в кратчайший срок.

В Москве к тому времени существовало уже два объединения домовладельцев: одно—Общество домовладельцев г. Москвы, другое—Союз домовладельцев г. Москвы.

Я вызвал к себе представителей этих организаций и представителей организаций дворников для просмотра требований дворников.

На нескольких совместных согласительных заседаниях пришлось убедиться в справедливости требований дворников и в полной неуступчивости домовладельцев.

Сошлись представители двух, казалось, самых непримиримых лагерей и классов: с одной стороны, дворники, темные, невежественные, забитые, с другой—домовладельцы, тоже темные, жадные на копейку, привыкшие на дворника смотреть, как на раба, которого можно разбудить во всякое время ночи, послать его по своим личным мелким делишкам, держать его с семьей в собачей конуре и пр.

Взаимная ненависть прорывалась при общих переговорах, долго не приводивших ни к каким результатам.

Представители одной из домовладельческих организаций, в конце концов, согласились подписать предварительный проект соглашения с дворниками.

Затем скоро явились другие уполномоченные и заявили, что первые, подписавшие соглашение, превысили свои полномочия.

Они потребовали созыва общего собрания домовладельцев и дворников для выработки окончательного соглашения.

Я указал им, что эта попытка будет последней и, если они не подчинятся принятому соглашению, то мы проведем его административным порядком.

Собрание было назначено в воскресенье в двенадцать часов дня в помещении театра Зимина, о чем были сделаны публикации в газетах.

Явившись в театр, я был поражен многолюдством собрания. Непрерывной волной с шумом вваливались в театр дворники, длинной чинной вереницей тянулись домовладельцы.

Характерно, что два враждующих лагеря сразу сами размежевались друг от друга.

Дворники по собственному почину занимали первый ярус, бельэтаж и галлерею, домовладельцы прямо направлялись в партер, ложи бенуара, ложи бель-этажа.

Открыв собрание, я изложил присутствующим историю вопроса, доложил проект соглашения, просил внести в него поправки.

Стрельбу открыли домовладельцы из Замоскворечья. Они начали жаловаться на убыточность домовладений, на чрезмерность требований дворников, на то, что их делегаты, подписавшие проект, превысили свои полномочия.

Из речей почтенных домовладельцев выходило так, что ни одно из требований дворников не должно было подлежать удовлетворению, что дворники эксплоатируют домовладельцев и желают быть не дворниками, а «министрами двора».

Возмущенные дворники не остались в долгу, верхние ярусы гудели от криков негодования и протеста против елейных речей домовладельцев. Их ораторы громили домовладельцев, разоблачая их эксплоататорский подход к вопросу о правовом и материальном положении дворников.

В конце концов, та и другая сторона кончила свои протесты заявлением, что теперь не старый режим: дворники говорили, что они вправе рассчитывать на удовлетворение своих справедливых требований, домовладельцы же надеялись на невмешательство представителей общественной власти в их конфликт, который должен кончиться их частным сговором с дворниками.

Домовладельцы рассчитывали победить дворников локаутом и дезорганизацией, что, вероятно, и удалось бы им.

Ввиду бесплодности дальнейших прений я закрыл собрание, заявив, что вследствие упорного нежелания домовладельцев подчиниться соглашению, проведенному с участием их представителей, вопрос будет разрешен административным порядком.

Собрание расходилось с шумом и протестующими замечаниями. Дворники в негодовании на коварство домовладельцев выражали свои протесты криками, гулкое эхо которых тревожило непривычные к резкому шуму стены оперного театра.

Остановиться на полдороге было невозможно, и комиссариатом градоначальства весь согласительный проект был проведен приказом, распубликованным через несколько дней после собрания.

Таким образом была осуществлена попытка невполне закономерного вмешательства новой власти в разрешение экономических конфликтов.

Домовладельцы таким разрешением вопроса остались крайне недовольны, дворники же удовлетворились вполне, и с дворницким вопросом было покончено.

Самое любопытное для наблюдателя в этой истории было упорное нежелание домовладельцев пойти хоть сколько-нибудь навстречу требованиям дворников, по существу в конечном счете очень умеренным и справедливым, и уверенность домовладельцев, что ничего с ними новая власть не сделает и сделать не может.

Их постигло заслуженное разочарование.

Одним из любопытнейших эпизодов первых дней революции—дней розовых надежд, любовных излияний и речей на тему: свобода, равенство и братство—был митинг воров, состоявшийся в конце марта в цирке Никитина.

Трудно сказать, кто был организатором этого оригинального «митинга», но тем не менее он прошел, как народное собрание, как митинг, хотя участниками этого многолюдного собрания и были почти на сто процентов воры.

Митинг воров был созван инициативной группой «сознательных» среди преступного элемента, пытавшихся найти и себе место среди свободных граждан новой России.

Цирк был переполнен.

В качестве представителей общественности выступали, насколько помнится, Е. Д. Кускова и др.

Смысл речей ораторов-общественников сводился к восхвалению революции и ее завоеваний, к воспеванию общности интересов богатых и бедных, которые должны были отныне сообща трудиться над обновлением общей матери России.

Выслушивались эти речи с удовольствием, покрываясь громкими и дружными аплодисментами.

Но были, однако, и скептические умы среди преступного элемента. Эти говорили, что одно дело теория и совсем другое дело—жизнь.

Недостаточно одного только желания, чтобы исправиться; общество, желающее избавиться от преступника, должно создать для него благоприятные условия для исправления, приучить его к труду и предоставить этот труд, не ставя человека в положение безработного, тщетно протягивающего руки за работой, как за милостыней.

Речи эти встречали еще большее сочувствие среди аудитории, принимавшей знакомых ей ораторов возгласами приветствия и одобрения.

Резолюции выносились, кажется, в духе обязанности для общества пойти навстречу преступнику, оказать ему поддержку, чтобы и он мог приобщиться к новой, свободной и радостной трудовой жизни.

Митинг закончился к общему удовлетворению.

Во всяком случае, это было исключительно интересное зрелище—открытый митинг воров, воров организованных и воров-одиночек, говоривших смело и откровенно о своих гражданских правах и о своих обязанностях.

Несмотря на полное отсутствие милиции, жалоб на кражи среди публики, пришедшей поглазеть на диковинный митинг, не поступало.

Вслед за митингом воров, вызвавшим разнообразные толки по Москве, состоялось собрание проституток.

Оно было недостаточно многолюдным и по результатам также мало удачным.

Оба митинга были просто попытками «отверженных» к декларации своих прав человека и гражданина.

Этим влияние Февральской революции на преступников и проституток почти закончилось.

Впрочем, о попытках административной борьбы с проституцией скажу после.

Преступный элемент очень скоро разочаровался в революции.

Классовое общество было достаточно равнодушно к судьбе преступника, да и сам преступник в массе своей не мог обновиться чудом по формуле Кусковой и др.

Скоро все пошло постарому. Возник, как феникс из сыскного пепла, уголовный розыск, и колесо завертелось: воры уловляли обывателя, а сыщики снова преследовали воров. О митинге воров сохранилось теперь отдаленное воспоминание.

Этот первый и последний публичный митинг воров и преступников вошел только забавным эпизодом в историю Февральской революции.

V.

СУДЫ. СЛЕДСТВЕННЫЕ КОМИССИИ. МИТЯ КОЗЕЛЬСКИЙ — ВРАГ РАСПУТИНА. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ. РЕКВИЗИЦИЯ ОСОБНЯКА КШЕСИНСКОЙ В ПЕТРОГРАДЕ И ГОСТИНИЦЫ „ДРЕЗДЕН“ В МОСКВЕ.

Новый революционный министр юстиции Керенский начал с многообещающих выкриков и воздушных поцелуев по адресу политических жертв старого судебного режима.

Казалось, что весь этот режим канет в Лету без следа.

6 марта Керенский разослал по телеграфу приказ прокурорам судов, чтобы они лично освободили политических и каждому освобождаемому лично передали приветствие от него, Керенского. Тем не менее, он не решался проявить излишнюю революционность в реформе российских судов. Правда, сначала им была проведена резкая и решительная реформа судопроизводства у мировых судей. Реформа эта была им проведена под давлением Петроградского совета, в истом советском духе, но в качестве опыта она коснулась только Петрограда и Москвы.

При каждом мировом судье были поставлены в виде комиссаров правосудия один рабочий и один солдат. Эти комиссары-заседатели принимали участие в рассмотрении дел в мировых судах «по разрешению недоразумений с населением».

Приказ Керенского от 3 марта гласил по этому поводу следующее: «Столичным мировым судьям. Необходимо быстро устранить печальные недоразумения, возникшие в городе между солдатами, населением и рабочими, для чего предлагаю всем мировым судьям немедленно, с получением сего, принять участие в образовании временных судов для разрешения этих недоразумений. Суд, в составе трех его

членов—мирового судьи, представителя армии и представителя рабочих—заседает в помещении камеры мирового судьи. Вопросы разрешаются по большинству голосов, причем члены суда пользуются равноправием. Серьезные дела направляются на разрешение коменданта от Временного правительства. Настоящая мера имеет временный характер».

Но эта революционная иллюзия длилась недолго: месяца полтора-два. После этого опыта, показавшегося слишком революционным, комиссары были сняты со своих постов, и судопроизводство у мировых судей продолжалось, как и раньше, до реформы.

Слуг старого режима арестовывали столь добросовестно и в таком множестве, что в столицах были учреждены и работали специальные комиссии об арестованных.

В Петрограде комиссия работала под председательством присяжного поверенного М. Л. Гольдштейна, а в Москве—под председательством также присяжного поверенного, комиссара юстиции г. Москвы, а впоследствии председателя Чрезвычайной следственной комиссии Н. К. Муравьева.

Комиссии эти работали буквально день и ночь, хотя весь материал, собранный комиссиями об арестованных, сводился к анкетному допросу, за которым в большинстве случаев следовало немедленное освобождение.

Тем не менее, первые дни марта тысячи «политических» арестованных заполняли тюрьмы, и судить всех этих мелких царских слуг не было, конечно, ни надобности ни возможности.

Среди арестованных много было человеческого мусора, но попадались и любопытные экземпляры, которыми, к сожалению, некогда было заняться с полным вниманием.

Помню, что вскоре после первых дней революции один из моих товарищей сообщил мне, что на Брянском вокзале, во время облавы на жуликов, арестован подозрительный человек, косноязычный, впоследствии оказавшийся бывшим другом Распутина, юродивым Митей.

Из расспросов я убедился, что это был тот самый знаменитый Митя, о котором писали много в иностранных, особенно немецких, газетах.

Тот самый юродивый Митя, который после Японской войны играл такую видную роль при дворе Николая II.

Тот самый Митя, который ввел Распутина в высокие сферы, впоследствии вступил с ним в борьбу и был за это отправлен в ссылку в г. Козельск Калужской губернии.

Митя появился на московском горизонте, выброшенный революцией, схваченный при облаве на Брянском вокзале, когда он направлялся из буйного Петрограда в богоспасаемый Козельск.

Мне удалось узнать от допрашивавших Митю некоторые откровения Мити политического свойства.

Допрос велся, кажется, при помощи сопровождавшего Митю козельского мещанина, кое-что смыслившего в митином бормотании.

При Мите найден был паспорт на имя личного почетного гражданина Дмитрия Знобишина и билет на право проезда по всем российским железным дорогам в вагонах третьего класса.

Попов, он же Знобишин, в дальнейшем был препровожден в Хамовнический комиссариат для допроса.

Добытые данные путем перевода бормотания Мити на человеческий язык нельзя, однако, считать безусловно достоверными, так как материал получился из вторых рук в искаженном виде.

Мите был задан вопрос, знал ли он заранее о готовившемся убийстве Григория Распутина.

Дядя Мити служил поваром у князя Сумарокова-Эльстона, и казалось странным, что в день убийства своего бывшего друга, а потом злейшего врага Распутина Митя оказался в доме Сумарокова-Эльстона.

«Пили чай, было много гостей, играла музыка»,—объясняет Митя.—«К Гришке звонил по телефону Дмитрий Павлович. Гришка отказывался. Потом послали два автомобиля, за Гришкой поехал Юсупов. Скоро приехали они вместе с Гришкой. Огни в автомобилях были потушены. Потом раздались выстрелы, мы вбежали—Гришка лежит мертвый. Распутина связали, и два каких-то человека понесли на автомобиль и увезли его. Великий князь Дмитрий Павлович похлопал меня по плечу и сказал: «Иди к себе, Митя!». Ударили к ранней обедне, я и ушел молиться».

Таков бесхитростный рассказ Мити.

Убили, а он пошел молиться к обедне.

Почему Митя все-таки очутился в момент убийства в квартире Сумарокова-Эльстона?

Вопрос этот так и остался невыясненным.

О царе Митя отзывался восторженно, называл его «папашей» и целовал свои руки от умиления.

Об Александре Федоровне—хуже:

— «Во всем мамка виновата! Папка молился, а мамка виновата, казнить меня за Гришку хотела, а Гришка—чорт! Чорт, чорт!»

Митя делает приэтом двумя пальцами рога над головой.

Этот косноязычный человек, казавшийся воплощением юродивых, времен царя Иоанна Грозного, ничего не выиграл от убийства Распутина.

Ничего не получили и эксплоатировавшие юродство Мити.

Ему, в сущности, ничего не надо было: бродить по монастырям, бездельничая—вот призвание Мити.

Он и бродил всю жизнь.

Скитания привели Митю ко двору, и он занял место, которое ранее него занимал Вася-босоножка, а после него занял Григорий Распутин.

В обществе последнего немало скитался Митя.

Он же, Митя, когда разочаровался в Распутине, поссорившись с ним, пытался вместе с безумным Гермогеном кастрировать Распутина.

Илиодор Труфанов в одном из своих писем о Распутине (от 25 января 1912 года), по существу воспроизведенных в книге «Святой чорт», говорит об этом случае довольно подробно.

Спасшийся Распутин не мог забыть своего страха и повторял: «Митю нужно прибрать...»

Митю прибрали на покой в Козельск.

Революция смела всех врагов Мити, но смела она и всех его покровителей, а Митю бросила в толпу бездомных бродяг.

Какова была дальнейшая судьба Мити, неизвестно...

Недовольствуясь местными следственными комиссиями, Временное правительство 4 марта учредило Чрезвычайную следственную комиссию.

Учреждением Чрезвычайной комиссии с самыми широ-

кими внесудебными правами Керенский хотел оплатить тот вексель, который он выдал рабочим и крестьянам при своем вступлении во Временное правительство в качестве министра юстиции.

Впоследствии, для помощи Чрезвычайной следственной комиссии при разборке материалов Департамента полиции была образована постановлением Временного правительства от 15 июня при Министерстве юстиции особая комиссия для обследования деятельности бывшего Департамента полиции и подведомственных департаменту учреждений за время с 1915 по 1917 год.

Результатом работ этой комиссии под председательством П. Е. Щеголева было раскрытие ряда крупнейших секретных сотрудников в Петрограде и в Москве.

Керенский обещал учинить скорый суд над царскими министрами, но суда этого никто не дождался, так как кроме сухомлиновского процесса не было рассмотрено ни одного дела.

Кроме учреждения Чрезвычайной следственной комиссии, Министерство юстиции Керенского не произвело никакой коренной ломки судебного аппарата.

Судебные деятели в Москве на собрании послали приветственную телеграмму Временному правительству, затем вынесли постановление об упразднении в своих резолюциях слов «по указу его императорского величества». Слова эти были заменены другими: «Суд определил».

Все политические дела были исключены из очереди и изъяты, впредь до прекращения их по амнистии.

Технически суды действовали попрежнему. Попрежнему были завалены делами. В общем они старались итти в ногу с революционными требованиями, но бывали случаи, когда революционная необходимость сталкивалась с нормами старого закона, причем суды оставались в рамках этого закона.

Такая коллизия между интересами революции и нормами старого закона произошла в делах о реквизиции особняка Кшесинской в Петрограде и гостиницы «Дрезден» в Москве.

Небезынтересно вспомнить, что в Москве, не считая принудительного внесудебного выселения семейств чинов полиции, проживавших при полицейских участках, первое выселение граждан было из ставшей знаменитой гостиницы

«Дрезден». На этом-то выселении произошло первое столкновение суда с Московским советом.

Выселение началось еще в июне, т. е. задолго до Октября. Московский совет рабочих депутатов чувствовал себя страшно стесненным в бывшем доме генерала-губернатора на Скобелевской площади. Как бывает всегда, помимо действовавших старых учреждений и канцелярий революция создала массу новых. Старое еще не было упразднено и ликвидировано, а новое вырастало и предъявляло свои требования.

Свободных помещений в Москве совершенно не было, так как в Москву из прифронтовой полосы, из оставленных польских городов, было переведено много учреждений с их канцеляриями, а также много фабрик и заводов с их рабочими и служащими.

Революционным организациям было тесно.

Московский совет рабочих депутатов постановил безотлагательно реквизировать для своих нужд помещение гостиницы «Дрезден», расположенной на Скобелевской площади, вблизи Совета.

Возник вопрос о порядке выселения жильцов гостиницы из занимаемых ими номеров.

Несмотря на объявление о том, что они должны очистить помещение, никто из жильцов гостиницы не думал подчиниться этому распоряжению.

Представители Московского совета явились в градоначальство и требовали, чтобы милиция принялась за выселение жильцов «Дрездена». Реквизиция гостиницы была санкционирована Исполнительным комитетом общественных организаций.

Между тем жильцы гостиницы подняли вопль в газетах и в обществе.

Градоначальство, в лице А. М. Никитина, все же после некоторых колебаний решило пойти навстречу Московскому совету и принялось «милицейскими» мерами освобождать гостиницу от ее обитателей. Сначала милиция уговаривала, потом грозила, потом понемножку принялась за действительное освобождение.

Жильцы начали подавать заявления о незакономерности их выселения и о произволе милиции в тот же Исполнительный комитет общественных организаций.

Дело дошло до суда.

И вот тут-то произошло интересное столкновение между старым законом в лице мирового судьи Тверского участка и новым революционным порядком, показавшее, что старый закон, старый суд не смог итти нога в ногу с революцией.

Несмотря на то, что мировой судья имел данные о необходимости этого помещения для Моссовета, он решил пойти против революционных «беззаконий» и приостановил выселение. С точки зрения старого закона и охраны прав отдельных граждан старый судья думал, что он действовал правильно.

По мнению некоторых законников, судебное решение было прекрасным решением, демонстрировавшим независимость судебных деятелей. Но, конечно, с точки зрения революционной необходимости решение было анахронизмом.

После решения суда дело пошло совсем уже необычно.

Представитель Моссовета игнорировал судебное решение и не подал апелляционной жалобы в съезд мировых судей.

Поверенный «дрезденских» жильцов был в восторге, получив исполнительный лист на приостановление выселения.

Но Московский совет уже перестал считаться с авторитетом старого суда и настаивал на выселении мерами милиции.

Представители Совета, товарищи Пискарев и Белорусов, принадлежавшие к большевистской фракции, регулярно два-три раза в неделю приходили в градоначальство и настаивали на освобождении «Дрездена». И... несмотря на судебное решение, коим пресекалась возможность реквизиции гостиницы, выселение мерами милиции продолжалось.

Начатое при А. М. Никитине, оно было закончено месяца два спустя по его уходе с предоставлением жильцам максимальных льгот при выселении.

Так закончился конфликт между старым законом, пытавшимся выступить открыто против нового революционного порядка. Решение суда осталось только на бумаге.

В борьбе за свои права революция победила.

Отныне многие из московских граждан были обречены кочевать с места на место, и реквизиция «Дрездена» была матерью грядущих выселений.

На примере «Дрездена» мы видим, что революционная необходимость выдвинула вопрос о реквизиции квартир еще задолго до Октября.

Любопытно, между прочим, что у «Дрездена» был предшественник—знаменитый особняк Кшесинской. Захваченный после Февральской революции Центральным комитетом и ПК партии большевиков, он послужил предметом юридического спора у одного из мировых судей города Петрограда.

Кшесинская просила оставить ей хотя бы часть особняка под устройство столовой-пансиона, который она якобы собиралась открыть.

Большевики бедной содержательнице пансиона отказали в помещении.

Тогда Кшесинская через одного из петроградских адвокатов предъявила у мирового судьи иск о выселении захватчиков и о восстановлении ее в правах собственности.

ПК партии большевиков послал на суд двух своих представителей—Козловского и Богдатьева, которые напомнили суду и слушателям речь Маркса перед кельнскими присяжными заседателями.

Цитируемая речь Маркса мало повлияла на мирового судью, и процесс большевиками был проигран.

На стороне Кшесинской была не только буржуазная и либеральная печать, ее юридические доводы разделяли и многие из юристов-меньшевиков.

Тем не менее, как известно, дворец Кшесинской, несмотря на это решение суда, не был ей передан. Здесь также революция оказалась неуступчивой, и в конфликте со старым законом она победила. Дворец балерины стал цитаделью большевиков.

И на побежденном старом законе действительно оправдались слова Маркса о том, что старые законы, возникшие из прежних отношений, вместе с ними и гибнут, разделяя их судьбу.

VI.

АПРЕЛЬСКИЕ ДНИ. УЛИЧНЫЕ МИТИНГИ.

Излишне говорить о декларациях по внешней политике Милюкова, сначала вызвавших его столкновение во Временном правительстве с Керенским, а затем вызвавших и исторические апрельские демонстрации в Петрограде и Москве, закончившиеся падением Милюкова.

В эти дни в первый раз грозно выступила против Временного правительства масса.

Это выступление уже не было мирным выступлением учащихся, солдаток или инвалидов:—в Петрограде выступили Финляндский, Московский, Павловский, Кекгсгольмский и другие полки, а также массы рабочих.

На красных плакатах толп, выступивших на демонстрацию с оружием, красовались надписи: «долой Милюкова, долой министров-капиталистов».

Это было первое предостережение Временному правительству; второе оно получило в июльские дни; при третьем выступлении,—в Октябре,—Временное правительство перестало существовать.

Вечером 20 апреля в Москве получились сведения о петроградских вооруженных демонстрациях против Временного правительства.

Были сообщения о кровавых столкновениях на улицах, об убитых и раненых в этих столкновениях.

Слухи о беспорядках в Петрограде все росли.

К ним уже примешивались слухи о готовящихся демонстрациях в Москве.

Помню день 21 апреля, тревожный и нервный. Придя в градоначальство в одиннадцать часов утра, я стал полу-

чать телефонограммы из районов о начавшемся брожении на фабриках и подготовке каких-то таинственных отрядов, искавших оружие и несших плакаты «долой Милюкова, долой министров-капиталистов, мир без аннексий и контрибуций».

Каринского [1]) в градоначальстве не было. Была дана циркулярная телеграмма по всем комиссариатам с приказом милиции оставаться на местах, охранять комиссариаты, а при попытке захвата оружия оказывать сопротивление.

Получены были тревожные вести из Петрограда.

Не хотелось оставаться в неизвестности, и я часа в два дня отправился в Совет рабочих депутатов.

Застал я там следующую картину: толпы народа заполняли площадь перед Советом, ораторы висели на памятнике Скобелева.

Красные знамена волновались и качались в толпе, и десятки плакатов с призывом «долой Милюкова» реяли в воздухе. Настроение толпы было приподнятое, возбужденное.

Внутри Совета я застал потревоженный муравейник: только что было принято решение послать агитаторов, видных членов Совета, по фабрикам и заводам для убеждения рабочих не примыкать к демонстрациям и прекратить таковые, ожидая дальнейших известий из Петрограда.

Меньшевистские и эсеровские ораторы один за другим выходили к толпе на балкон дома Совета, произнося успокоительные речи...

Стоявшая внизу на площади толпа принимала ораторов весьма недружелюбно; успокоительные речи прерывались криками, ироническими возгласами и требованиями отставки Милюкова.

Красные плакаты с требованиями «долой Милюкова» протягивались из толпы вверх к балкону, чтобы ораторы с балкона могли получше рассмотреть их.

Наблюдая всю эту сцену из окон Совета, выходивших на площадь, я видел, что настроение толпы повышается, что количество демонстрантов увеличивается. Положение делалось напряженным.

---

1) Комиссар градоначальства, скоро оставивший этот пост.

В Совете боялись, что рабочее движение широкой волной хлынет из центра на окраины.

Вожди умеренных социалистов были охвачены тревогой; решено было перебросить контрагитацию в районы немедленно.

Тревога увеличивалась еще и потому, что к демонстрантам примкнул 55-й полк, явившийся чуть не в полном своем составе с теми же лозунгами: «долой министров-капиталистов», «долой Милюкова».

К солдатам-демонстрантам присоединилась масса рабочих из Замоскворечья; особенно выделялись рабочие завода Михельсон, активно сблизившиеся с 55-м полком.

Пошли слухи, что солдаты 55-го полка снабжены военными патронами.

Все это немало содействовало чрезвычайной нервности руководителей Совета.

Надо было видеть это волнение, эту панику растерявшихся вожаков Совета перед неожиданным для них призраком гражданской войны.

Захрипели гудки автомобилей, и десятки машин понеслись по Москве на окраины, на фабрики и заводы, неся на себе «уговаривающих» социалистов, которые в первый раз почувствовали, что почва заколебалась под их ногами.

Действительно, во время апрельских дней всякому мыслящему человеку стало ясно, что под Временным правительством разверзается пропасть.

Для Временного правительства стало ясно, что необходимо что-то сделать, чтобы затушить это растущее, грозное, глухое недовольство.

И в качестве жертвы Временное правительство в эту разверстую бездну бросило Милюкова.

Демонстрации 21 апреля продолжались весь вечер до глубокой ночи.

Бесконечной вереницей ораторы у памятника Пушкина и у памятника Скобелева сменяли один другого.

Лойяльные по отношению к Временному правительству граждане непрерывно таскали в комиссариат своих противков, обвиняя их в измене.

Сторонники порядка одерживали верх.

Митинговали до позднего утра.

Бледный рассвет заставал группы людей, говоривших речи до хрипоты, споривших друг с другом до изнеможения.

Крестьяне, ехавшие утром с возами на базар, с изумлением смотрели на диковинное зрелище, на истомленных, бледных ораторов, решавших судьбы России в четыре с половиной часа утра среди аудитории, на три четверти состоявшей из бездомных бродяг и уличных женщин.

Острота политического момента постепенно сглаживалась.

Но еще долго шли уличные митинги, превратившие тогда улицы Москвы в места бурного народного веча.

В этом отношении наиболее любопытной была судьба памятника Пушкину, которому суждено было сыграть видную роль в период от февраля по октябрь 1917 года.

В Москве этот памятник служил местом народных собраний, местом ожесточеннейших споров, ареной проявления возвышенных патриотических чувств и политических страстей.

Перед ним проходили ораторы всех партий, направлений и оттенков, здесь говорили о свободе, о социализме.

И отсюда же часто разъяренная толпа доставляла какого-нибудь смелого интернационалиста, попавшего во враждебную ему среду.

Под возгласы «держите его», «немецкий шпион!» оратора, повинного в пропаганде немедленного прекращения войны, доставляли в качестве немецкого агента в Тверской 2-й комиссариат или в комиссариат градоначальства.

Ему учинялся легкий, анкетного характера опрос, и, когда удалялась толпа, противник милитаризма выпускался на свободу.

Такие же сцены до глубокой ночи происходили и у памятника Скобелева.

Помню, как там толпа едва не растерзала одного присяжного поверенного Х., говорившего против войны, приняв его за немецкого агента. Едва не был избит П. Н. Мостовенко, вступившийся за фронтового солдата, говорившего против войны.

Между прочим был задержан по подозрению в агитации среди солдат П. Г. Смидович; он был немедленно освобожден.

Памятник Пушкину привлекал наиболее яркую по составу участников аудиторию.

Здесь споры и идейная борьба шли ожесточеннее, чем в других местах.

С начала марта оба памятника—Пушкину и Скобелеву—были украшены красными флагами.

К пьедесталу памятника Пушкину кроме того был прикреплен красный кусок материи, на котором белыми буквами было написано несколько строк из стихотворного послания Пушкина Чаадаеву:

> **Товарищ, верь: взойдет она,**
> **Заря пленительного счастья,**
> **Россия вспрянет ото сна**
> **И на обломках самовластья**
> **Напишет наши имена...**

В тревожные моменты Московский совет вынужден был закрывать уличные народные веча.

Митинги были воспрещены во время Государственного совещания.

Большевики в целях усиления агитации, когда после Государственного совещания они снова почувствовали пробуждающееся движение масс, поставили в заседании исполнительных комитетов советов раб. и солд. деп. 2 августа вопрос об отмене запрещения уличных митингов, указывая, что митинги дадут возможность бороться с антисемитской пропагандой и травлей советов со стороны буржуазии.

Однако эсеры и меньшевики боялись уличных собраний и высказывались, что отмена запрещения приведет только ко «всеобщему, явному и равному погрому».

Запрещение уличных митингов было в силе до сентября, когда, ввиду выборов в районные думы, большевики снова подняли вопрос о разрешении уличных собраний.

Эсеры снова ссылались на опасность разрешения митингов, ввиду попыток контрреволюции и погромов.

Меньшевики их на этот раз не поддержали.

В соединенном заседании совета раб. и совета солд. деп. 21 сентября запрещение уличных митингов было снято, но фактически уличные митинги уже начались гораздо раньше официального разрешения.

В начале и в конце Февральской революции «было слово». И когда страна насытилась после долгих веков рабского безмолвия словом до отвала, когда слово выродилось в фразу, в пустую болтовню, всем захотелось покончить с пустым словом, с бесконечной болтовней.

Арена вокруг памятника Пушкину все чаще и чаще омрачалась столкновениями почти кровавого характера.

И однажды осенью на памятнике нашли плакат с ядовитой надписью: «Вспомните конец пушкинской сказки о рыбаке и рыбке. Будете у разбитого корыта!»

Плакат досужего скептика убрала милиция.

Стояли дни осенние, жуткие и унылые.

Несмотря на это, памятник привлекал к себе все ту же нервную, озлобленную, взволнованную толпу.

В городской управе как-то был поднят вопрос о том, что толпа, располагающаяся на митинг вокруг памятника Пушкину, оттягивает и разрушает своей тяжестью художественной работы цепи в виде виноградных листьев, опоясывающие площадку перед памятником.

По распоряжению городского головы Руднева однажды явились рабочие, отвинтили цепи от тумб, к которым они были прикреплены, и увезли их.

Цепи были свалены в какой-то управский склад и не возвращены на место до сей поры.

Перед памятником попрежнему продолжались митинги до поздней ночи, пока в конце сентября снова не были запрещены всякие уличные митинги.

Площади вокруг Пушкина и вокруг Скобелева опустели.

Это наступило затишье перед бурей.

В конце октября со Страстной площади заговорили пушки; гранаты и шрапнели полетели мимо фигуры поэта, сбивая сухие ветви с деревьев бульвара.

Площадка перед памятником огласилась не звонкими фразами о патриотизме, о войне до победного конца, а революционным грохотом пушек и стонами раненых.

VII.

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. ЕГО ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА НА МЕСТАХ.

Как исполнители приказов центральной власти, главным образом Министерства внутренних дел, мы не могли не ощущать пассивности и вялости работы этого ведомства.

Во главе Министерства внутренних дел, как и во главе правительства, стоял князь Львов, с первых же дней революции проявивший прежде всего слабость, прекраснодушие, земскую неторопливость.

Неодобрительно отзываются как о Временном правительстве, так и о самом Львове и бывшие членами этого правительства покойный В. Д. Набоков и здравствующий А. С. Зарудный, в своих докладах дающий убийственную аттестацию правительству Львова.

Милюков в своей «Истории» также характеризует Львова как человека без энергии и без инициативы.

Львова все мы знали по его деятельности в Земском союзе в Москве, где он широко ворочал миллионами и проявлял земские хозяйственные таланты.

Но Россия—не Земский союз: вести кормило правления среди шторма разъяренных стихий, освобожденных революционных инстинктов, перед лицом грозного врага—это не то же самое, что организовывать санитарно-питательные отряды и бани на фронте.

Львов во многом и не раз доказал, как он мало понимал в политике, в дипломатии и в соотношениях сил внутри страны.

Его не покидали прекраснодушие и неумеренная восторженность, которые не соответствовали ни его возрасту, ни его жизненному опыту.

В вопросах внутренней политики никто не чувствовал руководства Львова.

Когда Львову указывали на необходимость реформировать местное управление, он обыкновенно ограничивался восторженными ламентациями поэтического свойства на тему: «какое счастье жить в России», а по существу вопроса заявил лишь следующее:

«Временное правительство сместило старых губернаторов, а назначать никого не будет—на местах выберут. Такие вопросы должны разрешаться самим населением. Будущее принадлежит народу, выявившему в эти исторические дни свой гений! Какое великое счастье жить в эти великие дни!»

Комиссары губернские и уездные не были так счастливы, как их шеф.

Компетенция их была Львовым определена весьма двусмысленно: не становиться поверх создавшихся на местах органов в качестве высшей инстанции, но лишь служить посредствующим звеном между ними и центральной властью.

В результате такой политики, как мне пришлось убедиться на опыте Московской губернии, административная жизнь на местах была совершенно дезорганизована.

Если так было на местах, то не лучше было и в Московском градоначальстве.

Здесь в работе приходилось всем нам рассчитывать только на собственные силы и разумение. Петроград изумлял нас своей медлительностью.

Во главе управления милицией на протяжении всей российской территории стоял, кажется, князь Эристов, помощником его был С. А. Балавинский.

Втечение нескольких месяцев мы не получали от них ни руководящих указаний, ни инструкций и создавали свою собственную комиссариатскую и милиционную организацию.

Появлявшиеся из Петрограда представители Министерства внутренних дел интересовались, как у нас идет работа, выражали большое удовольствие по поводу достигнутых результатов и уезжали снова, поучившись в Москве уму-разуму.

Кажется, только в середине апреля Временное правительство удосужилось упразднить Департамент полиции, оста-

вив его чинов за штатом на общем основании. Это значило, что все чиновники упраздненного департамента получали жалование за шесть месяцев вперед, сохраняя чины и ордена.

Недурной подарок за столь полезную в прошлом для России службу!

Упразднив Департамент полиции, Министерство внутренних дел учредило новый под громким названием: «Временное управление по делам общественной полиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан».

Долго вырабатывался законопроект о милиции, и когда он был опубликован, то оказался плохим сколком со старого положения о полиции.

Москва никогда им не пользовалась, выработав свою собственную внутреннюю структуру административного управления, гораздо целесообразнее министерской.

И в этом сказывалась отсталость петроградской бюрократии.

Между прочим, мне по работе в комиссариате Московской губернии на опыте также пришлось узнать, к какому развалу приводили медлительность и колебания в проведении аграрной реформы.

Колебания эти объяснялись как общей политикой Временного правительства, так и зигзагообразной политикой Министерства внутренних дел, которое пугалось социалистического разрешения земельного вопроса.

Трагизм положения правительства был в том, что крестьянству, как и рабочим, надоело ждать. Рабочие, возвращаясь с фабрик и заводов в деревню, организовывали крестьянские комитеты; крестьянская интеллигенция организовывала крестьянские союзы.

По всей России устраивались бесчисленные митинги, требовавшие передачи всей земли народу. Крестьяне не хотели ждать, не имея гарантий, не имея твердых норм земельного закона.

Временное же правительство призывало к порядку и спокойствию, хотя было очевидно, что одними этими призывами ничего добиться было нельзя.

Министерство внутренних дел признавало недопустимым самочинное осуществление земельной реформы на местах.

По ведомству Львова были разосланы губернским и уезд-

ным комиссарам два циркуляра: один с требованием сообщать правительству о всех эксцессах в аграрном движении на местах, другой—с требованием принять репрессивные меры против крестьян, нарушителей порядка, посягающих на помещичью собственность.

Какое успокоение эти циркуляры могли внести на местах?

Мне пришлось убедиться на опыте, что крестьян они успокоить не могли, охранить помещичье хозяйство не могли тоже, уже хотя бы по одному тому, что Временное правительство не обладало для подавления антипомещичьих беспорядков вооруженной силой.

Роль губернских и уездных комиссаров сводилась, в сущности, снова к роли добродетельных чиновников, мировых посредников, «уговаривающих» и убеждающих крестьян, что чинить беспорядки не следует, что землю они все равно получат.

Могла ли быть более неблагодарная роль?

И это все, что придумали в министерских канцеляриях по земельному вопросу.

Впрочем, нет, не все.

13 апреля было опубликовано постановление об охране посевов и о вреде разрушения инвентаря помещиков.

Но крестьянское движение не останавливалось, волна его росла все шире.

Вскоре уже министру-социалисту Церетели пришлось издать предписание комиссарам всеми мерами бороться против самочинных распашек и засевов чужих угодий.

В дальнейшем министр внутренних дел Авксентьев дошел и до приказа об аресте членов земельных комитетов.

Министерство внутренних дел боролось с крестьянским движением, Министерство земледелия, со времени назначения министром Чернова, раздувало это движение.

Уже в апреле, по данным, имевшимся в распоряжении правительства, аграрное движение охватило сорок две губернии.

С середины марта до половины августа было зарегистрировано 2 367 случаев аграрных волнений.

Волнения эти по характеру их можно распределить следующим образом: захват угодий—839, захват имущества—

393, захват лесов—216, ограничение права собственности—307, арендные отношения—155, удаление администрации—41, разгром усадеб—65, столкновения по поводу найма рабочих—268, обложение налогами—35, отказ от уплаты налогов—64, столкновения крестьян—45.

Случаи аграрных беспорядков шли в такой прогрессии: март—12, апрель—163, май—512, июнь—855, июль—767 [1]).

«Вот приедет барин—барин вас рассудит»,—успокаивало крестьян созывом Учредительного собрания Временное правительство.

И тем не менее, несмотря на растущую волну крестьянской революции, видя разгром помещичьего хозяйства, правительство не спешило с подготовкой к Учредительному собранию.

Оно, в сущности, ограничилось неторопливым собиранием материалов по подготовке к Учредительному собранию да образованием «Особого совещания по разработке законопроекта по созыву Учредительного собрания».

«Особое совещание» не успело до кризиса правительства даже сорганизоваться.

Как известно, Учредительное собрание было созвано по инерции уже тогда, когда оно абсолютно утратило свой авторитет и свое значение в населении.

Нам, на чью долю выпала обязанность быть комиссарами Временного правительства, пришлось убеждать, угрожать и уговаривать, вплоть до Октября.

---

1) Цифры взяты из книги Владимировой, Революция 1917 г.

VIII.

РОСТ НЕДОВОЛЬСТВА. КОМИССИЯ ПО БОРЬБЕ С ДЕЗЕРТИРСТВОМ. ПОГРОМЫ. УБИЙСТВО АНАРХИСТА И ЕГО ПОХОРОНЫ

По всей России, с июня особенно, усиленно поднялась волна недовольства и разложения. Отказы итти на фронт, разгромы винных лавок, аресты и убийство офицеров, захваты фабрик и заводов, окончательный упадок воинской дисциплины, продажа солдатского и военного имущества открыто на улицах,—все это сделалось обычным явлением.

К этому времени насчитывалось уже свыше двух миллионов дезертиров, и цифра эта неуклонно росла.

Мне пришлось работать в учрежденной междуведомственной комиссии по борьбе с дезертирством и там воочию убедиться в бесплодности работ этой комиссии.

Почти каждый день милиция и агенты уголовного розыска производили на вокзалах, в притонах и в ночлежках Хитрова рынка облавы на дезертиров, извлекая их оттуда массами.

Среди арестованных обычно обнаруживалось значительное количество уголовного элемента, просто воров и бандитов покрупнее.

Комиссия по борьбе с дезертирством внимательно просматривала весь материал о задержанных, просеивала и сортировала их: уголовных в тюрьму, дезертиров на фронт.

Но уголовные ухитрялись бежать или их выпускали постепенно на свободу, дезертиры же, отправляемые маршевыми ротами, тоже очень скоро возвращались обратно в Москву.

Делалось это так: набирали так называемую маршевую роту и отправляли ее с Александровского вокзала под незначительной охраной на фронт.

Окараулить, конечно, целый поезд никакой охране не было возможности, но в данном случае сама-то охрана, составленная из настроенных очень ненадежно солдат, служила пустой декорацией.

В большинстве случаев подобное пополнение доезжало не далее Можайска, где и разбегалось, возвращаясь в Москву, занимаясь мародерством по городам и селам.

Та же небольшая часть, которая доезжала до фронта, делала это также не из патриотических целей.

На фронте вернувшиеся дезертиры разлагали армию и были абсолютно вредным и ненужным материалом.

Дезертиры, уголовные и бывшая полиция и жандармы представляли собой материал, систематически заражавший фронт и учинивший позорный погром под Калущем.

И комиссия по борьбе с дезертирством занималась тем, что вылавливала из Москвы этот человеческий сор, посылала его на фронт, рассыпала по дороге, чтобы снова собрать и снова рассыпать.

Работа,—нельзя сказать, чтобы полезная и благодарная.

А времени это отнимало много: нужно было ездить в здание Бутырской тюрьмы, где были сосредоточены арестованные и где работала комиссия, заседая раза два в неделю.

Мне приходилось беседовать по поводу бесплодности работ комиссии с представителями военной власти: комендантом, полковником Морозом и другими. Они пожимали плечами и говорили, что ничего сделать не могут.

Было совершенно ясно, что старая армия отказывалась служить и разлагалась на глазах у всех. Разложение началось с тыла и двигалось к фронту.

Конец, окончательный конец был только вопросом времени.

Военные утешали себя, что и Германия была при последнем издыхании, и эта призрачная надежда на развал Германии была единственной надеждой на спасение.

Особенно быстро, гораздо скорее фронтовых, разлагались тыловые гарнизоны: 4 июля были беспорядки в Рязани, 5—7 июля—в Нижнем-Новгороде, в Ельце, в Липецке, во Владимире, в Туле, Козлове, Твери и далее к югу—в Харькове, Астрахани и т. д. и т. д.

Вновь назначенный командующий войсками Московского военного округа Верховский только и делал, что ездил с казаками и юнкерами усмирять вспыхнувшие беспорядки и восстания в тыловых гарнизонах.

Почти в каждом городе солдатские беспорядки начинались, как по команде, с разгрома винных лавок.

После усмирения солдаты маршевыми ротами отправлялись на фронт, конечно, большей частью с тем же результатом, о котором я писал выше, т. е. маршировали до первого большого города.

Прибыв на фронт, Тверской артиллерийский дивизион во время сражения под Тарнополем сдался в плен в полном составе, но предварительно переколол и перестрелял всех своих офицеров.

Убийства и грабежи шли по всей стране.

Все эти горькие факты проходили на глазах у всех, власть едва сдерживала растущий напор анархии.

Нечего и говорить, что параллельно с увеличением роста специальной преступности—военной, колоссально росла общая уголовная преступность.

Число преступлений возросло настолько, что большинство следователей получало к производству по два-три новых дела в день.

Совершенно понятно, что недостаточно еще инструктированная в производстве дознания милиция представляла следственной власти не всегда пригодный материал.

Так или иначе, если следователь должен был по неимению времени ограничиться хотя бы только проверкой дознания, не внося в него ничего нового, то и тогда ему не хватало суток на опрос обвиняемых и свидетелей.

А между тем зверские убийства, смелые, беззастенчивые экспроприации совершались раза два-три в неделю на глазах у всех.

У населения росло сознание, что власть не принимает никаких мер по борьбе с преступностью, что воров и бандитов выпускают через несколько дней на свободу. Результатом такого убеждения явились самосуды, учиняемые населением при поимке преступников. Население видело, что судебная власть бессильна: между днем зверского, взвол-

новавшего всех убийства и днем судебного разбирательства по делу об этом убийстве проходило очень много времени.

Новый прокурор Московской судебной палаты А. Стааль в печати рисовал мрачную картину положения правосудия в Москве. Прежде всего некому было работать. Суд, по словам А. Стааля, был обескровлен, так как не забронированные от воинской повинности судьи и следователи были призваны на войну, кандидаты на судебные должности также. Некоторым следователям приходилось ведать несколько участков; при этих условиях они, конечно, не могли справляться с работой. Понятно, почему громадный процент совершенных преступлений оставался нераскрытым.

А по раскрытым преступлениям медленность шествия судебной колесницы и слабость репрессий толкали население в объятия суда Линча.

Во всяком случае, количество безнаказанных преступлений росло колоссально, количество самосудов росло параллельно увеличению преступлений.

Общая картина бессилия власти и растущей анархии выделялась особенно ярко при рассмотрении деятельности судебного ведомства.

И если это было так в Москве, то в Московской губернии и уездах было неизмеримо хуже.

Население, будучи беззащитным, вынуждено было прибегнуть к мерам самоохраны, как это было в самой Москве с организацией трагикомических комитетов по домовой охране, когда на звук колокола выбегало все безоружное население дома и криками отпугивало бандитов.

Немало способствовало усилению анархии растущее движение всевозможных анархических организаций.

В Москве насчитывалось около десятка различных оттенков и фракций анархистов.

Они издавали в Москве несколько больших газет: «Анархия», «Черный ворон» и несколько листков, вербуя себе сторонников и в среде рабочих.

От времени до времени эти группы и группочки организовывали «эксы», проходившие безнаказанно и дававшие кое-какие средства организациям.

Анархическое движение, тесно переплетенное в некоторых организациях с бандитским, просуществовало в Мо-

скве до лета 1918 года, когда наконец советская власть прикончила с дальнейшим развитием сомнительно анархических организаций, выгнав их пулеметами из захваченных особняков.

При Временном правительстве пришлось бы долго уговаривать анархистов прекратить их разлагающую деятельность. Припоминаю из своей практики следующий случай столкновения с анархистами в Москве.

При покушении на экспроприацию было захвачено двое бандитов, доставленных во 2-й Мясницкий комиссариат. Здесь они выхватили револьверы, начали стрелять, пытались скрыться. Одному, кажется, это и удалось, другой же при возникшей перестрелке был в помещении милиции убит.

Через час ко мне явился начальник милиции, бледный от волнения.

— Ко мне пришли представители анархистов,—сказал он,—предъявили мандаты от анархической организации «Черный ворон».

— Ну и что же?

— Они потребовали выдачи тела убитого бандита, оказавшегося членом организации анархистов, и заявили, что анархистская организация отомстит за его смерть.

— Вооружимся терпением, подождем их мести,—успокаивал я расстроенного товарища.—А пока возьмите записку, пусть им выдадут тело анархиста из морга для почетного погребения.

Анархисты, получив тело товарища, подняли вопль на страницах своих газет с угрозами по адресу милиции и ее начальников.

Я и еще один из товарищей получили по почте, не помню от «Черного ворона» или «Черной точки», приговор, решавший нашу судьбу.

Получив его, я не придал серьезного значения угрозе и не обратил на нее никакого внимания. Действительно, угроза эта так и осталась нереализованной.

Между тем анархисты из похорон своего товарища устроили целое событие.

Стало известно, что в день похорон анархисты готовят грандиозную демонстрацию протеста. С нашей стороны были приняты предупредительные меры.

Похороны анархиста действительно оказались внушительными. Толпа тысяч в семь-восемь шла за черным гробом, с черными знаменами, с анархистскими лозунгами.

Зрелище было зловещее, в духе Эдгара По.

Население с интересом наблюдало эту похоронную процессию.

В стройном порядке прошли с гробом по главным улицам, мимо Московского совета, мимо здания градоначальства. Здесь не обошлось без угрожающих возгласов.

Красные знамена успели уже достаточно примелькаться, поэтому все с любопытством и интересом следили на улицах и из окон за торжественным шествием анархии.

Перепуганные старухи крестились на зловещий черный гроб, на черные знамена, таращили глаза на черные рубашки демонстрантов.

На арену выступало нечто новое, жуткое, страшное, и сердца московских обывателей трепетно бились.

Проходили дни. Ни комиссар района, ни кто-либо другой не стал жертвой мести анархистов. Впрочем, может быть, они не лишены были некоторого чувства признательности, ибо мне однажды пришлось спасти жизнь одному из вождей анархии.

Случай этот не безынтересен для характеристики той эпохи, и я хочу рассказать его в двух словах попутно, потому что он касался одного из виднейших вождей анархического движения в Москве.

Много лет назад ко мне, начинающему адвокату, работавшему в кружке политических защитников, поступило дело по обвинению некоего Владимира Бармаша и других в совершении экспроприации со стрельбой в городовых, бросанием бомбы и пр.

Дело было абсолютно безнадежное, так как слушалось в Московском военно-окружном суде под председательством сурового генерала, который без колебания применял 279 статью XXII книги Свода военных постановлений, устанавливавшую за такое деяние смертную казнь через повешенье.

За неделю до слушания дела, ко мне вечером пришел неизвестный мне человек и заявил, что он пришел со мной переговорить о деле Бармаша.

Он сел и назвал себя представителем организации анархистов, которая решила спасти Бармаша.

Тусклый свет лампы падал на испитое лицо моего собеседника; оно мне понравилось своей изможденностью и внутренним горением.

— Как же вы думаете спасти его?—спросил я своего собеседника,—ведь его положение почти безнадежно. Несмотря на все наши усилия, военный суд приговорит его к повешению.

Неизвестный собеседник посмотрел мне прямо в лицо и поклонился:

— Мы рассчитываем только на вас.

— На меня?

— Да, на вас. Вы должны принять участие в нашем заговоре.

— Объясните, что вы собираетесь сделать.

— Вы должны отравить Бармаша.

Я сидел в недоумении.

— Я поясню: вы, приняв участие в нашем заговоре, отравите Бармаша только наполовину, вы сделаете его безумным, полусумасшедшим, и процесс будет сорван.

Таинственный собеседник пояснил, что я должен буду дать Бармашу в определенные промежутки времени несколько пилюль во время процесса, которые и вызовут у Бармаша все симптомы безумия.

Помню свои колебания. Я был молод, мы боролись за жизнь и свободу революционеров, иногда вырывали у виселицы жертвы. Но здесь способы и приемы спасения человека были другие. Я переставал быть защитником, я становился заговорщиком, я мог разделить судьбу Бармаша и его друзей.

И в то же время меня неудержимо охватило желание спасти жизнь этого неизвестного мне человека. Спасти жизнь! Для этого можно рискнуть.

— Я согласен,—сказал я своему собеседнику.

Он встал и просто пожал мне руку.

Мы сговорились, что я получу пилюли накануне процесса.

Таинственный незнакомец ушел.

На другой день я поехал в Таганскую тюрьму знакомиться с Бармашем и посвятить его в наши планы. Нужно ли говорить, что он принял их с восторгом.

Я не сказал о своем намерении никому из товарищей по защите, я боялся, что они меня отговорят.

Настал день суда. В кармане у меня лежали четыре круглых маленьких пилюли с атропином. Первую я должен был передать до начала суда, вторую—после чтения обвинительного акта, третью—через час после приема второй и последнюю—к развязке.

Явившись в суд, я потребовал свидания с подсудимым наедине. Тут-то меня ждало глубокое разочарование—за Бармашем, как опасным анархистом, следили неотступно.

Я спустился в мрачное подземелье военно-окружного суда на Арбате, куда привели в ручных кандалах Бармаша. Конвойный начальник и солдаты отошли на три шага и стали полукругом, не спуская с нас глаз. Дело было плохо. Надо было достать пилюлю из жилетного кармана и так передать, чтобы ее никто не заметил. Она могла покатиться по полу.

Я потребовал, чтобы часовые отошли дальше и не подслушивали моего разговора с подзащитным. Они отошли на два шага, но удвоили бдительность.

Около часа говорил я с Бармашем, чтобы утомить часовых, и действительно, бдительность ослабела. Незаметное движение—и пилюля перешла в руку Бармаша.

Он проглотил ее по дороге в зал, где должна была решиться его участь.

Вторую пилюлю через решетку, огораживающую скамью подсудимых, дать было тоже нелегко.

Он проглотил своевременно и вторую.

Очень долго было бы рассказывать дальнейшую процедуру суда.

Расстройство речи, бессвязность, полубезумие потребовали экспертизы.

Что же могла дать экспертиза профессора X., если в совещательной комнате Бармашу тыкали горящие спички в расширенные, безумные от атропина зрачки, и зрачки эти никак не реагировали на свет?

Это поражало даже генерала и офицеров суда.

Прошло почти двадцать лет с этого дня, и он остался ярко в моей памяти.

Дело Бармаша выделили для помещения самого Бармаша на испытание в психиатрическую лечебницу.

Когда я спустился к нему через два часа в подземелье суда, он лежал на спине на деревянном диване. При виде меня он провел рукой по горлу, точно сбрасывал с своей шеи веревку, и прошептал:

— Спасибо... вы спасли мне...

Сказать всю фразу он был не в состоянии.

Нужно ли говорить, что Бармаш бежал с помощью своих друзей из психиатрической лечебницы?

Я о нем ничего больше не слышал много лет.

И только потом, когда я видел мрачное шествие анархистов, когда я читал его фамилию, передо мной снова ярко встала страничка прошлого.

IX.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ И ПОСЛЕИЮЛЬСКИЕ НАСТРОЕНИЯ.

Не прошло и трех месяцев после апрельских дней, как нам пришлось их пережить снова, но уже в более крупном масштабе.

3 июля к вечеру стали получаться тревожные известия о беспорядках в Петрограде и о начинающемся выступлении большевиков.

Отправившись на другой день в Совет, я наблюдал картины той же подавленности, какую видел в апрельские дни.

Никто ничего не знал, но все нервничали и волновались в ожидании чего-то страшного и решающего.

С Временным правительством была уже порвана почти всякая связь.

Прямой провод не отвечал.

Последние известия были таковы, что некоторые части солдат и рабочая масса выступают против правительства с требованием: «Вся власть советам». Ожидалось такое же выступление и в Москве.

Придя в градоначальство, я застал там такое же недоумение и растерянность.

— Правительство бежит из Петрограда,—сказал мне один из товарищей.

— Почему вы так думаете?

Тогда он сообщил мне, что в автобазе милиции была получена телеграмма одного из министров Временного правительства с требованием немедленно выслать в Петроград самый сильный автомобиль милиции, гоночный «Бенц».

— Для чего же им нужен гоночный автомобиль, если они не собираются бежать?—вопрошал меня мой товарищ.

Пришлось недоуменно пожать плечами.

Повидимому, в Петрограде творилось нечто в высокой степени важное и трагическое, если у правительства не оказалось автомобилей, и нужно было выписывать их из Москвы.

Тем не менее, я, к общему удовольствию сотрудников отдела, отдал распоряжение — гоночный «Бенц» в Петроград не посылать.

«Бенц» остался в Москве, а мы погрузились в грустные размышления о том, что творится в Петрограде и как все это отразится на фронте.

Ввиду того, что с утра ожидались выступления в Москве, были разосланы телефонограммы о мобилизации всех сил, о подготовке к охране комиссариатов, оружия и пр.

Никаких известий из центра так мы и не получали.

Демонстрации двинулись по Москве часов с 3-х дня 4 июля; настроение толпы было еще довольно нерешительное, несмотря на ультимативные лозунги.

Снова десятки красных знамен с требованием «Вся власть советам» покрыли улицы и площадь перед Московским советом.

Снова смятенные эсеры и меньшевики выслали своих лучших и популярных ораторов на борьбу с выступавшими делегатами демонстраций.

Вечером в этот день была назначена большевиками вооруженная демонстрация у дома Московского совета, несмотря на приказ Совета о запрещении уличных митингов и демонстраций.

Поздно вечером начали собираться группами на площади около памятника Скобелеву демонстранты и просто любопытные.

Сначала участников демонстрации было очень мало.

Часов, кажется, около десяти вечера стали подходить с окраин толпы рабочих и с Ходынки отряды солдат.

Демонстрация не производила впечатления внушительной.

Это обстоятельство ободряюще подействовало на противников демонстрации, среди которых были офицеры, кадеты, социалисты умеренного толка и праздная публика.

Стали раздаваться угрожающие возгласы и призывы громить редакцию «Социал-демократа».

Когда участники митинга стали расходиться, на них напала толпа и стала вырывать знамена, наносить удары демонстрантам.

Столкновения были на площади и по дороге к Капцовскому училищу, т. е. к местопребыванию Московского комитета большевиков, куда уносили знамена демонстранты.

Реакционно настроенная толпа сопровождала уход большевиков с демонстрации бранными восклицаниями, воем, свистом и улюлюканьем.

Явившийся отряд большевиков Ходынского гарнизона подкрепил демонстрантов и охладил пыл нападающих.

Площадь стала пустеть.

В общем московские эсеры и меньшевики были довольны концом этого дня, так как он не обнаружил значительных симпатий масс к демонстрантам, шедшим под знаменами большевиков.

Милицией в этот день были произведены поиски оружия, и было конфисковано в городском районе свыше пятидесяти винтовок, принадлежавших Московскому комитету большевиков.

На следующий день снова шли митинги и продолжались уличные столкновения между сторонниками «порядка» и демонстрантами.

5 июля полученные сообщения говорили, что движение в Петрограде утихает.

Стали успокаиваться и московские улицы.

Жертвы петроградских демонстраций и столкновений, павшие на стороне правительства, были торжественно похоронены в Александро-Невской лавре, погибшие рабочие погребены на окраинных кладбищах.

В Москве столкновения обошлись без жертв.

Правительство, однако, не ограничилось только пышными похоронами да изданием декларации к населению по поводу июльских событий. Оно хотело и на деле показать свою решимость в борьбе с воинствующим большевизмом.

Мы получили указания, что правительство решило бороться с проявлением анархии: в виде временной меры

военному министру и управляющему Министерством внутренних дел было предоставлено право закрывать повременные издания, призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей, содержащие призывы к насилию и побуждающие к гражданской войне, с привлечением редакторов к судебной ответственности.

Мера эта, судя по московской левой печати, не дала никаких результатов.

Московский «Социал-демократ» и другие газеты не убавили тона и продолжали выходить в боевом духе.

Временным правительством, как известно, был издан приказ об аресте В. И. Ленина, но последний перешел на нелегальное положение, и приказ остался неисполненным.

Арестованы были Троцкий и Луначарский.

Петроградская прокуратура по распоряжению министра юстиции готовила большой процесс по обвинению большевиков в государственной измене.

Бывший комиссар московского градоначальства Каринский, в качестве прокурора Петроградской судебной палаты, наблюдал за ведением следствия и должен был выступить обвинителем в этом процессе.

Раздутый процесс лопнул, как мыльный пузырь.

Материал для обвинения в государственной измене был недостаточен: арестованные было Луначарский и Троцкий были скоро выпущены под небольшой денежный залог, а Каринский, как душа следствия против большевиков, должен был выйти в отставку.

Меньшевики и эсеры по поводу событий 3—5 июля разразились длинными воззваниями к рабочим, требуя немедленного восстановления дисциплины и порядка и приглашая всех рабочих вступать в их ряды, обвиняя большевиков в измене делу революции.

Наступило кажущееся затишье, и все смелее стала поднимать голову растущая реакция.

Проявлялась эта реакция против революции, конечно, прежде всего в кругах мещанства, но даже значительная часть чиновной интеллигенции не была свободна от контрреволюционного настроения.

В министерстве и на местах административный аппарат оставался попреимуществу в руках старых чиновников, работавших по старым навыкам.

По поводу обновления министерств и о том, что нельзя вливать «новое вино в старые меха», что нельзя доверять дело обновления и создания свободной России приспешникам старого режима, пришлось читать даже в эсеровской газете «Дело народа».

Газета писала:

«С горечью приходится констатировать, что в тех министерствах, во главе которых стоят наши товарищи, не все обстоит благополучно. Попрежнему сидят на своих насиженных местах все эти директоры, начальники отделений; старые приемы работы, старые навыки остались нетронутыми, лениво попрежнему скрипит бюрократическая машина. В некоторых министерствах образовались союзы служащих. Достаточно хоть раз побывать на их собраниях, чтобы убедиться, что это настоящие «осиные гнезда, подлинные ячейки» контрреволюции» («Дело народа», 27 июля 1917 г.).

Нужно вспомнить, что руководящий орган эсеров писал это о деятельности своих товарищей в министерствах.

Почти вслед за этими строками «Дело народа» пытается поднять падающий дух читателей:

«Не ко времени сейчас этот лозунг—успокоение. Не успокоение нужно сейчас России, а творчество, кипучее творчество, смелое, революционное, исполненное дерзновением. Оно, а не что другое, только оно способно сейчас спасти родину и революцию».

Но дальше этих общих мест, заключавших в себе простой, риторический прием, вожди партии не шли. За словом о дерзновенном творчестве дерзновенного творчества всетаки не следовало.

Я привел эти цитаты, чтобы показать, что накануне созыва Государственного совещания руководящий орган партийной печати, с одной стороны, отмечает медленное революционизирование административного аппарата министерств, в которых эсеровские министры находятся в контрреволюционном окружении, а с другой—с презрением отметает лозунг «успокоение», призывая к самому дерзновенному революционному творчеству.

Пожалуй, не лишнее задать вопрос, кто же тот благоразумный, кто взывал к успокоению, с таким гордым презрением отвергаемому редакционной коллегией «Дела народа»?

Да не кто иной, как плехановское «Единство», тосковавшее от имени всей России об успокоении.

«России нужно успокоение. Не бойтесь этого страшного слова. Ей надо не то успокоение, за которым следом идут засилье временщиков и грубость военного постоя, а такое, которое дало бы ей возможность собрать все свои силы, проявить творческие способности народа, которое дало бы ей возможность сосредоточиться на решении тех грандиозных задач, которые ей предстоит совершить, на тех препятствиях, которые ей надлежит преодолеть, если она не хочет превратиться в отсталое царство рабов и одичалых людей».

Мы видим, что накануне Государственного совещания, на другой день после июльского восстания большевиков, уже готовых захватить власть, умеренные социалистические партии, с одной стороны, предавались, как плехановское «Единство», маниловским мечтаниям о всеобщем успокоении, как будто это успокоение могло быть достигнуто в разоренной России, еще находящейся в состоянии войны. С другой—они—как черновское «Дело народа»—мечтали с маниловским же прекраснодушием о каких-то чудесных революционных достижениях, отвергая с презрением попытку внести пресловутое «успокоение».

Мечта первых об успокоении смахивала на столыпинскую формулу: «Сначала успокоение, а потом реформы».

Мечта вторых—бесплодная тоска по сильным, дерзновенным творческим действиям—роднила эсеров с «Единством» сознанием общего бессилия и политической немощи.

И напрасно «Дело народа» вслед за жестокой критикой деятельности своих товарищей, эсеровских министров, обращалось с воззванием к «революционной демократии», в лице партийных ее организаций, с горячим призывом итти в министерства и взять в свои руки государственный аппарат, не бояться слова «чиновник», а сделать его синонимом «служения народу».

Напрасно «Дело народа» предостерегало, что если это не будет сделано и революционная демократия останется

глуха к этим призывам, то это будет тормозом для народного дела, преступлением против него.

Умеренная часть революционной демократии не очень-то шла на эти призывы «служения народу» в чиновниках.

Кадры работников некем было заполнять. Отовсюду шел об этом вопль. Власть нечем было удерживать, не было рук, да не было и голов.

Было заметно, как общее явление, что интеллигенция неохотно и не в большом количестве шла на административную работу. Чувствовалось в интеллигенции какое-то недоверие к настоящему дню, он казался ей непрочным, а лозунги слишком крайними.

Интеллигенция в массе страшилась революции, она правела под влиянием поражений на фронте, она правела, видя успехи большевиков.

Эсеровская же и меньшевистская интеллигенция была еще немногочисленна, а сторонники ее среди рабочего класса, не чувствуя себя подготовленными, не дерзали итти на судебные или административные посты.

Значительная часть беспартийной интеллигенции играла роль наблюдателя в общей схватке идей и партий.

В среде свободных профессий личная «общественность» в большинстве случаев не выходила за рамки узко профессиональных интересов.

Когда вслед за гостинно-банкетными речами о революции показался страшный, голодный и кровавый ее призрак, большинство почувствовало всю прелесть семейного очага и всю неизъяснимую ценность хороших прочных запоров, охраняющих этот очаг. И это большинство тесно прижалось к кадетам.

После июля масса интеллигенции, особенно в служилой своей части, была уже утомлена революцией и разочаровалась в ней, видя все растущее влияние пролетариата.

Наиболее правая и умеренная часть интеллигенции, связанная с буржуазией, открыто вздыхала о монархии или мечтала о Наполеоне.

Некоторое время кандидатом в Бонапарты у буржуазии был Керенский, объявивший «отечество в опасности», игравший в диктатуру, но вскоре разочаровавшись в этом не-

задачливом Наполеоне, буржуазия стала находить нечто «наполеоновское» в Корнилове.

Недовольство революцией, недовольство войной, недовольство правительством, не умеющим облегчить тяготы жизни, переходило из мирных салонов на улицу и получало свое отражение часто, как в кривом зеркале, в «хвостах», в этих бесконечных очередях за хлебом, за молоком, за калошами.

В милицию часто доставляли из «хвостов» разных черносотенных агитаторов, которые ругали правительство, окруженное «жидами», которые говорили, что революцию создали «жиды», что жиды теперь довольны, занимаются спекуляцией и в «хвостах» за хлебом не стоят.

Проголодавшиеся, простоявшие всю ночь в очереди прислуга и беднота собирали все вздорные и нелепые слухи, полученные во время стояния в очереди, и разносили их по домам, с соответствующими прикрасами и комментариями.

Вся эта беднота, простаивавшая ночи в очередях, видела, как спекуляция, кутежи и разврат цвели пышным цветом.

«Нувориши», награбившие на казенных подрядах и поставках, осыпали бриллиантами актрис и содержанок, устраивали лукулловские пиры и афинские вечера.

Тучи спекулянтов и спекулянтиков зарабатывали на калошах, ботинках, сахаре, нитках, мануфактуре, словом, на всем том, что было так необходимо населению, без чего оно не могло существовать.

В театрах наблюдалось полное падение качества репертуара, в публике—упадок вкуса.

Крупные театры никак не отразили революцию, мелкие культивировали грязную эротику, культ Распутина, «Хоровод» Шницлера, фарсы с раздеваниями, «леды», «Тайны дома Романовых» и множество других сомнительных пьес, среди которых арцыбашевские были еще из лучших.

Искусство никак не отражало революцию, да и не хотело этого делать.

Жрецы искусства не умели и не могли преломить чрез свое сознание Февральский переворот. Он являлся для них чем-то неясным, неуловимым, а герои его туманными, анонимными...

Пытавшийся воспевать революцию Бальмонт быстро изменил своему кумиру, заявив в своих стихах:

Этим летом
Я Россию разлюбил.

Разлюбив революцию, художники и писатели, чиновники и обыватели разлюбили и Россию.

В разговорах за чайным столом обыватели-коммерсанты открыто предпочитали Вильгельма большевикам.

Но и интеллигенция в массе к немецкой интервенции относилась с поразительным легкомыслием.

Ей хотелось твердой власти, которая умерила бы размах революционной волны.

Жажда этой твердой демократической власти была и среди членов социалистических партий.

Помню, как-то вскоре после того, как собралась городская дума, я с группой гласных эсеров в перерыве между фракционными совещаниями отправились пить чай в ресторан Тестова, напротив Думы.

Все находились под впечатлением последних событий, последних споров и разговоров.

За столом воцарилось длительное молчание. Молчание это прервал один из лидеров эсеровской фракции Думы.

— Так больше продолжаться не может,—заявил он с надрывом.—Кто-то должен явиться сильный, спасти страну—мы гибнем!

И все согласились, уныло и мрачно все сошлись на том, что так больше продолжаться не может...

А дни проходили за днями.

На фронте, после провала июльского наступления, царило тяжкое затишье.

Тем не менее, Временное правительство, верное своему долгу союзникам, снова (19 июля) декларировало в ноте союзным державам «войну до конца».

Правительство объясняло неудачу наступления на Западном фронте исключительно преступной пропагандой безответственных элементов, хотя от констатирования наличия этой пропаганды, с которой правительство не могло справиться, союзникам было не легче.

Закрывая глаза на то, что делается в стране, прави-

тельство обещало готовиться к новой кампании, заявляя от имени России, что она не отступит ни перед какими трудностями.

Но никто не верил в победу.

Не веря в победу, интеллигенция не верила и в революцию.

С уст интеллигентских вождей уже реже раздавались призывы служению народу.

Туго и вяло пополнялись ряды оборонческих социалистических партий.

Глухо звучали призывы о «служении народу».

И нужно ли удивляться, что революция вместо людей, проповедывавших «служение народу» и «хождение в народ», выпустила, наконец, на авансцену самый народ.

На глазах у всех правительственная ладья тщетно боролась с натиском разъяренных волн.

А охрипший кормчий Керенский старался перекричать бушующие волны, наивно думая, что он управляет и повелевает стихией.

X.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ В МОСКВЕ.

Известны причины, побудившие Керенского созвать Государственное совещание в Москве.

Временное правительство пыталось, видя под своими ногами пропасть, создать какую-нибудь опору для своего существования во всероссийском масштабе, пригласив на совещание все «живые силы страны»: рабочих, купцов, помещиков, генералов и духовенство.

Но Государственное совещание, составленное из столь различных элементов, могло только продемонстрировать свое классовое расслоение, декларировать свои взгляды на положение вещей и разойтись ни с чем по домам.

Так оно и вышло.

Далеко не праздничным вышло открытие Государственного совещания.

Уже по первому впечатлению видно было, что созыв совещания не вызвал никакого подъема у московского населения.

Конная милиция поддерживала порядок, оцепив полукругом площадь Большого театра, в котором происходило совещание.

За этим кругом стояли кучки любопытных, разглядывая приезжавших на автомобилях членов совещания.

Наибольшим вниманием пользовались в этой толпе две фигуры—Керенский и Корнилов.

Народные низы и рабочие массы демонстративно отшаттулись от Государственного совещания.

В день его открытия бастовали городские предприятия, трамваи и значительная часть фабрик и заводов.

Эсеровский и меньшевистский Московский совет уже потерял свой вес и значение в рабочих массах: забастовка прошла, вопреки решению Совета не бастовать.

Картина зала Большого театра, в котором происходило совещание, была довольно яркой.

Черные сюртуки членов Государственной думы, мундиры военных, рясы духовенства и бесчисленные куртки цвета хаки фронтовых и рабочих делегатов.

В кулуарах куртки и сюртуки смешивались, шли споры и разговоры о попытках соглашения между партиями, о раздорах между Керенским и Корниловым.

Сам собою зрительный зал разделился, как обычно, на правую и левую, причем крайнюю правую и крайнюю левую соединяла посредине группа представителей кооперации.

Сцена театра, красиво декорированная, была занята членами Временного правительства, сидевшими за длинным столом, рядом с которым находилась трибуна для ораторов.

В глубине сцены рядами стояли стулья, на которых сидели приглашенные, получившие разрешение сидеть за местами членов правительства.

Партер зрительного зала, ложи бенуара и первый ярус были заняты членами Государственного совещания, верхние ярусы—публикой, получившей доступ по билетам, распределявшимся специальной комиссией.

Керенский, председательствуя, окруженный своими адъютантами, старался повелевать собранием, бросая короткие решительные замечания.

Голосования вообще по поводу отдельных выступлений никакого не было, что не мешало зрительному залу часто реагировать с места на речи того или иного докладчика.

Тогда импозантное Государственное совещание напоминало собой самый обыкновенный митинг.

Заседание открылось приветственной речью московского городского головы, за которой после перерыва пошли речи политических деятелей.

Странное впечатление производили эти речи.

Казалось, на сцене мелькают призрачные китайские тени, мелькают, жестикулируют и снова исчезают.

Казалось, по сцене двигаются фантомы, олицетворявшие мираж власти, призраки прошлого.

Выходят Набоков, Головин, Гучков, Родзянко, Шульгин. Родзянко собирается читать длинную декларацию давно забытой IV Государственной думы.

Декларация не может уложиться в короткий срок, предоставленный Родзянко, и обиженный «гражданин» Родзянко сходит со сцены, оскорбленный милостивым продлением ему срока мальчишкой Керенским.

В «казачьи» декларации Корнилова, Каледина и Алексеева грозной нотой, своеобразным memento mori [1]) врывается речь большевика—есаула Нагаева.

Эта большевистская речь, испортившая совершенно казачью декларацию, это неожиданное выступление казачьего офицера-большевика вызвало скандал на совещании и обвинение оратора в самозванстве, сделанное генералом Сахаровым из ложи, с места.

Керенский страшно взволновался по поводу замечания о самозванстве, брошенного генералом Сахаровым.

Он выступил на защиту оратора из казачьей оппозиции, говоря, что лицо, бросившее ему упрек в самозванстве, но не выступившее открыто с подтверждением этого факта,—лжец и клеветник.

После этого небольшого и скандального инцидента с представителем казачьей оппозиции, совещанию стало ясно, что не все казаки разделяют программу атамана Каледина.

Немного времени спустя пришлось в этом убедиться и самому Каледину, который, потеряв веру в успех белого движения, застрелился.

Незамеченными прошли предостерегающие речи Плеханова и Кропоткина; их речи казались отвлеченными, кабинетными и не нашли отклика в большей части аудитории.

Напрасно взывал Плеханов к авторитету Энгельса, говоря о несчастии для пролетариата, если власть перейдет в его руки, когда он еще не созрел.

Молодая часть аудитории холодно встречала наставления старых учителей.

И они покорно уходили с кафедры, сдавая новым людям свою власть, авторитет мысли, уходили в историю...

---

[1]) Помни о смерти.

Наиболее ярко реагировала аудитория на выступление Корнилова.

Въезд Корнилова в Москву на Государственное совещание явился некоторой демонстрацией по адресу Керенского и его правительства.

Корнилов приехал в Москву в специальном поезде. С Александровского вокзала он, окруженный преданными ему текинцами в белых папахах, промчался на автомобиле к Иверской часовне. Здесь, после торжественного молебна, толпа сторонников Корнилова устроила ему сочувственную манифестацию, вынесла на руках из часовни и посадила в автомобиль.

От Иверской Корнилов, кажется, не сразу отправился на Совещание, а явился на другой день, потребовав себе слова вне очереди.

Мне передавали, что в этом ему было отказано, в результате чего возник сразу конфликт между Корниловым и правительством, улаженный Терещенко, добившимся, чтобы желание Корнилова о предоставлении ему слова было удовлетворено.

Отношение Временного правительства к верховному главнокомандующему сказалось, между прочим, и в том, что командующий войсками Московского военного округа Верховский демонстративно отказался встретить Корнилова на вокзале. Верховский был прекрасно осведомлен об отношении правительства к Корнилову и с своей стороны не сочувствовал последнему.

Корнилов в речи, произнесенной на Государственном совещании, как и следовало ожидать, имел успех только у правой части собрания.

Демократические и армейские организации остались равнодушны к его призывам ввести железную дисциплину и смертную казнь на фронте, а также сузить деятельность армейских фронтовых комитетов.

Когда правая часть собрания встала, приветствуя Корнилова, как главковерха, левая демонстративно сидела, оставаясь на местах.

На совещании ясно определилось грядущее столкновение между двумя претендентами—Керенским и Корниловым—на

руководящую роль в стране. Люди эти ненавидели друг друга и никогда бы не смогли сговориться.

Как известно, уже через две недели после Государственного совещания столкновение разразилось корниловским выступлением, довершившим развал Временного правительства.

Совещание, задуманное Керенским для сплочения и объединения национальных сил вокруг правительства, не дало в этом смысле никаких результатов.

Но зато на Государственном совещании был поставлен вопрос о власти революционной демократией, в лице большевиков, утверждавшей, что, если советы не станут во главе движения и не возьмут власти, то они умрут естественной смертью.

Эта демократия, не вошедшая в «объединение», огласила свою декларацию за подписью делегатов от профсоюзов, от городского самоуправления, от рабочих кооперативов, от комитетов общественных организаций, союза городских служащих, делегатов армейского и флотского комитетов и членов делегации ЦИК советов, не допущенной на совещание.

Протестуя против созыва контрреволюционного собора, созванного при содействии эсеров и меньшевиков, декларация заявляла, что пролетариат не допустит торжества буржуазных насильников, он доведет революцию до конца, обеспечив крестьянам землю, народу—мир, хлеб и свободу, и, сообща с международным пролетариатом, положит конец господству капитала над порабощенным человечеством.

Нечего говорить, что оглашение декларации большевиков произвело на присутствующих правых и умеренных социалистов впечатление похоронного пения на тихом семейном празднике. Вторично memento mori раздалось в зале Большого театра.

Это memento взвинтило Керенского, который в результате совещания, как и всегда, остался между двух стульев.

В заключение, закрывая совещание, он произнес надрывную речь, с напряжением выкрикивая короткие бессвязные фразы.

Трудно передать ее содержание. Это не была программа, это не было резюме—это было что-то несвязное, тяжелое, истерически-болезненное.

У нас, слушавших эту речь, получилось впечатление, что Керенский болен: на глазах у всех он истерически сорвался в самый решительный и ответственный момент.

В опубликованных воспоминаниях С. И. Шидловского приводится мнение врачей американской миссии Красного креста, дослушавших Керенского до конца.

Речь его на них произвела такое впечатление, как будто бы человек говорил под влиянием какого-нибудь наркотического средства, которое перестало действовать раньше, чем оратор окончил речь.

Можно вполне допустить, что так оно и было.

Заряда «энергии» не хватило, и получился тяжелый, явный для всех «срыв».

Особенно неприятен и тягостен был последний, финальный аккорд.

Несомненно, Керенский видел провал общего сговора, провал всего совещания.

Что ему оставалось делать? Он понимал, что кроме общих фраз нужно еще что-то сильное, цельное, иное...

И в последних надрывных выкриках, угрожая правому крылу собрания, он говорил о тех, которые, опираясь на штыки, хотят низвергнуть революционную власть. Он говорил о цветах, вырванных из его сердца, которое он запрет на ключ, а ключ бросит далеко... в пропасть...

Закончил он воплем о репрессиях «железом и кровью» по адресу левых и правых, пытающихся низвергнуть правительство.

Этот последний крик «под занавес» произвел на присутствующих, как я уже сказал, тяжелое впечатление.

На истерические вопли Керенского послышались ответные истерические вопли «не надо!» и рыдания женщин из публики.

Когда адъютанты увлекли Керенского в ложу, где его после этой заключительной речи пришлось успокаивать и отпаивать, наблюдавшие эту сцену, проходя по коридору, уносили с собой ощущение общего бессилия и слабости.

Можно было мучиться за Россию, нужно было умирать за нее, но горько было служить этому бессильному правительству в лице его министра-председателя, нести ответст-

венность за его ошибки, выслушивать обвинения справа и слева.

Уходя из зала заседания, при падении занавеса над великой трагикомедией, разыгранной плохими актерами в прекрасном театре, видавшем превосходных исполнителей, мы ощущали чувство величайшей горечи.

«Царь я, или не царь?»—казалось, кричал, кривлялся и угрожал всем больной с искривленным лицом человек.

«Крови жажду!»—рычал он. Но в воздухе вместо запаха крови ощущался сильный запах эфира, вдохновлявшего «повелителя» огромной великой страны.

Земский собор закрылся.

XI.

КОРНИЛОВСКОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ И ЕГО ЛИКВИДАЦИЯ. ДИРЕКТОРИЯ И ПЯТЕРКИ.

Не успела власть опомниться от июльских дней, пережить разочарование Государственного совещания, как снова разразилась катастрофа—корниловское выступление.

После всех группировок и «пересадок» образованное Керенским правительство июльского призыва продолжало сохранять безличную физиономию, и во время этой игры в политические фанты редкий министр был доволен своим соседом.

Новое правительство, как и прежнее, начало с того, что снова в согласии с ЦИК отсрочило срок созыва Учредительного собрания с 17 сентября до 12 ноября, обнаружив тем свое глубокое непонимание действительности и приблизив свое падение.

На это-то рыхлое правительство повел свою атаку Корнилов, когда потребовал суровых и решительных мер—милитаризации железных дорог, введения смертной казни в тылу и на фронте и пр.

Из общественных элементов Корнилов прежде всего пытался опереться на бывших членов Государственной думы.

За это время члены последней Государственной думы делали не раз попытки объединиться на частных совещаниях.

Пуришкевич открыто требовал разгона всех советов.

Родзянко и Милюков, разделяя точку зрения Пуришкевича на советы, ждали только момента, когда можно было бы снова созвать Думу и заменить ею советы.

Родзянко и его единомышленники созвали в Москве съезд, кажется, под названием «Съезд общественных деятелей», направления достаточно реакционного.

Глава этих общественных деятелей в эти дни не чувствовал себя в полной безопасности. Он мечтал об охране.

Помню, что Родзянко, приехав в Москву, несколько раз как председатель съезда звонил мне по телефону в градоначальство, прося дать охрану милиции для съезда, так как до него доходят слухи о попытках крайних левых насильственно разогнать съезд.

Я передал Родзянко, что против кинематографа «Арс» (где, помнится, заседал съезд) имеется милиционный пост и этого пока для съезда достаточно, а усиленная охрана, по моему личному мнению, вряд ли приличествует съезду.

Насколько помню, съезд прошел без всяких инцидентов.

На эти-то группы крайних правых, кадетов, бывших членов Государственной думы, общественных деятелей пытался опереться Корнилов, когда потребовал от Временного правительства передачи ему всей полноты государственной власти для сформирования нового правительства.

Корнилов для своего выступления выбрал сравнительно благоприятный момент—прорыв германскими войсками Рижского фронта.

Паника в Москве и Петрограде все росла.

Ставка рисовала в своих сообщениях прорыв фронта немцами, как результат дезорганизации и постыдного бегства армии.

Комитеты фронта и армейские комитеты характеризовали картину прорыва совершенно иначе.

Они сообщали, что целые дивизии гибнут от огня, что латышские полки умирают в борьбе, как герои.

В революционных кругах давно требовали контроля над ставкой.

Этот напряженный момент и выбрал Корнилов для своего выступления.

Видя слабость правительства, он рассчитывал легко смести его со своей дороги. Ему способствовала общая паника, вызванная прорывом северного фронта и падением Риги.

На очередь ставился вопрос об эвакуации правительственных учреждений из Петрограда в Москву.

26 августа Корнилов выступил открыто против правительства, двинув войска Крымова на Петроград.

Хотя все ждали, что после Государственного совещания должны были последовать какие-нибудь события, которые должны были чашу весов перетянуть сразу вправо или влево, тем не менее воззвание Корнилова вызвало смятение в Москве.

Помню, ко мне пришел один из хороших работников, энергичный и честный, бывший офицер с высшим образованием.

Он показал мне воззвание Корнилова, начинающееся словами: «Русские люди! Великая родина наша умирает. Близок час кончины».

На глазах его были слезы. Он прочел воззвание и заявил о своем уходе со службы.

— Вы все будете бороться с корниловским движением,— сказал он,—а я не могу... Я ему сочувствую.

Тщетно было убеждать такого человека. Он не видел нигде власти и в тоске по ней шел за Корниловым.

И скоро такие отколовшиеся у нас работники в центре и в районах насчитывались десятками.

Но навстречу движению Корнилова выросло сильное движение всей революционной демократии.

Страх перед грядущей контрреволюцией объединил всех, от умеренных социалистов до большевиков.

В Москве специальным органом борьбы с корниловщиной являлась организованная думским центром так называемая директория.

По всей стране сорганизовались бесчисленные «пятерки», которые фактически захватили всю власть на местах.

Снова начались аресты правых, помещиков, чиновников и офицеров.

В губернском комиссариате приходилось читать многочисленные телеграммы и жалобы на незаконные аресты.

Милиция рядовая, за немногими исключениями, не пошла за Корниловым и приняла участие в искоренении корниловщины.

Контрреволюционная вспышка Корнилова ослабила Керенского и усилила позицию его врагов слева, прежде всего большевиков.

В Москве Корнилов не сумел подготовить себе достаточный кадр сторонников.

Командующий войсками Московского военного округа Верховский выступил против Корнилова.

Армия на фронте и в тылу раскололась.

Казачество, помимо калединцев, выдвинуло из своей среды группу трудового казачества.

Офицерство делилось на корниловское и демократическое. Даже военные комитеты также разбились на группы.

Кому могла при этих условиях верить солдатская масса?

Она видела, что идет полная неразбериха, и начинала верить только большевикам.

Что же делало Временное правительство, иначе говоря Керенский, после подавления корниловского мятежа?

Он по обыкновению отделывался пышными фразами.

За подписью Керенского и его помощника Зарудного правительство объявило Россию республикой.

Затем вся «полнота власти» была вручена пяти лицам— директории в составе Терещенки, Верховского, получившего за поддержку Керенского пост военного министра, морского министра Вердеревского и министра почт Никитина.

Директорию, обладавшую всей полнотой власти, возглавлял, конечно, Керенский.

Министры-кадеты вышли в отставку при первом выступлении Корнилова, не желая участвовать в борьбе против него.

Негодование демократии обрушилось на кадетов.

Но в общем кадеты оказывали только скрытую поддержку Корнилову, сочувствуя его движению, но на открытое восстание против Керенского они не шли.

Левая демократия повела борьбу с Корниловым энергичнейшим образом. Московский «Социал-демократ» забил в набат. Газета потребовала вооружения рабочих, ареста генералов, закрытия буржуазных газет, конфискации типографии, словом, воспользовалась для своих целей моментом весьма умело.

Перепуганные эсеры и меньшевики предложили большевикам создать объединенный фронт против Корнилова.

Московский комитет партии большевиков согласился на координирование действий, но выставил целый ряд требований и в первую очередь освобождения из тюрем револю-

ционных офицеров, солдат и других членов партии, арестованных в июльские дни.

Сами меньшевики в соединенном заседании совета раб. и совета солд. деп. 28 августа высказались за отмену всяких репрессий против одной из частей революционной демократии в настоящий момент, когда должен быть единый фронт в борьбе с контрреволюцией.

Вскоре последовало освобождение многих арестованных за революционные выступления против Временного правительства.

Корниловские дни подняли энергию и популярность большевиков на необычайную высоту, так как большевики, воспользовавшись моментом, развили энергичнейшую агитацию в казармах, на фабриках и на заводах, на железных дорогах, всколыхнув массы до основания.

В эти дни ими были совместно с эсерами и меньшевиками устроены в Москве громаднейшие митинги и демонстрации.

Эти митинги и демонстрации были использованы блестящим образом для агитации.

Кроме того, в эти дни большевики произвели учет сил и получили приток новых членов из среды солдат и рабочих.

Корниловские дни подвинули также вопрос об организации Красной гвардии.

В объединенное заседание исполнительных комитетов сов. раб. и сов. солд. деп., состоявшееся 31 августа, явились представители совещания фабрично-заводских комитетов и потребовали, чтобы в их присутствии были рассмотрены вопросы о вооружении рабочих, а также о закрытии буржуазной прессы.

Представители одиннадцати районов требовали себе оружия для защиты от буржуазии, которая идет за Корниловым.

Делегаты ставили вопрос чрезвычайно резко, указывая, что, в случае неудовлетворения их требований, рабочие будут действовать сами, помимо советов.

Благодаря противодействию меньшевиков и эсеров вопрос был сдан в комиссию.

И только лишь 2 сентября эта комиссия, делая доклад в том же объединенном заседании, оглашает проект устава Красной гвардии, который собранию было предложено утвердить.

К этому моменту корниловское выступление уже было ликвидировано, и поэтому меньшевики и эсеры, видя угрозу уже не с правой, а с левой стороны, выступили против организации Красной гвардии.

Вопрос о Красной гвардии пошел снова в согласительную комиссию.

Устав Красной гвардии был принят Советом только 24 октября, т. е. накануне Октябрьской революции.

Интересно, что в корниловские дни большевики требовали закрытия буржуазных газет, в частности «Русского слова» и «Времени», которые вели травлю советов.

И меньшевики и эсеры согласились, что в момент гражданской войны закрытие буржуазных газет необходимо, но до ее возникновения надо, по их мнению, «прибегать к закрытию» с осторожностью.

Резолюция, принятая по поводу буржуазной прессы в соединенном заседании сов. раб. и совета солд. деп., предлагала иметь тщательный надзор за прессой, налагая кары за статьи контрреволюционного содержания—от судебного преследования вплоть до окончательного закрытия революционной властью без права возобновления под другим названием.

В итоге самую гибельную роль для власти Керенского сыграло не столько самое восстание Корнилова, сколько последствия этого восстания.

Больше всего вреда причинили Керенскому организации, собранные на борьбу с корниловщиной.

По поводу этих организаций Керенский в своем обращении к населению заявил:

«Образовавшиеся в минувшие дни мятежа по почину самих граждан особые комитеты спасения революции стали центром власти на местах. Ныне, когда мятежники сдались, когда порядок восстановлен, цели этих комитетов уже достигнуты, и Временное правительство приглашает всех граждан вернуться к обычным условиям жизни».

Однако, эти организации, эти пятерки, сорганизованные, в большинстве случаев, при участии партии большевиков, знали, что контрреволюция еще не побеждена, и не собирались себя распускать.

В лице работников этих организаций Октябрьская революция имела своих друзей, сторонников и вдохновителей.

И пятерки на местах продолжали в силу инерции и отсутствия сопротивления свою гибельную для правительства работу.

После подавления корниловского восстания, страна резко передвинулась влево, сразу изменилось отношение к партии кадетов.

На кадетов уже смотрели как на союзников Корнилова, а следовательно, как на врагов народа.

Кадеты, однако, не смущались этим отношением и открыто заявляли, что правительство не имело никакого права до созыва Учредительного собрания объявлять Россию республикой.

Керенский после поражения Корнилова перестал интересовать кадетов и лишился их поддержки.

Попытка его образовать снова коалиционную власть с кадетами встретила сопротивление со стороны партии эсеров.

Правительство оказалось сформированным в виде пятерки, без участия кадетов.

Это еще больше отдалило кадетов от Керенского и лишило его поддержки их партии.

После корниловского мятежа песня Керенского была спета.

Его звезда, увлекаемая падением звезды Корнилова, покатилась быстро к закату.

Это случилось еще и потому, что он сам был слишком скомпрометирован своей двусмысленной ролью в переговорах с Корниловым, вызвавших развитие корниловского мятежа.

XII.

О КЕРЕНСКОМ.

> Гамбетта. „Социального вопроса в республике нет“.
> Рабочие. „Как нет?“ (*Крики.*)
> Гамбетта. „Рабы!“
>
> „Взбунтовавшиеся рабы“.
>
> Керенский.

Великая революционная карьера Керенского началась 2 марта 1917 года. В этот день Керенский сложил с себя звание товарища председателя совета рабочих депутатов и принял пост министра юстиции во Временном правительстве.

О Керенском написано очень много. Большинство трактует его как неудачного политического деятеля, взваливая на него порой ответственность за судьбы России.

В этой главе я хотел бы сказать о Керенском только как о человеке, вернее, как «актере», указав в нем черты, не столько интересные для политика, сколько для психолога.

Об актерстве Керенского никто не писал, хотя друзья и враги его часто сходятся на том, что в Керенском было много актерского, причем одни говорят, что он мог бы быть хорошим актером, другие—посредственным, провинциальным.

Говорящие об актерстве Керенского глубоко правы.

В Керенском было актерство, разумея этот термин в ходовом его значении,—ходульность, тщеславие, поза, дешевка.

Основная черта плохого актерства—истеричность, заменяющая искренность и непосредственность.

Наблюдая Керенского по его работе и выступлениям,

мы всегда наталкиваемся на основную черту его характера—тщеславие, истеричность, крайнюю непоследовательность.

Превыше всего в его характере была поза, превыше всего была фраза.

Это тщеславие актера, эта ходульность, которая примешивалась к благородным порывам, отталкивали от Керенского ближайших его друзей.

Этим качеством Керенский был пропитан с самого детства.

Сведения, сообщаемые друзьями Керенского, уводящие нас вглубь прошлого, к его детским годам, подтверждают, что Керенский любил позу с детства и всегда с успехом участвовал в гимназических спектаклях.

Как известно, детство и отрочество человека кладут отпечаток на всю его жизнь.

Самое интересное в воспоминаниях друзей его по ташкентской гимназии об этом периоде жизни Керенского состоит в том, что они утверждают, что наиболее любимой ролью, которую исполнял Керенский, была роль Хлестакова в бессмертной комедии Гоголя. Они свидетельствуют, что он играл эту роль бесподобно.

У нас, конечно, естественно при этих показаниях напрашивается само собой банальное сравнение Керенского с героем Гоголя. Но банальное невольно становится значительным.

Ирония судьбы предназначила Керенскому в огромном масштабе роль «ревизора» среди граждан и обывателей, живших в эпоху Февральской революции.

В Октябре он сел в автомобиль и уехал за границу; вместо звона колокольчиков раздался автомобильный гудок, а затем последовала немая сцена—явился суровый ревизор Октябрь, наполнив страхом обывательские сердца.

Актер Керенский не играл в детстве ни Гамлета, ни Карла Моора, ни короля Лира.

Эти роли ему были не по плечу.

Действительно, по словам его друзей, он увлекался только ролью Хлестакова.

Керенский, рассказывая о том времени, когда он учился в симбирской гимназии, говорит, что на него, имевшего от роду всего шесть лет, очень сильное впечатление произвело

известие о казни Александра Ильича Ульянова по делу о покушении на Александра III.

Впечатление от этой казни, как говорит он, предопределило будущий склад его революционных убеждений.

Он стал революционером с шестилетнего возраста. В шесть лет он почувствовал уже все ужасы царизма, ненавидел палача Александра III и дал священную клятву борьбы с ним!

Итак, с шестилетнего возраста—тога мстителя за родину...

Но то было в симбирской гимназии, где, между прочим, учился и брат казненного А. И. Ульянова В. И. Ленин, ликвидировавший впоследствии Керенского.

Скоро отца Керенского перевели на службу в Ташкент, и здесь сверстники Керенского по Ташкенту, заслуживающие полного доверия, рассказывают о нем следующий эпизод.

В Ташкенте получено известие о кончине Александра III.

Как полагается, директор гимназии собрал учеников и объявил им, что Россию постигло великое горе: «Его императорское величество государь император Александр III в бозе почил».

Директор достал платок и приложил его к глазам.

В зале вдруг раздался истерический крик и рыдания: это рыдал маленький Александр Керенский, выражая свою скорбь о кончине монарха.

В этом прелестном эпизоде забавная шутка истории.

Керенский в Симбирске плачет о казни Ульянова, Керенский в Ташкенте рыдает о кончине Александра III, казнившего Ульянова.

Ребенок Керенский плачет о кончине Александра III; проходят годы, Керенский низвергает Николая II, сына Александра III.

И вскоре по низвержении Николая, обращаясь к наследнику престола Михаилу и настаивая на отречении последнего, говорит: «Я не ручаюсь за жизнь вашего высочества».

Михаил тут же отрекся, и Керенский преисполнен благодарности:

Ваше высочество, вы—благородный человек, ваш поступок оценит история, он высоко патриотичен и обнару-

живает вашу любовь к родине. Верьте, ваше императорское высочество, что мы донесем драгоценный сосуд вашей власти до Учредительного собрания, не расплескав ни одной капли» [1].

Так говорит Керенский бывшему великому князю Михаилу Александровичу в момент отречения его от престола.

Какая чеканная фраза—«драгоценный сосуд вашей власти донесем, не расплескав ни капли!»

Однако, на деле, получив из рук князя сосуд с властью, Керенский, как это свойственно герою бессмертной комедии Гоголя, быстро опорожнил его до дна и... захлебнулся.

Что делать? Вино, налитое в сосуд власти, кружит слабые головы.

Мальчик, плакавший по Александре III и игравший в гимназическом театре Хлестакова, вырос, но душа его не изменилась. Осталось то же искренне-легкомысленное актерское отношение к действительности.

«Он должен быть убит!»—говорит Керенский о сыне Александра III, Николае II, своему товарищу А. С. Зарудному, чувствуя себя Маратом.

Сенатор С. В. Завадский, обращаясь в качестве члена Чрезвычайной следственной комиссии к Керенскому, министру юстиции, спрашивает, по какому титулу Керенский числит арестованных за собой. «По праву Марата!»—гордо отвечает Керенский.

Роль Марата, как видим, занимала Керенского.

Карабчевский в своих воспоминаниях говорит, что в разговоре с Керенским он, Карабчевский, высказался, что готов защищать Николая Романова.

Тогда Керенский откинулся на спинку стула и провел указательным пальцем по шее, сделав энергичный жест вверх.

— Две, три жертвы, пожалуй, необходимы...—сказал он, обводя всех загадочным взглядом.

Тогда адвокаты, поняв, что речь идет о повешении Николая, стали убеждать Керенского отказаться от кровожадных приемов французской революции, недопустимых в XX веке.

---

1) Воспоминания П. Э. Нольде о В. Д. Набокове.

И Керенский, пококетничав, согласился.

«Бескровная революция—это моя всегдашняя мечта»,—заявил он, рисуясь перед товарищами.

Действительно, скоро «маратовское» настроение прошло, и вместо казни Николая II Керенский старается вывезти бывшего царя за границу.

7 марта в Москве, говоря об отъезде Николая II с семьей за границу, как о вопросе совершенно решенном, Керенский сообщил следующее:

«Сейчас Николай II в моих руках, генерал-прокурора. И я скажу вам, товарищи, русская революция прошла бескровно, и я не хочу, не позволю омрачить ее. Я не буду Маратом русской революции!..»

На нас всех, слышавших тогда эту фразу на митинге из уст Керенского, она произвела сильное впечатление.

«Заявляю, что в самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отвезен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию».

Так эффектно закончил Керенский, сбрасывая тогу Марата, оказавшуюся после первой примерки ему не по плечу.

Как известно, Исполнительный комитет, не доверяя истерическим выкрикам генерал-прокурора Временного правительства, в заседании своем 6 марта постановил: Николая II за границу не отпускать, а подвергнуть его с семьей аресту и содержать в Царском Селе.

Генерал-прокурора постигло разочарование, до известной степени заслуженное.

Впоследствии, когда Временное правительство отправляло Николая II в Тобольск, Керенский не смог отказать в удовольствии проводить царскую семью на вокзал.

По словам газет, он подал руку бывшей царице на подножке вагона и был чрезвычайно галантен.

Что Керенский был весь соткан из тщеславия и опьянен властью до потери сознания, об этом свидетельствуют многочисленные факты.

Чтобы не быть голословными, обратимся к свидетельствам ближайших друзей Керенского, серьезность и правдивость которых вне подозрений.

А. С. Зарудный в своем публичном докладе «Падение Временного правительства», сделанном в Москве в сентябре

1924 года, свидетельствует, в качестве бывшего товарища министра юстиции и личного друга Керенского, что Керенский порой так увлекался, что он, Зарудный, боялся за его умственные способности—«не спятил ли часом!»

Величайший исторической важности момент, когда французский министр снабжения Альбер Тома приехал в Россию, чтобы выяснить боевую способность русской армии, момент, который необходимо отметить ввиду спорности вопроса об ответственности за продолжение войны, Зарудный рисует так.

Керенский в беседе с Тома ругает Милюкова, указывает, что теперь цели войны другие, что России не нужен Константинополь и проливы.

— Я вполне понимаю,—говорит Тома,—что России не нужны проливы и Константинополь, что это не Эльзас-Лотарингия, которые нужны Франции. Будете ли вы при такой постановке вопроса о целях войны воевать в дальнейшем? В зависимости от этого стоит вопрос о победе или поражении Франции.

«И тут,—говорит Зарудный,—у меня похолодело в сердце. Наступило зловещее молчание, и затем Керенский ответил упавшим, неуверенным голосом:

— Будем.

И снова Тома спросил Керенского, будет ли Россия воевать, так как Франция без России воевать не может, и снова Керенский неуверенно пробормотал:

— Будем».

Пусть история остановится на этом показании, на этом роковом разговоре.

Посмотрите, с какой легкостью этот веселый политик Керенский отбрасывает ненужные для России, нужные только Милюкову проливы.

Но уже не с такой легкостью, пойманный хитрым французом, который, не отказываясь от Эльзаса, ловит простачка и ставит вопрос ребром: «Да будете ли вы воевать», Керенский, как пойманный школьник, упавшим голосом говорит: «Будем!»

И второй раз француз спрашивает зарвавшегося политика «Будете ли воевать?», и снова увлекшийся малый еще более упавшим голосом повторяет: «Будем!»

Так два раза Керенский принял на себя ответственность за дальнейшее продолжение войны.

Немало, наверное, смеялся Тома над Россией, вспоминая этот разговор, сидя на пароходе, уносившем его к берегам Франции из этой безумной страны, где могли во главе правительства стоять такие легкомысленные люди, как этот молодой человек, так легко отказавшийся от Константинополя и почти так же легко согласившийся воевать ради прекрасных глаз прекрасной Франции.

А этот молодой человек, по свидетельству того же Зарудного, в то время считал себя на русский образец не более не менее, как Петром Великим.

«Как легко быть Петром Великим»,—говорил Керенский Зарудному, отдавая приказания чиновнику Министерства внутренних дел.

Характеризуя последовательность и быстроту решений новоявленного Петра Великого, Зарудный рассказывает, как он был спешно вызван к Керенскому занять пост товарища министра юстиции.

4 марта 1917 года Зарудный позвонил к Керенскому,— тот открыл дверь сам, в пальто и шляпе.

— Будьте моим товарищем, я не знаю, как мне начать работу!—говорит Керенский.

— Позвольте, я не знаю, какова ваша программа. Как обстоит вопрос о смертной казни?

— Вы хотите отмены смертной казни, сейчас это невозможно: «он» (Николай II) должен быть убит.

Решив, что Николай II должен быть убит, и оставив Зарудному пустой бланк для заполнения текстом о его назначении товарищем министра, Керенский подмахнул внизу этот бланк и скрылся творить великое дело.

«Движенья быстры, он прекрасен, он весь, как божия гроза!»

Новый Петр Великий начал было быстро разрушать дела умершего Петра.

Керенский предложил Зарудному составить закон об упразднении первого департамента Правительствующего сената.

Зарудный запротестовал:

— Там сейчас решаются дела бедноты, от упразднения потерпит беднота.

— Хорошо, пусть остается,—решает Керенский, и первый департамент остается, и уже через несколько дней Керенский мчится туда передать для хранения подлинный текст отречения Николая II от престола и произносит напыщенную речь, что он счастлив передать эти документы славному детищу Петра.

А славное детище Петра так и не подозревало, что накануне должен был быть подписан закон о его упразднении.

К проявлениям женского внимания актер Керенский был весьма отзывчив.

В такие минуты от трагического порыва, поднимавшего его на пьедестал спасителя отечества, Керенский спускался до уровня провинциального актера, который доволен собой: «Какой успех, какие женщины!»

Помню врезавшийся в память день закрытия Государственного совещания в Москве.

Керенский произносит свою историческую речь.

Весь зал Большого театра замер.

Керенский поднимает тон все выше и выше, и вот самая высокая нота, истерический порыв: «Железом и кровью восстановлю порядок!»

Зал содрогается от жалости к нему, этому искреннему человеку, кричащему кровью сердца.

Конец, и все расходятся, некоторые плачут.

Адъютанты уводят, почти уносят Керенского в ложу, несут ему воды, на лицах у них сострадание, любовь, растерянность.

Мы уходим из Большого театра подавленные. Государственное совещание показало полную рознь собравшихся; в перспективе гражданская война.

Молча идем по Петровке, вдруг впереди толпа загораживает дорогу. Я подхожу и с изумлением вижу следующую сцену.

Толпа окружила шикарный автомобиль Керенского; он едет тихо-тихо.

Керенский, без фуражки, улыбается и прижимает к губам букет цветов, полученный, очевидно, от одной из многочисленных психопаток, бежавших за автомобилем.

На лице его ни тени усталости или страдания.

Передо мной был типичный тенор, кумир дам, окруженный поклонницами, упивавшийся славой, которую он вдыхал вместе с ароматом брошенных ему цветов.

Где же кровавые слезы, где страдание, где сознание ужаса и ответственности момента?

Нет... роль сыграна, Государственное совещание закрыто, и передо мной была жизнерадостная фигура юноши-Хлестакова.

Автомобиль медленно удалялся, и с ним медленно удалялась пошлость, в которой купался «национальный» кумир.

Бывший московский прокурор Временного правительства А. Ф. Стааль рассказывал, что он с трудом мог добраться до Керенского в Петрограде, так как министерство осаждалось толпой психопаток и учащейся молодежи, жаждавших или увидеть героя, или же хотя бы получить его автограф на карточке.

В качестве претендента на диктаторскую власть Керенский, ревниво охранявший эту власть, боялся и ненавидел Корнилова, которого считал также кандидатом на амплуа генерала «на белом коне».

Не лишен интереса следующий эпизод.

В дни Государственного совещания состоялся вечер у одного из московских адвокатов, на котором были только близкие люди и друзья Керенского.

Керенский весь вечер сидел молча, мрачный и недовольный.

Наконец, видимо, терзаемый волнующей его мыслью, он говорит:

«А вы знаете, как Корнилов ездит? У него в автомобиле наготове два пулемета, а сзади текинцы!»

В мрачной интонации голоса Керенского, в этой беспокойной мысли о Корнилове чувствовалось, как тревожит его растущее влияние Корнилова.

Конечно, при таких условиях он не только не пошел бы навстречу Корнилову в смысле примирения с ним, но, как видно из воспоминаний Керенского «Дело Корнилова», с удовольствием поймал Корнилова провокационным приемом, назвавшись при разговоре по прямому проводу Львовым.

Когда Керенский почувствовал, что он провалился как Марат, как Петр Великий, как Наполеон и как Жанна д'Арк, ему оставалось только «сыграть в Гамбетту».

Адвокат, веривший вместе со многими интеллигентами народнической школы в возможность революции в белых перчатках, нежной, прекраснодушной революции, Керенский начал с того, что подавал направо и налево руку курьерам, сторожам, истопникам, говоря, что он хорошо знает великую русскую демократию, а кончил все-таки тем, что выпачкал эту руку в крови, а демократию наименовал, как Гамбетта, «взбунтовавшимися рабами».

Маскарад заканчивался, и суровый приговор истории был произнесен в Октябре.

В эти дни Керенский остался одинок.

Вернее почти одинок: защищать его вышли женщины, внимание коих он так ценил.

Против солдат революции, умиравших за коммунизм, против матросов «Авроры» выступил батальон бедных, экзальтированных женщин, пытавшихся не допустить революцию проникнуть в покои Зимнего дворца, ставшего было дворцом их диктатора и кумира.

Революция проникла.

«Диктатура сердца» кончилась!

XIII.

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА. ПОБЕДА ЭСЕРОВ НА ВЫБОРАХ. РАСЦВЕТ И УПАДОК ГОРОДСКОЙ ДУМЫ. РАЙОННЫЕ ДУМЫ, БОРЬБА ИХ С ГОРОДСКОЙ ДУМОЙ.

В июле состоялись долгожданные выборы в Московскую городскую думу, на основах всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Выборы эти сопровождались энергичной и дружной агитацией партий за свои списки и дали партии эсеров неожиданный для нее самой успех.

Большевики и меньшевики хорошо шли в рабочих кварталах, кадеты—в чисто интеллигентских и торговых, эсеры шли в рабочих, интеллигентских и среди мелкой буржуазии и солдат.

Многочисленные предвыборные собрания, сопровождавшиеся выступлениями лучших партийных ораторов, давали перевес эсерам. Средний избиратель не шел за кадетами, слишком для него академичными и правыми, он не шел и за большевиками из патриотизма, пугаясь их крайних лозунгов, боясь срыва казавшегося близким «победного конца» войны.

За эсерами стояли прекрасные традиции прошлой долголетней борьбы с царизмом, живы были еще образы Каляева, Балмашова, Сазонова и других мучеников этой борьбы.

Лозунг «земля и воля» оставался неизжитым, а полным прекрасного революционного романтизма.

Прекрасные лозунги и широкая земельная программа привлекли массу избирателей, даровав победу списку партии эсеров.

Первое думское фракционное собрание партии состоялось в университете Шанявского, где выступали и выделились будущие лидеры: Руднев, Гендельман, Е. Ратнер, О. Минор, Данилов. Настроение у собравшихся после победы было радостное и праздничное.

Несмотря на предстоящие затруднения, казалось, что партия сумеет легко их преодолеть, сумеет взять громадное хозяйство Москвы в свои руки и направить его в согласии с муниципальной программой партии.

Новые избранники ближе знакомились друг с другом, подготовляли роли и намечали планы.

После нескольких фракционных собраний вне Думы состоялось наконец торжественное открытие занятий Городской думы—первое торжественное заседание Думы нового состава.

Помню, что в этот памятный день эсеры потерпели первое символическое поражение со стороны большевиков.

Произошло это так.

Думские фракции разбились по комнатам для разрешения некоторых общих технических вопросов и в частности для разрешения вопроса о распределении мест в думском парламенте.

В залу только что начавшей заседать думской фракции эсеров пришел представитель большевиков и заявил, что они, большевики, в качестве крайней левой желают получить себе крайнюю левую сторону думского амфитеатра.

Члены партии эсеров подняли страшный шум протеста и возмущения.

Для массы членов думской фракции казалось, что эсеры по праву должны занимать крайнюю левую половину зала. Масса сочла требование большевиков бесцеремонным и наглым.

Ораторы выступали с заявлениями, что в этом вопросе большевикам нельзя делать никаких уступок.

Через некоторое время кто-то сообщил о заявлении большевиков, что при несогласии с их требованиями они уйдут из Думы и будут ее бойкотировать.

И очень скоро думским вожакам партии удалось убедить своих товарищей, что большевикам надо уступить.

И решено было уступить.

Торжествующие большевики вошли в думский зал, как победители, заняв всю левую сторону амфитеатра, уходившую под потолок, образовав с этого дня крайнюю левую—«Гору» монтаньяров, откуда они и потрясали думскую залу речами своих ораторов.

Незначительная кучка кадетов со своими лидерами, Н. Астровым, Тесленко и другими, сиротливо засела на правой стороне зала.

Эсеры и меньшевики таким образом образовали центр, громадное раскинувшееся посредине «болото», где вскоре прочно увязла думская фракция эсеров.

На многих эта первая уступка произвела потрясающее впечатление чего-то рокового, что не предвещало ничего хорошего в будущем.

Партия эсеров начала с уступок большевикам в первый же день своего появления на арене общественной борьбы, она продолжала уступать и в дальнейшем, пока не потеряла всех занятых так легко командных позиций.

Большевики показали себя с самого начала людьми, умеющими требовать и знающими, чего хотят.

Таким образом, сам по себе этот мелкий как будто бы инцидент был характерным для психологии партий и их вождей.

На дальнейшей работе Московской городской думы отразилась судьба всех городских муниципалитетов, избранных при Временном правительстве.

Волею судеб городским думам, в большинстве случаев, пришлось вступить в соприкосновение с советами по всей России, а затем и в борьбу с ними.

Тут-то и сказались их слабость и бессилие.

Избранные летом, когда избиратель в большинстве случаев шел за эсерами, думы являли собой застывший твердый состав избранников, программа которых уже мало удовлетворяла массы в осенние дни.

Советы опирались на живую, сплоченную массу рабочих, постоянно общавшихся друг с другом, постоянно делившихся на митингах волновавшими их мыслями, постоянно контролировавших своих избранников, не теряя с ними живой, непосредственной связи.

Думы, вышедшие из состава неизвестных, разобщенных между собой, ничем, в сущности, не связанных взаимно избирателей, не имели под собой точки опоры.

Они могли чисто механически опираться только на партии и жили отраженной жизнью, удачами и неудачами тех партий, которые они представляли.

Советы являлись органами, близкими трудящимся, и по своей структуре были органами политическими.

Думы же, по старой традиции, в глазах населения представлялись органами хозяйственными и с этой точки зрения и расценивались населением.

Правда, правительство Керенского постаралось сделать думы средоточием местной административной власти, развив их в органы самоуправления в широком смысле, для чего в ведение городских управ были переданы различные местные административные органы, в том числе и милиция.

Это, конечно, усилило положение и влияние городских муниципалитетов, но при параллельном существовании советов не разрешало вопроса о власти на местах, каковая оставалась двойственной.

Мелкая буржуазия и большая часть интеллигенции шли за городскими думами, пролетариат, солдаты и крестьянство—за советами.

Думы оставались в большинстве эсеровскими, советы все левели и делались большевистскими.

Ясно было, что эти два лагеря должны были, рано или поздно, прийти в столкновение, а при столкновении победа должна была естественно остаться на той стороне, которую поддерживали рабочие и солдаты.

Но Московской городской думе пришлось вести борьбу не только с Московским советом: очень скоро ей пришлось выдерживать враждебный натиск и со стороны органов, рожденных в недрах самой Думы.

Это было вскоре после организации районных дум в Москве, быстро и последовательно превратившихся в парижские секции французской революции.

Вспоминая работу фракции эсеров в Думе, не могу не указать на лихорадочность темпа работы и на постоянную бесплодную борьбу ее с большевиками по боевым вопросам дня.

Муниципальная программа эсеров, там, где она не сталкивалась с политической, не встречала резкого сопротивления со стороны большевиков, так как муниципальная программа большевиков, составленная по поручению Московского комитета В. Подбельским и Б. Волиным, была в значительной степени сделана по образцу эсеровской муниципальной программы.

Но уже в старых спорах по вопросу о коалиции с кадетами Дума резко расходилась с большевиками, проводя коалицию на деле, предоставляя кадетам посты членов управы.

Образовавшаяся пропасть между эсерами и большевиками слегка сгладилась в общей борьбе с корниловщиной.

Это был единственный момент, когда общая опасность объединила все социалистические фракции Думы.

Образованная Думой «директория» и возникшие для борьбы с корниловщиной «пятерки» дружно работали, вдохновляемые большевиками, над ликвидацией корниловского движения.

Резкая борьба велась в Думе по вопросу о введении смертной казни на фронте.

Лучшие ораторы большевистской фракции громили воскрешение смертной казни, указывая на тот произвол, который воцарится во фронтовых армиях.

В самой фракции эсеров сначала не было единодушия в этом вопросе. Однако скоро, под давлением лидеров, в спешном лихорадочном заседании вопрос о смертной казни прошел подавляющим большинством.

Немногие голоса, протестовавшие против смертной казни, потонули в общем шуме и гаме, устроенном сторонниками введения этой вредной и запоздалой меры.

Смертная казнь была одобрена Думой спешно, под давлением правых групп Временного правительства, действовавших с своей стороны под влиянием Корнилова.

Вряд ли ее проведение в жизнь могло быть по душе таким старым и идейным революционерам, каким являлся, например, старик Минор.

Вспоминая большие политические дни Думы, когда лидеры партий сталкивались в жарких схватках, нельзя не

констатировать, что большевистская фракция обладала наиболее энергичными бойцами среди других фракций.

Кадеты чаще всего выставляли Н. И. Астрова, реже Кизеветтера и Тесленко.

Лидеры кадетской партии часто выступали с едкой критикой деятельности Думы и большевистской ее фракции, но в речах их ораторов чувствовался безнадежный упадок и сознание беспомощности и бессилия что-либо сделать в окружающей обстановке.

Меньшевики не имели талантливых лидеров.

Интернационалисты были вообще малозаметны.

Партия эсеров, хозяин положения, прежде всего теряла на том, что она не имела сильных характеров среди ее рабочей группы.

Предоставив по избирательным спискам первые места рабочим, партия эсеров, за исключением Владимирова и нескольких других, не имела значительных рабочих фигур.

Интеллигентская группа была представлена сильнее всего седобородым политическим каторжанином Минором, который был слишком занят текущей работой по председательствованию в Думе и не мог поддерживать партию в трудные минуты.

Городской голова Руднев и председатель думы Минор, погруженные в бездну текущей управской и думской работы, старались держать среднюю линию поведения в отношении интересов населения Москвы, показывая, что они не только члены партии, но и представители интересов всей Москвы.

Поэтому, например, Руднев спешил лично торжественно приветствовать церковный собор от имени городского самоуправления, действуя и в других подобных случаях по преимуществу, как городской голова, а не как социалист.

Кроме них в рядах фракции эсеров выделялись: спокойный Коварский и яркие женские фигуры Е. Ратнер и Л. Арманд, затем уже значительно слабейшие Нестеровский, Данилов, Лифшиц и др.

Большевистская фракция имела в Думе сильных ораторов-агитаторов в лице Бухарина, Волина, Подбельского, Смидовича, Степанова-Скворцова.

В порядке хозяйственно-боевых вопросов, лидеры боль-

шевистской фракции ставили борьбу с продовольственной разрухой, борьбу с бесхозяйственностью на фабриках и заводах, локаутами, закрытием фабрик. Разоблачая сокращение производства, фракция доходила до требования немедленной реквизиции не только сырья на фабриках и заводах, но и планомерной реквизиции самых фабрик и заводов для улучшения системы производства и снабжения.

Окончательно обострилась борьба с большевиками, ставшая борьбой за существование, после выборов в районные думы, сыгравших видную роль в подготовке Октябрьской революции.

Идея проведения в жизнь института районных дум была пагубной для думского большинства.

Проводил эту идею старый эсер Гедеоновский, являвшийся горячим приверженцем устройства районных дум.

Помню, в беседе с ним противники районных дум указывали ему на ту опасность, которая грозит Городской думе в случае, если районные думы окажутся более левыми, чем Городская дума.

По ходу событий, по изменившимся симпатиям масс следовало ожидать, что районные думы в значительной степени будут под влиянием партии большевиков. Выборы в районные думы можно было производить только по горячим следам, вслед за выборами Городской думы. Думское большинство обнаружило в этом вопросе значительную недальновидность.

Гедеоновский говорил, однако, что, несмотря ни на что, нужно провести выборы в районные думы.

Выборы в районные думы состоялись в конце августа, дав почти во всех районах перевес партии большевиков.

Так, в Московской городской думе в июне месяце эсеры и меньшевики имели 70% мест, при выборах же в районные думы они получили только 18% мест; за их счет усилились кадеты—до 30% и большевики—до 47%.

С открытием районных дум, сделавшихся большевистскими, существование старой Городской думы стало невыносимым и ненужным.

Председатели районных дум, председатели районных управ и большинство членов управ были избраны из числа гласных большевистской фракции.

Новые муниципальные работники повели в районах широкую политическую работу, разбивая рамки «Положения о районных думах».

Городская дума, в борьбе за власть, не позволяла расширять рамки «Положения о районных думах».

В районных думах скоро стали раздаваться требования о переизбрании Городской думы, как потерявшей доверие трудящихся масс.

Районные думы подкапывались под существование городской.

К октябрю, эта борьба значительно расшатала думский фундамент и немало способствовала падению думского авторитета.

XIV.

БОРЬБА СО СПЕКУЛЯЦИЕЙ. ПРИТОНЫ И КЛУБЫ. САМОСУДЫ И ПОПЫТКИ РАЗГРОМА ТЮРЕМ. БОРЬБА С ПРОСТИТУЦИЕЙ.

Война шла своим чередом, но о ней думали все меньше и меньше.

Интеллигенция углубилась в партийные распри, в мистицизм, в философию семейного очага.

Деловая часть Москвы на войну смотрела сквозь призму наживы.

Установленный военный налог на сверхприбыль трудно и не всегда поддавался учету, благодаря тонкостям бухгалтерии торговцев и поставщиков, и в их карманах оставались сотни тысяч и миллионы рублей.

Постепенно все хуже и хуже становились дела фабрикантов и заводчиков, так как производство неуклонно падало, а борьба с рабочими истощала предприятия.

Зато спекулянты, «нуворишки» и прочие деятели торговой темной Москвы чувствовали себя, как рыба в воде.

По мере постепенного исчезновения предметов первой необходимости естественно усиливалась спекуляция ими.

Обыски и реквизиции, производившиеся по распоряжениям комиссариата градоначальства, мало достигали цели.

Привлекаемые к ответственности спекулянты не боялись устаревших статей Уложения о наказаниях, зная медленность и волокиту предварительного следствия.

Ни одно из спекулянтских дел не увидело суда.

Для населения доставать необходимые обувь, одежду и продукты становилось все труднее, так как спекулянты скупали товар и укрывали его, ожидая повышения цен.

Достаточно сказать, что для покупки калош и ботинок

требовалось представить паспорт, а военнослужащим—особое удостоверение. На этих документах продавцы магазинов должны были ставить штемпель об отпуске калош или ботинок, и второй раз втечение 1917 года никто уже не мог рассчитывать получить другую пару.

Такие необходимые продукты, как картофель, морковь и свекла, распределялись районными управами через домовые комитеты, сахар достать по карточкам было чрезвычайно трудно. Хлебный паек подходил уже к ¼ фунта.

В этой обстановке растущего продовольственного кризиса торопились урвать добычу разного рода дельцы, собиравшиеся в кофейнях «Метрополь» и Филиппова, на Ильинке и в других кафэ и ресторанах.

На спекулянтов, правда, устраивались облавы, отыскивали товары на их складах, отбирали у них спрятанный товар, но тем не менее спекуляция продуктами первой необходимости продолжала оставаться прибыльным делом.

Спекулянты не боялись облав и реквизиций товаров, так как риск с избытком покрывался прибылью, само же преступление, по отсутствию карательной санкции и чрезвычайной волоките судебно-следственного аппарата, оставалось ненаказуемым.

В комиссариате градоначальства борьбу со спекулянтами возглавлял специальный судебный следователь Григорьев, который, будучи завален работой, производил следствие и розыскные действия по борьбе со спекуляцией при участии уголовного розыска.

Кроме того устраивались систематические облавы на спекулянтов с целью их устрашения.

Одна из них, массовая, когда оцеплены были Ильинка, Театральная площадь и гостиница «Метрополь», дала значительные результаты в смысле громадного количества изорванных записок, книжек и дубликатов накладных.

Но все эти меры мало достигали цели. Облавы кончались, арестованных и подозрительных выпускали, и они снова принимались за ту же «полезную» работу.

Параллельно со спекуляцией колоссально возрастало количество всевозможных притонов, где искала себе развлеченья и забвенья темная, спекулятивная Москва.

Как грибы, появлялись клубы, притоны кокаинистов, дома свидания, тайные ресторанчики с цыганскими хорами и пр.

Ежедневно по всей Москве из комиссариата градоначальства отдавались приказы о закрытии подобных учреждений.

Предприниматели становились осторожнее, стали пытаться подкупать районные комиссариаты, иногда это им и удавалось.

Тогда начиналась новая борьба с нарождавшимся взяточничеством.

Растленность нравов распространялась широкими концентрическими кругами, задевая порой и революционных чиновников.

В комиссариате градоначальства два раза в неделю заседала специальная комиссия, с делегатами советов, рассматривавшая представления районов о закрытии шашлычных, ресторанов и кафэ за продажу спиртных напитков.

Помню, в сентябре пришлось за устройство пьяных оргий на протяжении двух недель утвердить закрытие крупных ресторанов: «Яра», «Стрельны», «Ампира», «Альказара» и свыше сорока столовых и шашлычных.

Почти таким же темпом шло закрытие в августе и в первой половине октября.

Но, как феникс из пепла, возрождались мелкие притоны, особенно шашлычные. Они проявляли максимальную живучесть.

Закрывались массами тайные притоны и дома свиданий в районах Грузин, Бронных, Патриарших прудов.

Особенно любопытна была по добытому материалу огромная гостиница «Тверское Подворье».

Эта гостиница, расположенная во дворе, невидимая с улицы, состоящая из двух огромных корпусов, населенная почти исключительно ворами, проститутками, игроками, кокаинистами и апашами, была типичным повторением Вяземской Лавры «Петербургских трущоб» Вс. Крестовского.

При массовой облаве были обнаружены кадры активных и пассивных кокаинистов, вооруженных специальными стеклянными трубочками для пускания кокаина в нос, несколько частных клубов, из коих один содержался инва-

лидом, сидящим в колясочке, масса воров, немало бандитов и дезертиров.

В притонах Трубной площади обнаруживались китайские опиумокурильни, привлекавшие наркоманов и из «высшего общества».

Самые незначительные результаты давали облавы в притонах Хитрова рынка, так как посетители, хозяева и съемщики этих притонов имели великолепную агентуру и, как говорили, связь с местными агентами уголовного розыска, а также специальную сигнализацию, моментально оповещавшую все население ночлежки о грозящей опасности.

Любопытно, что в июльские дни на Хитровом рынке были обнаружены подозрительные субъекты, раздававшие оружие и призывающие к погромам магазинов и винных складов.

Установлено было, что они никакого отношения к политике не имели, а, повидимому, работали по найму от агентов австро-германского штаба.

Переданы они были, кажется, в распоряжение контрразведки, которая и в Москве, как и в Петрограде, не отличалась большими розыскными способностями.

Попытки суда Линча, в виде расправ крестьян с конокрадами, в виде избиения воров, всегда имели место и в царской России.

Однако эта своеобразная реакция некоторых элементов общества на преступления получила широчайшее распространение только в период от марта по октябрь.

Выше я указывал уже, что необычайное развитие самосудов объяснялось медлительностью действия судебного аппарата, безнаказанностью преступников, озлобленностью населения вследствие этой безнаказанности.

Система «уговаривания» становилась все опаснее для уговаривающих, которым все чаще приходилось иметь дело с разъяренной толпой.

Любопытный случай произошел с осадой Таганской тюрьмы в конце июня 1917 года.

В Таганскую тюрьму были заключены трое преступников, обвинявшихся в целом ряде ограблений и убийств, среди которых убийство целой семьи священника в Марьиной роще отличалось особенной жестокостью.

С большим трудом спасли преступников от разъяренной толпы и доставили их в комиссариат Марьино-рощинского района, откуда задним ходом вывезли их в сыскное отделение, а затем к ночи в Таганскую тюрьму. Толпа неотступно следила за маршрутом преступников.

На другой же день после их водворения в тюрьме перед зданием тюрьмы стала собираться толпа.

Толпа эта, все увеличивавшаяся, начала вести себя агрессивно, требуя выдачи заключенных преступников, которые, по словам вожаков из толпы, оставаясь в руках существующей власти, не понесут должного наказания.

Испуганный начальник тюрьмы телефонировал в градоначальство, прося помощи. Получены были сведения, что казаки, которых хотели послать для рассеяния толпы, отказались выехать, выразив одобрение действиям толпы.

Из градоначальства немедленно к тюрьме были отправлены на автомобиле инспектор градоначальства П. и его помощник.

Телефонировали в Московский совет, который прислал своего делегата, и экспедиция уговаривающих помчалась в автомобиле к тюрьме.

К приезду представителей градоначальства и Совета площадь перед тюрьмой представляла бушующее море.

Толпа людей разных возрастов и состояний волновалась и кричала, требуя выдачи преступников.

Как потом выяснилось, возмущение толпы было подогрето искусственно.

Бандиты и члены воровских организаций решили освободить своих товарищей, для чего подобрали шайку единомышленников, которые инсценировали возмущение честных мещан, распаленных жаждой мести.

Все это выяснилось позднее, выяснилось также, что для побега преступников была подготовлена одежда и стоял на углу лихач.

Когда воры, бандиты и лавочники увидели автомобиль с уговаривающими представителями власти и делегатами совета, они подняли вой, крики, улюлюкание.

Речи представителя Московского совета и представителя градоначальства, убеждавших толпу мирно разойтись,

так как власть не допустит произвола и выдачи заключенных толпе, были встречены свистками и угрожающими возгласами.

В воздухе замелькали палки и ножи.

Уговаривающие решили, что дело плохо и нужно думать только о своем спасении.

Инспектор П. заявил толпе, что они поедут к московскому прокурору, так как освобождение заключенных зависит только от прокурора.

Толпа это заявление встретила также насмешками и угрозами.

Автомобиль был во власти толпы, среди которой были державшиеся за кузов машины и за руль.

Не растерявшийся шофер рванул машину в толпу, кто-то из часовых тюрьмы выстрелил в воздух.

Этим моментом замешательства воспользовались пассажиры злосчастного автомобиля, чтобы проложить себе дорогу через толпу, из которой вдогонку уезжавшим летели камни и проклятия.

Однако автомобиль, уезжая, успел захватить с собой некоторые трофеи.

На ступеньках машины стоял один из членов шайки, арестовавшей автомобиль; он не успел соскочить, и его задержали за шиворот, доставив в ближайший комиссариат.

Не помню конца этой истории. Кажется, градоначальство, не рассчитывая на победу почти безоружных делегатов власти, приняло своевременные меры для их почетного отступления.

Когда автомобиль скрылся из глаз бесновавшейся толпы, он встретился с отрядом конной милиции, скакавшим в карьер на помощь осажденной тюрьме.

Конная милиция явилась во-время, так как ворота тюрьмы уже трещали, а администрация тюрьмы не решалась отдать приказ стрелять в толпу.

Милицией толпа была быстро разогнана, и инцидент с осадой тюрьмы был тем закончен.

Но случаи, подобные описанному, повторялись неоднократно, и не раз сотрудникам милиции приходилось выезжать на место происшествия в роли уговаривающих толпу.

Миссия эта была тяжелая и небезопасная. Приходилось выезжать один или два раза вместе с городским головой Рудневым.

Было это в начале сентября в связи с серьезными беспорядками, возникшими на Солянке и носившими антисемитский оттенок.

В один из тревожных дней были получены сообщения, что толпы собираются на Солянке, производят обыски складов, покушаются обыскивать солянские меблированные комнаты, грозят расправой со спекулянтами.

В воздухе запахло погромом, были уже и попытки произвести таковой.

Мы выехали «уговаривать».

Возбужденная толпа, в значительной степени состоявшая из подонков Хитрова рынка, встретила нас в высшей степени враждебно.

Представители Думы и представители Совета находились во власти темной и враждебной революции стихии.

В конце концов уговаривание не помогло, и на сцену появилась конная милиция, которая энергично принялась рассеивать толпу.

Во время рассеивания толпы в свалке получил ушибы и поранения черепа товарищ городского головы Коварский.

По мере того как разнуздывались темные, погромные силы, система уговаривания изживала себя, тем более, что случаи самосудов порой сопровождались попытками разгрома комиссариатов милиции.

Помню, что пострадали Сущевский комиссариат, Хамовнический и др.

Особенно досталось Хамовническому комиссариату, где комиссар милиции П., гроза бандитов, выдержал нападение шайки, но был тяжело ранен, часть оружия была разграблена, несколько из нападавших ранено.

Глубокой осенью погиб на своем посту также при столкновении с бандитами комиссар милиции Марьинского района Баньщиков.

Инспекторская сводка донесений о происшествиях за ночь всегда сообщала о налетах, убийствах, попытках погрома, поджогах.

Под ногами власти клокотал огнедышащий вулкан не-

довольства, который постоянно колебал почву, приближая время общего взрыва.

Городские подонки нащупывали слабые места, нанося удары неокрепшему еще административному аппарату, созданному Февральской революцией.

Градоначальству, как средоточию административно-исполнительной власти в борьбе с развитием тайных притонов, клубов и питейных заведений, пришлось столкнуться с колоссальным развитием проституции в Москве.

Предполагалось повести с проституцией, как общественным бедствием, широкую борьбу.

В градоначальстве не раз были созываемы специальные совещания по борьбе с проституцией с представителями советов и других организаций.

Председательствуя на этих совещаниях, помню, что ни до чего практически цельного эти заседания не довели. Говорившиеся, впрочем, на этих совещаниях речи не были лишены интереса.

Горячей сторонницей борьбы с проституцией всегда выступала популярная когда-то графиня В. А. Бобринская.

Однако ее выступления не шли дальше общих мест и не подходили к разрешению этого вопроса практически. Были у В. А. Бобринской и принципиальные противники.

Когда обсуждался вопрос о том, закрыть ли в административном порядке существовавшие в Москве разрешенные старой властью «гостиницы для свиданий», «Эрмитаж» и другие, известный присяжный поверенный N произнес горячую речь «о половом голоде». Он доказывал, что половой голод сильнее физического, что так легко подходить к вопросу о способах борьбы с проституцией нельзя, что без гостиницы «Эрмитаж» существовать невозможно и что такие гостиницы для свиданий должны существовать.

При этом были сделаны ссылки на опыты Парижа, Лондона, Вены, Мадрида и других столиц, где такие дома свиданий соответствуют всем требованиям гигиены.

Выступление это весьма шокировало почтенную В. А. Бобринскую, собрание же расцветилось веселыми улыбками присутствовавших, уже заскучавших над сухими лекциями прописной морали.

Все же «Эрмитажу» предстояло закрытие, и горячая

апология его защитника не могла бы спасти это почтенное учреждение, если бы другие важные события не отвлекали местную власть и представителей общественности в сторону более острых вопросов.

В общем ничего существенного и яркого комиссии и заседания по борьбе с проституцией не дали. Общие меры рекомендовались в духе платонической болтовни. Мелкие пассивные меры, проводившиеся в жизнь, сводились к раскрепощению проституток от эксплоатации хозяек, отмене регистрации, уничтожению полиции нравов.

Небезынтересно, что и сами проститутки делали попытки к организации, пытаясь создать даже нечто вроде профессионального союза.

Ими устроено было по этому поводу несколько собраний.

Ничего, конечно, из попыток создания столь оригинального профсоюза не вышло.

Проституция, как таковая, продолжала существовать, так как безработица и война выбрасывали на улицу тысячи голодных женщин.

Тайные дома свиданий и притоны легко вербовали себе новых жертв.

XV.

ПОЕЗДКА В ПЕТРОГРАД. МИНИСТЕРСКИЕ ДВОРЦЫ. СУМЕРКИ ПЕТРОГРАДА.

Мы едем в вагоне скорого поезда в Петроград. Я еду лично выяснить в центре степень безнадежности создавшегося положения, мой спутник А. М. Д., юрисконсульт градоначальства, едет в Министерство юстиции для проведения новых законодательных новелл по борьбе со спекуляцией и взяточничеством, выработанных нами в Москве.

Смотрю в окно вагона на прозрачный белесоватый сумрак, расстилающийся мягко по полям; деревья у маленьких станций роняют листья, тихо, как слезы. На душе печаль.

А в конце вагона жизнерадостно перекликаются новые три министра.

Перебрасываемся фразами общими, легкими, как будто все пустяки, ничего нет, и Россия живет спокойно.

Москва едет «спасать» Россию в Петроград...

Ночь, разговоры умолкли, министры спят, один прикрылся номером «Огонька». Лицо его спокойно и бездумно.

Сон не идет, его гонит тоскливое биение сердца, и бесконечно тянется ночь.

Утро, Любань, жидкий кофе, приготовления, разговоры.

Петроград, тусклый вокзал, сонные лица агентов гостиницы. Загадочный город пустынен и сумрачен. По Невскому раздраженные лица, улыбка исчезла с лица города, сменилась серой гримасой.

Через час я на Караванной, в роскошных аппартаментах министерства юстиции, где было назначено деловое свидание. Не без любопытства я рассматривал пышную министерскую квартиру, а сопровождавший меня старый курьер министерства юстиции передавал мне свои воспоминания о министрах.

«Перевидал я их: и Акимова, и Манухина, и Макарова, и Щегловитова. Раньше-то редко менялись, а после революции часто пошли: Керенский, Зарудный, Переверзев.

— Иван Григорьевич Щегловитов на биллиарде любили играть, а жена их завсегда по театрам. Их жены-то фамилия была Куличенко. Она из духовного звания...».

Громаднейший биллиард действительно заполнял собой одну из больших зал Министерства юстиции.

Но в общем пышная квартира министров юстиции оставляла впечатление мещанской аляповатости и безвкусия.

Из квартиры министра ход в канцелярию министерства.

В министерстве темные, прокопченные стены, низкие потолки. Все поканцелярски однотонно и уныло. Серый дух Ивана Григорьевича, фабриковавшего в этих кабинетах законы «Ваньки Каина», наложил на все клеймо томительного тюремного однообразия и скуки.

В качестве герба на дверях щегловитовского палаццо, казалось, вырезаны были ярмо и петля.

К вечеру можно было быть в курсе политических новостей. Вполне определился провал созванного 14 сентября Демократического совещания. Снова, в сотый раз, академически спорили, быть или не быть коалиции в новом, в четвертом, кажется, по счету Временном правительстве. И снова Церетели безнадежно доказывал, что надо итти вместе с цензовой демократией, как будто цензовые группы могли еще что-нибудь сделать, могли как-нибудь помочь летящей в пропасть России.

И снова смеялись над этим большевики, указывавшие на ненужность этой коалиции.

И крестьянство на Демократическом совещании уже переставало в лице своих представителей поддерживать правительство. Оно требовало устами своих делегатов, чтобы земля дана была немедленно, сейчас же.

Крестьянство говорило, что терпение его кончилось, оно отказывалось от парламентских коалиций, оно требовало реальной власти, которая дала бы ему землю.

И жалкая карикатура на Учредительное собрание—Демократическое совещание—выдыхалось, гасло, обращаясь в водотолчею.

Обещанный торжественно созыв Учредительного собрания в сентябре снова был отложен на неопределенное время. Формула Учредительного собрания оставалась бюрократической отпиской.

Политические деятели забавлялись, выдумывая казавшиеся им замечательными политические формулы.

Чернов выдумал формулу: «Коалиция, но без кадетов». А так как другой буржуазии кроме кадетской не было, то веселая черновская формула объявляла коалицию с призраками.

В ответ на заученные слова о демократической коалиции, опирающейся на Демократическое совещание, все чаще слышались настойчивые требования о передаче всей власти советам.

Петроградские рабочие решительно потребовали однородной власти, опирающейся только на советы.

И умирающее Демократическое совещание с трудом, ничтожным большинством, провело вопрос о коалиции— большинством семисот шестидесяти шести против шестисот восьмидесяти восьми голосов.

Проворно поставленная черновская формула «без кадетов» прошла большинством при дальнейшем голосовании.

Утвержденная коалиция с цензовыми группами без кадетов поставила, наконец, и почтенное собрание лицом к лицу с этой бессмысленностью финала голосований.

И тогда третьим голосованием отвергли всю постановку вопроса о конструкции власти, целиком, но уже подавляющим большинством голосов.

Растерявшееся совещание осталось без всякой резолюции, без всякого решения по вопросу о власти. И это тогда, когда пламя пожара уже охватывало Россию со всех концов, когда все гигантское здание, выстроенное на костях русского народа, грозило обратиться в прах и пепел.

Старый эсер Минор, в позе пророка, говорил, тряся своей седой бородой, о грядущей уличной борьбе.

Он был прав—борьба, гражданская борьба стучалась в окна, ибо анархия, безвластие катились не только снизу, но и сверху.

Бессильное, разлагавшееся Демократическое совещание постановило выделить из себя новый орган—Предпарламент,

которому и поручено было образовать новое правительство, не безответственное, а ответственное перед этим самым Предпарламентом.

Церетели и эсеры были довольны такой хитрой комбинацией, так как при этом неожиданно правительству разрешалось пополнять свой состав цензовыми элементами с тем, что и Предпарламент в таком случае должен быть пополнен делегатами от буржуазных групп.

Так во тьме, озаряемой пламенем пожара, брели эти политические мудрецы, радуясь только тому, что еще день прошел «благополучно», и содрогаясь в душе от собственного бессилия.

На другой день мы должны были быть на приеме у министра внутренних дел.

Когда мы ехали к министру, было немножко забавно, так как не может не быть забавно, когда твой вчерашний товарищ становится «министром».

Вот и Театральная, временный центр административного управления сегодняшней России, где сосредоточены нити и донесения комиссаров от Архангельска до Астрахани, от Владивостока до Москвы.

Старинный, роскошно убранный коврами, бронзой и фарфором дом. Отделывался он, кажется, по вкусу небезызвестного директора Департамента полиции Арбузова. В качестве московских гостей мы допущены в эти палаты и приглашены к завтраку.

Старый швейцар равнодушно впускает нас и докладывает дальше. Какой-то камердинер в ливрее ведет по комнатам.

Аромат старого «барина»-администратора остался еще в полной неприкосновенности.

За завтраком подавали лакеи в белых нитяных перчатках. За стаканами вина, налитыми в хрустальные бокалы из хрустальных графинов, выяснялось положение. Товарищи министра перебрасывались веселыми, шуточными замечаниями по поводу текущего момента.

Когда же мы задали самому министру вопрос о положении дел, он сходил в кабинет и вернулся с полуулыбкой, держа в протянутой руке пачку телеграмм. Это были донесения отовсюду.

Я обратился к телеграммам. От них веяло ужасом. Отовсюду лаконически сообщалось о восстаниях, погромах, пожарах.

Россия горела, в пламени разваливалась на куски, захлебывалась в крови.

Гарнизоны в восстании, объяты пожаром, вслед за Московской губернией, Украина, Туркестан, Кавказ и Сибирь.

Омский военный округ арестовал своего командующего войсками. То же в Казани, в Туркестане. Финляндия, смеясь над бессилием Временного правительства, порывает с Россией всякую связь, причем поддержку финнам оказывают русские же гарнизоны, стоящие в Финляндии и не признающие Временного правительства.

И все ближе движется мерной поступью немецкий солдат, подготовляя высадку на русском побережьи.

Катастрофически сокращают свою добычу угольные и нефтяные районы, производство падает, фабрики и заводы закрываются, фабриканты и заводчики бегут.

Из-за недостатка топлива сокращают работу электрические станции. Петроград и Москва погружаются во мрак.

И в массах все чаще и чаще ползет жуткий слух о предстоящей сдаче Петрограда немцам.

— Что же вы намерены делать?—спросил я и почувствовал, что мой вопрос звучит смешно и наивно.

— Ничего! Что же мы можем сделать?—услышал я спокойный ответ. И еще несколькими фразами перебросились мы все на эту же тему: «ничего нельзя сделать!»

И хотя мы, «гости», знали полное бессилие своих собеседников, нас потрясала эта «установка» на мертвое равнодушие. Хотелось бы видеть перед собой людей, которые бы кричали, волновались, делали безумства, пытались вздернуть Россию на дыбы. Что было в душе наших хозяев? Чувствовали ли они себя статистами в разыгрывавшейся величайшей в мире трагедии, или, наоборот, чувствовали себя мудрецами последних дней римского сената?

Старые министерские лакеи с маской на лице подливали вино в хрустальные бокалы. Я старался избегать их взглядов. Я чувствовал, читал в их душах то же презрение, которое было скрыто под великолепной маской выдержанного лакейского величия.

После завтрака бродили по роскошному особняку. Портреты, редкие миниатюры, фарфор и бронза—все было собрано с большим вкусом. Все это, казалось, замерло, застыло, смотрело мертвыми глазами в немом ожидании.

Мы вышли на улицу из министерского особняка в состоянии странного оцепенения.

«Один плевок учит больше, чем сто поцелуев!»

В моих глазах снова мелькнула рука с отточенным длинным ногтем.

Рука эта держала ворох телеграмм, сообщавших со всех сторон о близкой гибели России. Каждый из этих маленьких бланков принял равнодушное выстукивание аппарата телеграфистки, и при каждом ударе аппарата сообщалось об убийствах, погромах, пожарах, о смерти и голоде.

Темнело. Черные липы вытягивали свои сухие ветви навстречу спускающемуся желтому мраку, болотный пар клубился вокруг. Страшные больные мысли о гибели России давили мозг.

Город-призрак, вышедший из мглы тумана, словно глядедся во тьму в предсмертной муке ожидания конца, на который он был обречен...

Через час мы в старинном юсуповском особняке, во дворце классического ампира, с громадным двухсветным залом, выходящим в чудесный, запущенный парк.

Здесь жил Рухлов, а теперь центр управления Министерством путей сообщения. Пока нам приготовляли билеты, мы обошли изумительный дворец.

Шаги, словно чужие, тонули в мягких коврах, старые портреты пугливо прятались в золотых рамах, сливаясь с темнокрасным шелком стен.

Было пустынно и жутко в этих столетних царственных покоях. В окна был виден старинный парк, тоже пустынный, призрачный, с мертвыми деревьями, с которых кто-то невидимый срывал и бросал в ночь золотые и красные листья.

Величественный, золотом и шелком украшенный белый мраморный склеп, в котором в темную ночь до утра шепчутся призраки из царства теней, полный ужаса и отчаяния за судьбы своего мертвого убежища.

Таков же, как это мертвое убежище, смертельно ране-

ный город, в котором так слышна тишина людской пустыни.

Кто будет его завоевателем? Русский народ или немецкий солдат? Увидит ли он после долгой мглы рассвет или исполнится злобное пророчество: «Быть пусту»?!

Прощай, Петроград!

Снова грохотали колеса вагона, и жуткими, больными ударами билось сердце.

В вагоне было накурено и душно.

Двое жарко спорили о значении Достоевского.

Один, отстаивая интернационалистический характер русской революции, ссылался на то, что Достоевский предугадал провиденциальное назначение русской идеи среди культурных идей Запада, как идеи всечеловечности.

— Помните,—кричал спорящий, держа открытый том «Дневника писателя»,—вещие слова Достоевского: «Страшно, до какой степени свободен духом русский человек, до какой степени сильна его воля.

Никогда никто не отрывался так от родной почвы, как приходилось иногда ему, никто не поворачивал так круто в другую сторону, вслед за своим убеждением.

Кто знает, господа иноземцы, может быть, России именно предназначено ждать, пока вы кончите, тем временем проникнуться вашей идеей, понять ваши идеалы, возвысить их до общечеловеческого значения и, наконец, свободной духом двинуться в новую, широкую, еще неведомую в истории деятельность, начав с того, чем вы кончите, и увлечь вас всех за собой».

Пророческие слова гениального писателя пронзали мозг жгучими лучами откровения.

Вместо умирающего Петрограда со скачущим по пустынным улицам «Медным всадником» виднелся новый город Демоса с миллионами бьющихся в унисон сердец.

Виделся хаос толп, идущих с необозримых равнин и степей России, и слышен был гулкий грохот ног по гранитным мостовым города.

Противники спорили, как спорят всегда и везде русские политики.

Один из них, видный русский поэт, в возбуждении цитировал слова великого поэта Демоса Уота Уитмана:

Оттого, что ты грязен,
Оттого, что ты вор,
Оттого, что у тебя ревматизм или ты проститутка,
Разве ты менее бессмертен, чем другие?

Потом спор затих.

Наступила тишина, и в стуке колес вагона словно звучали удары судьбы.

И судьба выстукивала: конец городу Санкт-Петербургу!..

XVI.

ЗАКАТ ВЛАСТИ.

Власть Временного правительства медленно, но верно таяла. Это было прежде всего заметно в Городской думе и управе.

Нервничал В. Руднев, тряс головой и теребил нервно бороду О. Минор, вкрадчиво, тревожно улыбался Коварский.

Эти представители городской власти в Москве перед наступающей, катящейся на них лавиной государственного развала ограничивались тем, что прятались от действительности, зарываясь в вороха текущей работы, совершенно в сущности ненужной, канцелярски бесплодной.

А уже самый воздух, самая атмосфера, которой мы дышали, была насыщена чем-то жутким, трепетным, неосознанным, чутко воспринимаемым инстинктом, нервами, интуицией. Этот инстинкт подсказывал все-таки представителям власти в Москве необходимость принять некоторые меры самозащиты.

Руднев и Коварский стали бояться ареста, который мог быть произведен в здании думы большевиками.

Однажды вечером, после думского заседания, Руднев и Коварский пригласили меня таинственно в кабинет городского головы.

Закрыв двери, Руднев стал говорить, что они ждут ареста, что это может случиться в здании Думы. Руднев мне показал тайный телефонный провод, который шел из кабинета городского головы в офицерское помещение 56-го полка, расположенного в Кремле.

Условлено было, что в с случае агрессивного выступления большевиков в Думе, ареста Руднева и т. п., нужно

будет дать знать по тайному телефону в помещение 56-го полка, где подготовленное офицерство обещало оказать немедленную поддержку.

Я плохо верил в эту поддержку и в секретность этого телефона, но, пожав плечами, согласие дал, хотя со дня на день должен был оставить службу. Дважды я уже подавал заявление о своем уходе, не желая продолжать участвовать в доигрывании комедии игры во власть. Некому было сдать дела. Дума все не могла принять дел градоначальства и выбрать начальника милиции.

А время перевертывало жуткие страницы осенних дней, приближая дело к развязке.

Городская дума прежде всего лишилась поддержки городских рабочих; служащие же еще долго поддерживали Думу даже после Октябрьского переворота, когда ими был объявлен новому правительству саботаж.

Как известно, послеоктябрьская забастовка союза городских служащих кончилась ничем, если считать за «ничто» похищение миллионной суммы стачечного фонда городских служащих одним из членов стачечного комитета.

Что же касается рабочих, то недальновидность эсеровской управы помешала перетянуть их на думскую сторону, хотя центральный союз городских работников первоначально и не был под влиянием большевиков.

Правда, после объявленной в день открытия Государственного совещания в Москве забастовки, в которой приняли участие и городские рабочие, полевение последних пошло быстрым темпом.

Городские рабочие были настроены посиндикалистски. Не разделяя политической идеологии эсеровской думы, они приучились смотреть на городское самоуправление просто, как на хозяина-предпринимателя, с которым надо вести ожесточенную борьбу, не стесняясь средствами и не считаясь с состоянием городской кассы.

Не получая удовлетворения своих требований от Думы, правление центрального союза городских работников постановило забастовать. Был избран стачечный комитет, председателем коего состоял некий П.

Фигура П. довольно любопытна. Именуя себя левым

эсером, П. явился в Думу по уполномочию союза городских рабочих и в заседании Думы огласил требования рабочих.

Эта была в высшей степени вызывающая декларация и по тону, и по форме, и по содержанию; она вызвала страшное возмущение правой части Думы.

Помню фигуру П., которая на фоне ночного заседания, среди тревожного ожидания собравшихся казалась зловещей в своей черной кожаной куртке с красным значком в петлице.

Этот человек в тот день казался живым воплощением страшной Октябрьской революции, которая стояла у порога.

Но такова превратность судьбы... Октябрьская революция с недоумением перешагнула через эту фигуру, сыгравшую видную роль в революционизировании городских рабочих.

Этот человек закончил свою роль на пороге Октября.

В сборнике «От Февраля к Октябрю», изд. 1923 г., он уже характеризуется в резких выражениях как личность совершенно отрицательная.

К Думе предъявляли требования, Дума отмахивалась устало, бессильно, и черные тучи сгущались над ее головой.

Из Петрограда доносились вести все более грозные: 29 сентября произошла высадка германских войск на Балтийском побережьи, сопровождавшаяся частичным разгромом нашего Балтийского флота.

Трагической нотой раздалась мольба удушаемой революции, посылавшей через представителей Балтфлота радиотелеграмму—обращение к угнетенным всех стран.

«Братья, в роковой час, когда звучит сигнал боя, сигнал смерти, мы посылаем вам привет и предсмертное завещание. Атакованный превосходными германскими силами, наш флот гибнет в неравной борьбе...

Мы выполним свое обязательство. Мы выполняем его не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего лишь милостью долготерпения революции. Мы идем в бой не во имя исполнения договоров нашего правительства с союзниками. Мы исполняем верховное веление нашего революционного сознания.

И наша борьба с отечественными хищниками дает нам святое право призвать вас, пролетарии всех стран, твердым

перед лицом смерти голосом к восстанию против своих угнетателей.

В час, когда волны Балтики окрашиваются кровью наших братьев, когда смыкаются темные воды над их трупами, мы возвышаем свой голос».

Героическая борьба велась в неравном бою.

Немцы одерживали верх.

В Москве в думских кругах начинались уже не разговоры, а подготовительные работы к переводу в Москву из Петрограда некоторых учреждений и складов.

Стало известно, что и правительство собирается переехать в Москву.

Надежды, возлагавшиеся на поддержку английского флота, не оправдались.

Английское правительство, быть может, не без некоторого удовольствия смотрело на уменьшение боевой способности русского флота, так как оно уже вычеркивало Россию из списка своих временных союзников.

Паника ползла из Петрограда в Москву, как бесконечная, страшная, многоголовая гидра.

Низы волновались, в рабочих кругах и среди солдат снова рождалось подозрение, что буржуазия для борьбы с революцией готовит сдачу Петрограда немцам.

На правительство Керенского посыпались обвинения в подготовке к сдаче Петрограда. Выносились резолюции, чтобы правительство не оставляло Петрограда.

С другой стороны, на правительство оказывало давление донское и кубанское казачество во главе с Калединым, требовавшее решительных мер для спасения страны. И правительство изнемогало в бессильной борьбе с недовольством и анархией.

Грозным призраком на пороге новой зимней военной кампании назревала всероссийская железнодорожная забастовка.

Правительство билось в агонии, не будучи в силах удовлетворить требования рабочих и крестьян, которые массами приступали к захвату помещичьих земель.

Не хватало хлеба, вспыхивали голодные бунты и еврейские погромы.

Уныние, недовольство, апатия и разочарование царили повсюду. Никто не верил в спасение, никто не верил правительству, утратившему последние признаки авторитета.

Местная власть кое-как пыталась опираться на новые думы, но и эти последние были бессильны и пасовали перед решительными требованиями более левых местных советов.

Наряду с развалом умеренных партий, поддерживавших правительство, неуклонно росла организационная мощь и популярность партии большевиков.

Петроградский совет сбросил своих вождей—Церетели, Чернова и других—и их место заняли представители крайней демократии, причем председателем Петроградского совета был избран Троцкий.

Новый состав Совета немедленно осудил всякую попытку коалиции с торговопромышленниками и объявил, что правительству буржуазного всевластья и контрреволюционного насилия не окажет никакой поддержки.

Правительство окончательно лишилось поддержки советов, которую оно все-таки имело втечение семи месяцев и благодаря которой оно только и могло существовать.

Правительство опиралось только на эсеровские и меньшевистские городские думы, которые утрачивали свой авторитет и тоже терпели поражения в борьбе с местными советами.

В Москве после перевыборов партия большевиков имела также большинство и в Московском совете.

В эти дни уже прозвучал голос Ленина, требовавшего от ЦК партии большевиков активных действий, направленных к захвату власти и передаче ее в руки советов.

Временное правительство боялось Ленина, разыскивало Ленина, но отдельные его члены догадывались, где он, и относились к этому с некоторым юмором и добродушием.

Помню такой случай.

Мы сидели в комиссариате градоначальства и разговаривали на злободневные темы. Было это уже после перехода Ленина на нелегальное положение. Заговорили о Ленине. Кто-то выразил предположение, что Ленин находится в Финляндии. Один из наших товарищей, проводивший среди нас последние дни, так как переезжал в Петроград, улыбнулся и сказал: «А вот я сейчас узнаю».

Он взял телефонную трубку, позвонил кому-то, кажется, М. И., сестре В. И. Ленина, и спросил веселым тоном о здоровье В. И. и где он находится.

Через минуту он сообщил нам, улыбаясь, что Ленин здоров и находится не в Финляндии, а в России.

Припоминаю этот факт для характеристики внутренних взаимоотношений Временного правительства перед Октябрем.

Правительство Керенского разыскивает Ленина, один из членов этого правительства, если не знает где он, то догадывается и не только не сообщает правительству, но и не без юмора смеется над попытками своего правительства арестовать В. И. Ленина, как преступника.

Правительство, в котором некоторые его члены, в том числе Чернов, не верили Керенскому, а Керенский не позволял открывать тайны обороны в присутствии Чернова, не могло, конечно, долго продержаться. Дни его были сочтены, хотя, как это ни странно, повидимому, правительство не отдавало себе в этом отчета и на что-то надеялось.

Правительство удалило из своего состава единственного человека, доказавшего свою способность бороться с анархией,—военного министра Верховского, сторонника сокращения тыловой армии, понимавшего, что десять миллионов солдат, находящихся под ружьем, расстраивают тыл и наносят непоправимый ущерб делу обороны страны.

Удалив этого специалиста, правительство все же пыталось бороться с растущей анархией, но боролось не действительными, а бумажными способами. И что это были за попытки!

Министерство внутренних дел разослало по всей России провинциальным комиссарам приказ, в коем призывало приложить все усилия, чтобы сплотить все здоровые элементы населения в целях борьбы с анархией.

Какие же меры для борьбы с анархией предлагал проводить этот приказ?

А вот какие.

По получении приказа министра, комиссары должны были образовать при себе особый комитет борьбы с анархией в составе представителей муниципалитетов, начальника местного гарнизона и представителя судебной власти.

Надо было совершенно не знать обстановки и совершенно не учитывать реального соотношения сил, чтобы столь забавный комитет поставить для борьбы с «анархией», возглавляемой местными советами, выступившими организованно против правительства.

Потеряв опору в советах, правительство не нашло ничего более остроумного, как создать такие комитеты, которые объединились вокруг совершенно непопулярного комиссара и состояли из не менее бессильного начальника гарнизона и уже абсолютно беспомощного представителя судебного ведомства.

Нечего и говорить, что и само правительство вряд ли могло удовлетвориться способами, предлагаемыми Министерством внутренних дел по борьбе с анархией.

Говорили в те дни, что оно вырабатывало законопроект о предоставлении исключительных полномочий по борьбе с анархией городским думам.

Законопроект этот, впрочем, столь же целесообразный, как и приказ Министерства внутренних дел, так и не увидел света, ибо правительство не успело его провести.

Таким образом, к Октябрю 1917 года правительству, как мы видим, опираться было не на кого.

Комиссары были бессильными пешками, городские думы были говорильнями, способными разве только выносить резолюции протеста.

Единственная реальная физическая сила, олицетворявшаяся в армии и в рабочих и крестьянских советах, отказывала правительству в поддержке.

Правительство, утратив сначала моральный авторитет, утратило и авторитет физической силы, так как все понимали, что власть эта—пустой звук.

Не оказали никакой поддержки правительству в эти дни и цензовые, кадетские и торгово-промышленные группы. Они не сделали попыток сопротивляться и сорганизовать какие бы то ни было отряды буржуазной гвардии, которые могли бы оказывать на местах значительную поддержку органам правительства в поддержании порядка.

Они не тратили своих денег ни на пропаганду, ни на агитацию идей «порядка» и ни в какой мере не пытались вмешаться в начинающуюся кровавую борьбу.

С поразительной беззаботностью российская буржуазия предпочитала держать деньги в банках, а свои ценности— в сейфах, полагая, что банки и сейфы незыблемо устоят под напором вздымавшейся новой революционной волны.

Мне приходилось говорить с некоторыми из представителей цензовых групп, и когда я указывал им на то, что их банки и сейфы взлетят на воздух, я слышал протестующие возгласы и видел недоверчивые взгляды.

Один капиталист уверял, что он спокоен за свой сейф, так как сейфы будут затоплены.

Я засмеялся. Капиталист обиделся.

Русская буржуазия была молода, неопытна. Она потянулась за властью, не чувствуя еще благ и вкуса этой власти. Получив отпор, она быстро успокоилась, сделалась пассивно-враждебной революции. Ее представители в правительстве не были представителями своего класса. Они были типичными интеллигентами. Не имея энергичных вождей, русская буржуазия упала в бездну, которую сама себе приготовила.

XVII.

ПЕТРОГРАД ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ. СОВЕТ РЕСПУБЛИКИ.

Наступал великий канун Октября.

Стал тягостным и ненавистным старый серый казенный дом градоначальства, отнимавший без пользы и смысла все силы, здоровье и надежды.

Заканчивая свою комиссариатскую работу в градоначальстве, я работал также и в губернском комиссариате, вместе с Е. А. Литкенсом, пытаясь осмыслить происходящее движение и как-нибудь сохранить разлаживающийся окончательно административный и технический аппарат.

Комиссар Московской губернии А. А. Эйлер чувствовал себя все более и более сиротливо в роскошных покоях губернаторов—Муравьева и Джунковского.

Эти покои все чаще служили местом собраний районных делегатов от рабочих, ставивших открыто на повестку дня вопрос о переходе всей власти к советам.

В мраморных залах наблюдались картины ужасающего контраста, когда в одной из зал заседали с комиссаром фабриканты и заводчики, а в другой—черные, изголодавшиеся рабочие, требовавшие власти.

Через делегатов Предпарламента от губернии, часто ездивших в Петроград, мы были в курсе всех политических новостей последних дней.

7 октября открылся в Петрограде, выделившийся из Демократического совещания, новый орган власти, так называемый Совет республики, или Предпарламент, состоявший из пятисот пятидесяти пяти человек.

Сформирован он был в результате мудрых постановлений Демократического совещания из лиц, приглашенных

Временным правительством по представлениям общественных и политических организаций.

При сформировании этого учреждения правительством было обращено внимание на его состав, благодаря чему в нем получили преобладающее влияние представители городских дум, кооперативных и других организаций.

Вскоре, вследствие создания коалиционного правительства, Совет республики был пополнен и представителями цензовых и бур'жуазных групп. Получалась та же картина, что и на Государственном совещании, с некоторой только разницей, так как предполагалось, что теперь правительство должно было быть ответственным перед Советом республики.

Однако, скоро выяснилось, что эту ответственность Керенский понимает очень своеобразно.

Он очень скоро пояснил, что будет пополнять состав правительства по собственному желанию, что новое правительство будет руководиться только теми программами, которые будут вырабатываться в его среде, причем созываемый Совет республики не может иметь прав парламента в настоящем смысле слова.

Партия правых эсеров, в лице Центрального комитета, одобрила и благословила новые основы соглашения, вручавшие снова диктатуру в руки Керенского.

И образовавшееся новое, последнее по счету, Временное правительство состояло, вопреки резолюции Демократического совещания и черновской формуле «коалиция без кадетов», из семи цензовых членов (из коих пять были членами кадетской партии) и остальных социалистов бесформенного типа, не ответственных перед партиями.

Путем создания Совета республики, Керенский еще раз пытался удержать в своих слабых руках диктатуру.

Какие права имел этот Совет республики?

Состоя из лиц, приглашенных правительством, он мог обращаться к нему с парламентскими запросами и затем мог давать свои заключения по тем законопроектам, которые правительство считало необходимым вносить на его обсуждение и заключение.

Этот-то столь полновластный орган исторически дол-

жен был противостоять Съезду советов, собиравшемуся на 20 октября.

Большевики, вследствие такого подбора состава Совета республики, представлявшего пародию на Учредительное собрание, покинули Предпарламент на первом его заседании, заявив, что не желают участвовать в таком искусственно сформированном представительном органе, закрепляющем безответственность правительства.

Всю энергию они направили на созыв Съезда советов, который должен был принять на себя всю власть.

Одновременно с организацией правительства, старавшегося обойтись без ненужных и опасных теперь ему советов, шла реорганизация этих самых советов, подготовлявшая их к активному выступлению.

Шаг в этом направлении был сделан под предлогом принятия мер к обороне Петрограда.

9 октября Петроградский совет сделал постановление о необходимости ради целей обороны образования революционного штаба, который будет и должен действовать вне правительства.

Этим самым Петроградский совет уже открыто декларировал свою готовность к гражданской войне.

Он не только не собирался заниматься самоупразднением, но прямо и твердо заявил о своей готовности к решительной борьбе.

Роль Петроградского совета, как органа обороны столицы, все более и более выдвигалась на передний план, ввиду новых попыток правительства к переезду в Москву.

Первыми предполагалось эвакуировать предприятия, работающие на оборону.

С точки зрения интересов правительства, пытавшегося удержать власть, и самому перебраться в Москву, эта мера была довольно разумной. Покидая мятежный Петроград, правительство находило в Москве более спокойную и устойчивую атмосферу, и, кто знает, если бы эта мера была доведена до конца, какую форму приняли бы дальнейшие события.

Но слишком откровенно были раскрыты планы государственников, вроде Родзянки, который заявил, что взятие

Петрограда немцами было бы плюсом, так как уничтожило бы советы и революционный Балтийский флот.

Эти-то откровенные заявления и подняли бурю протестов в рядах демократии, побудивших правительство окончательно отказаться от мысли переехать в Москву.

Самые большие опасения у правительства вызвал предстоящий Съезд советов, созывавшийся по инициативе большевиков и сочувствующих им групп.

Против созыва Съезда советов выносились резолюции центральных армейского и флотских комитетов, земского союза, крестьянского союза, союза офицеров, союза георгиевских кавалеров.

Органы меньшевиков и эсеров, особенно газеты «Дело народа» и «Воля народа», выступали против созыва Съезда; со своей стороны и ЦИК принимал меры к провалу Съезда.

Все резолюции и протесты сводились к признанию Съезда советов ненужным накануне созыва Учредительного собрания.

Но время уже было упущено.

Местные советы были уже в большей части своей во власти большевиков.

Получая телеграммы ЦИК о приостановлении выборов на Съезд советов, они им не подчинялись, руководясь уже не директивами ЦИК, а постановлениями и инструкциями ЦК партии большевиков.

Выборы, хотя и наскоро проведенные и сколоченные, шли по всей России.

Окруженное грозными врагами, что же предпринимало правительство для ликвидации войны, ввиду предстоящей зимней кампании и возможной утраты Петрограда?

Оно сохраняло прежнюю позицию и устами своего министра иностранных дел Терещенко в Совете республики заявляло попрежнему о необходимости уничтожения германского милитаризма и о тесной связи с нашими союзниками.

Только и всего.

Надо ли говорить, что такие заявления, переданные с соответствующими комментариями, производили тяжелое впечатление на окопных сидельцев, суля им перспективу

новой зимней кампании, проводимой во имя верности союзникам, давно поставившим на Россию крест.

Видя безнадежную слабость правительства, левые и правые готовили ему, сидящему между двух стульев, последний удар.

Левые свой план захвата власти приурочивали к Съезду советов.

Правые все свои надежды возложили на объединенное донское и кубанское казачество, которое во главе с Калединым готовилось к агрессивным действиям.

Низложенный за участие в корниловском мятеже Каледин и не думал покидать своего поста, оставаясь донским атаманом.

Керенский не только не пытался сменить Каледина, понимая, что он бессилен сделать это, но уже определенно пытался перед ним заискивать, понимая, что в борьбе с большевиками ему не на кого опереться, кроме как на корниловцев и калединцев.

Казаки, не дожидаясь наступления большевиков, сами перешли в наступление против советов, разгромив советы сначала в Екатеринодаре, Новочеркасске, Ростове-на-Дону, а затем в Калуге.

Донское и кубанское казачество объявило себя самостоятельными республиками, ведя переговоры с британским послом от имени свободного казацкого народа.

Солдатский фронт отвечал на создавшееся положение самочинной демобилизацией.

Сотни тысяч дезертиров заполняли вагоны, забивали железные дороги.

Работавшая в Москве комиссия по борьбе с дезертирством, о которой я писал выше, прекратила свою работу накачивания бочки Данаид.

Прекратили поимку и отправку дезертиров на фронт, так как фронт так усиленно тронулся, что это по существу было уже демобилизацией, а не дезертирством.

Крестьянство, воодушевленное дезертирами, приступило к окончательной ликвидации помещичьего землевладения и к истреблению помещиков.

Усадьбы пылали, земля и инвентарь шли в дележку.

А земельный закон, вырабатываемый новым министром

земледелия, заменившим Чернова, эсером Масловым, все ходил из комиссии в комиссию.

Закон этот должен был утвердить передачу всех земель в ведение земельных комитетов, но при переходе закона из комиссии в комиссию противники его занимались попрежнему его перекройкой и укорачиванием.

В результате и этот злополучный закон—последняя попытка правительства подойти к разрешению земельного вопроса—не увидел света.

Такова приблизительно бледная картина того, что творилось накануне Октября.

В комиссариате Московской губернии мы с Е. А. Литкенсом ежедневно принимали делегации рабочих, отвечавших на локаут и сокращение производства захватом фабрик и заводов.

Честный и порядочный губкомиссар Эйлер был бессилен что-либо сделать для восстановления авторитета власти.

Выхода из положения не было.

Для характеристики момента припоминаю любопытный разговор с директором Московской конторы Государственного банка Г.

В эти дни он пришел ко мне в градоначальство выяснять положение и просить о помощи.

Он рассказал мне, что очень беспокоится за золотые запасы Государственного банка, хранящиеся в подземных галлереях Кремля.

— Ведь они же охраняются караулом солдат 56-го полка?—заметил я.

— В том-то и дело, что я не уверен в этом карауле. У меня имеются все данные, что этот караул ненадежен и на него нельзя рассчитывать.

Заявляю ему, что кроме милиции у меня ничего нет, а охранять милицией золотые запасы Государственного банка тоже не очень-то солидно.

Мы решили, что нужно было бы сформировать дополнительную охрану, но на это, конечно, потребуется время. А тут нельзя было терять и одного дня.

Такова была судьба умиравшего правительства, которое не могло расставить верную охрану к золотым запасам своего казначейства.

Оно не могло уже оборонять себя и свои последние ресурсы.

Несчастные юнкера, единственная его опора, изнемогали в караулах, разрываясь на части, падая от усталости и страшного утомления.

А опасность все надвигалась и росла.

В стране какою бы то ни было ценой должен был быть водворен порядок: волны безвластья перекатывались уже через борт тонущего корабля.

Длившаяся забастовка кожевников в Москве принимала угрожающие размеры. Металлисты, текстильщики, деревообделочники, городские рабочие были накануне стачки.

Каждый день приносил новые, все худшие испытания.

Россия вступала в полосу неотвратимой гражданской войны.

XVIII.

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ НАКАНУНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. ОРГАНИЗАЦИЯ КРАСНОЙ ГВАРДИИ. ДЕКРЕТ № 1. ИЗБРАНИЕ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА. ПАДЕНИЕ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Наступил октябрь.

Первую половину его можно характеризовать полным упадком деятельности умеренных социалистических партий в Москве и бодрым и энергичным настроением в лагере крайней левой демократии, которая открыто и практически, не ожидая сопротивления, готовилась к захвату власти. Подгонял Петроград.

В половине октября перешел в наступление и Московский совет.

Еще 6 сентября Московский совет рабочих депутатов на соединенном заседании с советом солдатских депутатов после доклада Кипена (меньшевика) и содоклада А. И. Рыкова вынес большинством трехсот пятидесяти пяти голосов против двухсот пятидесяти четырех резолюцию, требовавшую установления демократической республики, отмены собственности на землю, введения рабочего контроля, опубликования тайных договоров и немедленного всеобщего демократического мира.

В этой же резолюции устанавливалась необходимость вооружения рабочих, путем создания Красной гвардии.

В октябре, через полтора месяца после принятия этой резолюции, Московский совет, несмотря на противодействие меньшевиков и эсеров, по докладу Розенгольца принял организационный устав Красной гвардии.

Меньшевики, выступавшие в совете в лице Трифонова против организации Красной гвардии, указывали, что орга-

низация Красной гвардии может посеять рознь между рабочими и армией, так как единственной опорой революции является революционная армия.

Впрочем, меньшевики соглашались на организацию для защиты порядка во время погромов и против нападения контрреволюционных банд специальных рабочих дружин. Дружины эти, организуемые под руководством Совета, не должны были без надобности иметь оружие на руках и должны быть тщательно обучены.

Нечего и говорить, что такая половинчатая постановка вопроса совершенно не соответствовала требованиям момента.

Вопрос о Красной гвардии прошел в Совете в положительном смысле, огромным большинством трехсот семидесяти четырех голосов против восьми и при двадцати семи воздержавшихся.

Позиция Городской думы по отношению к созданию Красной гвардии была отрицательной.

Мне приходилось принимать участие в смешанной комиссии, организованной Советом по вопросу о создании Красной гвардии.

И пришлось убедиться, что вопрос о Красной гвардии выдвигался моментом: помимо всяких разговоров, Красная гвардия создавалась в рабочих районах еще не организованно, но стихийно и непреодолимо.

Другим важным актом, принятым Московским советом также накануне Октября, было издание декрета об экономической борьбе, получившего наименование декрета № 1.

Этот декрет знаменовал собою уже переход к реализации власти путем осуществления ее законодательным путем. С этого момента кончалось время слов и резолюций, наступала пора декретов.

Принятию этого декрета предшествовала общая резолюция, сначала провалившаяся в соединенном заседании исполкомов советов рабочих и солдатских депутатов, так как в исполкоме совета солдатских депутатов у левой демократии еще не было большинства,—а затем, 19 октября, принятая на пленуме советов подавляющим большинством трехсот тридцати двух против двухсот семи голосов.

В резолюции этой советы в виде общей меры декретиро-

вали: 1) удовлетворение рабочих в тех отраслях, где назревает или идет стачка, 2) приглашали профсоюзы явочным порядком осуществлять положения декретов на фабриках и заводах, 3) предлагали капиталистов, саботирующих производство и вызывающих стачки рабочих, подвергать аресту, 4) обещали немедленно выпустить декрет о моратории на квартирную плату, 5) обещали принять самое активное участие в деле мобилизации масс и создания органов борьбы за переход власти к революционной демократии.

Меньшевики и эсеры протестовали против принятия этой резолюции, знаменующей, по их мнению, фактический захват власти в самой неразумной форме.

23 октября был наконец принят в заседании исполнительного комитета совета рабочих депутатов, под председательством Смидовича, составленный специальной комиссией по выработке декретов об экономической борьбе—декрет № 1.

Декрет № 1, немногословный, но решительный, определил собою начало военных действий против капиталистов со стороны советов, поставив во главе управления предприятиями фабрично-заводские комитеты.

Меньшевики и эсеры пытались возражать против принятия декрета, являвшегося, по их мнению, анархическим, дезорганизующим и гибельным для революции.

Но большинства у них уже давно не было: декрет № 1 был принят подавляющим большинством голосов.

Преобладающего большинства у большевиков не было только в совете солдатских депутатов, вернее, в его исполнительном комитете, так как меньшевики и эсеры употребляли все усилия, чтобы отсрочить перевыборы, понимая, что перевыборы дадут перевес большевикам. В исполкоме совета солдатских депутатов, после сентябрьских перевыборов, было шестнадцать большевиков, двадцать шесть эсеров и девять меньшевиков.

Получив сведения о захвате власти в Петрограде, советы рабочих и солдатских депутатов созвали 25 октября экстренное соединенное заседание в Политехническом музее.

Это было последним свиданием представителей враждующих в Совете партий перед борьбой.

Это историческое заседание прошло при участии московского городского головы Руднева и командующего войсками Рябцева, выступавших во фракциях.

Собрание выслушало две различных информации о петроградских событиях: одна, оглашенная Мураловым, говорила о поражении правительства и полной победе большевиков, другая, оглашенная эсеркой Е. Ратнер и меньшевиком Исувом, утверждала, что правительство существует и что войска с фронта идут ему на помощь.

Эсеры и меньшевики, сознавая необходимость создания центрального органа в Москве, предлагали образовать временный демократический орган, составленный из представителей советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, городского и земского самоуправления, всероссийских железнодорожного и почтово-телеграфного союзов и штаба Московского военного округа.

Весь спор сводился к вопросу о большинстве в этом органе: большевики отстаивали советское большинство, умеренные социалисты—думское.

Враждующие стороны, разбившись по фракциям, колебались принять то или иное бесповоротное решение.

Из Петрограда доносились все время совершенно противоречивые известия.

Настроение собрания было колеблющимся и неустойчивым. Эсеры, в лице Е. Ратнер, произносили горячие речи, убеждая собрание не допускать захвата власти советами, накануне Учредительного собрания.

Эсеры в конце концов заявили, что они отказываются от голосования резолюции по этому вопросу и оставляют за собой свободу действий.

Резолюция большевиков о создании Военно-революционного комитета принимается большинством трехсот девяноста четырех голосов против ста шести при двадцати трех воздержавшихся.

Меньшевики заявили, что они входят в создаваемый Военно-революционный комитет, составляемый только из представителей советов, но входят не для того, чтобы содействовать захвату власти, а для того, чтобы помочь пролетариату безболезненно изжить все последствия попытки захвата власти и «авантюризма» большевистских вождей.

Последняя часть заседания Совета прошла в величайшей напряженности и тишине.

Все чувствовали, что за стенами этого собрания принятые решения вызовут борьбу, сопротивление, междоусобную войну.

В члены Военно-революционного комитета были избраны от большевиков: В. М. Смирнов, Муралов, Усиевич и Ломов, в кандидаты: Аросев, Мостовенко, Рыков и Будзинский, от меньшевиков: Тейтельбаум и Николаев, от объединенцев: Константинов и кандидатами Гальперин и Янсон.

В эту же ночь Военно-революционный комитет издал ряд приказов и воззваний к железнодорожникам, почтово-телеграфным служащим, крестьянам и рабочим.

Таково было настроение советов накануне Октября в Москве.

Когда-то хозяева положения, эсеры и меньшевики очутились в меньшинстве, им уже почти не на кого было опираться: их представительным и административным органом являлась Дума, сохранившая старый состав избранников, соответствовавший настроениям конца июля, а не конца октября.

Таким образом, по существу, завоевание власти в советах, в профсоюзах, в заводских комитетах большевиками закончилось к октябрю открыто.

Москва левела, перестраивалась на советский лад, издавала декреты, разбивающие устои капиталистического строя, и с замиранием сердца следила за тем, что делается в Петрограде.

В эти дни и часы Петроград готовился к Съезду советов, большевики—к восприятию власти, а старый состав ЦИК готовился к самоупразднению, доказывая, что время советов прошло и что власть до созыва Учредительного собрания должна принадлежать правительству и Предпарламенту в центре и городским муниципалитетам—на местах.

В то время как умеренные социалистические партии готовились отнять всякую власть от советов, большевики готовились передать всю власть советам.

О грядущей гражданской войне говорилось В. И. Лениным в печати и в письмах, Троцким—на митингах. Восста-

ние для перехода власти в руки советов также открыто объявлялось и приурочивалось ко дню Съезда советов.

Предстоящее восстание обсуждалось открыто, воробьи о нем чирикали на крышах.

Положение самого Петрограда под угрозой нашествия немцев было угрожающим.

Ввиду этого и под предлогом недоверия к военной стратегии генералов Временного правительства, на пленуме Петроградского совета было принято предложение фракции большевиков о необходимости создания военно-революционного штаба.

В середине октября, на заседании Исполнительного комитета было принято положение об организации Военно-революционного комитета, первоначально по составу пухлого и громодзкого, с участием представителей центрфлота, союза железнодорожников, союза почтово-телеграфных служащих, совета фабзавкомов и других организаций.

Военно-революционный комитет Петрограда приступил к действию.

23 октября в Москве мы получили сведения, что уже 22 октября Военно-революционный комитет назначил во все воинские части города своих комиссаров.

К населению Петрограда было расклеено объявление, в котором сообщалось, что «в интересах защиты революции Военно-революционным комитетом назначены комиссары при воинских частях и в особо важных пунктах столицы. Приказы и распоряжения, распространяющиеся на эти пункты, подлежат исполнению лишь по утверждении их комиссарами».

Накануне открытия Съезда советов штаб военного округа перешел к активным действиям: Смольный институт, как штаб большевиков, был выключен из телефонной сети, началась разводка мостов, чтобы разобщить рабочие окраины с центром.

Были запечатаны газеты: «Рабочий путь» и «Солдат».

Что делал в это время сам Керенский и его правительство?

Керенский собирался перейти к решительным действиям по восстановлению порядка.

24 октября он появился в заседании Совета республики и с самым решительным видом потребовал от Совета крайних мер: неограниченных ему, Керенскому, полномочий и одобрения ареста членов Военно-революционного комитета.

И здесь-то, в этом историческом заседании, случилось нечто неожиданное, вполне подтвердившее пустоту, окружавшую Керенского, и пустоту на том месте, где должна была быть общереспубликанская власть, заменявшая Учредительное собрание.

Детище Керенского, его опора, Совет республики проявил растерянность и страх перед начавшейся гражданской войной.

Закрывая глаза на то, что происходит вокруг них, перепуганные отцы отечества на требование санкционирования решительных мер для борьбы с крайней левой демократией ответили молчаливым отказом.

В этот день Керенский вместе с аплодисментами правой части Совета республики получил в итоге платоническую резолюцию Совета республики, в которой от правительства требовалась активная внешняя политика и передача земель в ведение земельных комитетов.

Как будто бы на улицах не начинались вооруженные столкновения около мостов и у редакций газет, как будто бы Октябрьская революция не глядела в окна беспомощного и ненужного российского Предпарламента.

Правительство лишилось своей опоры, своего фундамента, лишилось даже доверия Совета республики.

Единственные представители крайней демократии в Предпарламенте—левые эсеры—потребовали немедленного ухода в отставку представителей правительства со всех постов.

В ночь с 24 на 25 октября Петроград принимал уже зловещий вид города, вступившего в полосу междоусобной войны.

Уже появился приказ Военно-революционного комитета, датированный 24 октябрем, призывающий к оружию.

Приказ этот гласил коротко и решительно следующее: «Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов грозит опасность. Предписываю привести полки в полную боевую готовность и ждать дальнейших распоряжений. Всякое промедление и неисполнение приказа будет считаться

изменой революции». Приказ был подписан за председателя Военно-революционного комитета Подвойским и за секретаря Антоновым.

Военно-революционный комитет, приступив к действиям, открыл опечатанную типографию газет «Рабочий путь» и «Солдат», поставив около типографии охрану Литовского полка.

Начальник войск Петроградского округа полковник Полковников также переходит с юнкерами и частью броневиков в наступление, защищая мосты, телеграф и телефонную станцию.

Но первые же действия революционеров дали им быстрый и решительный успех. Восставшими втечение нескольких первых же ночных часов были заняты телефонная станция, защищавшаяся броневиками, затем телеграф, почта, мосты.

В эти часы Временное правительство прекращало свое бытие.

В ночь на 25 октября в Петрограде был еще разгар революционной борьбы.

А 25 октября Военно-революционный комитет в десять часов утра уже мог расклеить по городу воззвания к населению, возвещавшие падение Временного правительства и создание правительства советов.

В Петрограде Временное правительство пало почти так же быстро, как пало в феврале самодержавие.

Октябрьский ураган сломил Временное правительство, как высохшую осеннюю ветку, и разметал ее листья сначала по лицу земли русской, а потом по всему белому свету.

XIX.

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ДУМА ПЕРЕД ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ. НАСТРОЕНИЕ ДУМСКИХ ВОЖДЕЙ. ДУМА И ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТ. ПОСЛЕДНЕЕ ЗАСЕДАНИЕ МОСКОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ.

Как было указано выше, крайним настроениям рабочих организаций и организаций Московского гарнизона противостояла только Дума, внеклассовый орган, не опиравшийся на физическую силу.

В распоряжении Думы условно могли быть часть офицерства, юнкера, незначительная часть гарнизона, милиция.

Массовый обыватель, как таковой, могущий в решительный момент борьбы путем организации добровольческих отрядов из мелкой буржуазии, части интеллигенции, словом, путем создания «белой гвардии» в противовес «красной», повлиять на решительный ход борьбы за власть, этот массовый обыватель не проявил ни инициативы ни энергии.

Он оказался равнодушным к своим собственным интересам. Может быть, это было еще и потому, что этот мелкобуржуазный обыватель был совершенно разочарован в своем Временном правительстве, в Керенском и в революции.

Он крепко засел за печку, организуя по призыву Думы домовые комитеты, охраняя домашний очаг от воров ухватами и кочергой, и махнул рукой на происходящее.

В открытое столкновение с Советом должна была выступить только Городская дума.

И силою вещей Дума, как орган власти параллельный Совету, выступила против Совета.

Вожди думской фракции эсеров слишком верили в жизнеспособность Временного правительства.

Эту уверенность поддерживали в них некоторые члены

Временного правительства — социалисты, сообщавшие все время оптимистические сведения из Петрограда о том, что Керенский с фронтовыми войсками идет на поддержку, что Съезд советов не может открыться, что у большевиков полная растерянность.

Эти сообщения окрыляли некоторой надеждой думских вождей, создавая и питая в них иллюзию на скорый конец большевистского засилья.

Этой уверенности способствовало и полученное в Москве 26 октября воззвание Центрального исполнительного комитета советов, выпущенное по поводу созыва Съезда советов, в котором ЦИК объявлял Съезд советов несостоявшимся и рассматривал его как собрание делегатов большевиков.

Вожди Московской городской думы цеплялись за соломинки: они надеялись на сопротивление ЦИКа, на сопротивление совета крестьянских депутатов, на поддержку ставки, куда за помощью отправился Керенский, на помощь казаков.

Этим надеждам не суждено было осуществиться, и в связи с событиями, происходившими в Петрограде, Московская городская дума также доживала свои последние дни.

В среду 25 октября должно было собраться историческое, последнее заседание думы, посвященное обсуждению событий, происходящих в Петрограде.

Дума должна была выявить ту или иную позицию в отношении кризиса власти в Петрограде, стать определенно на ту или другую сторону.

Из переговоров с Рудневым узнал я, что настроение главы думского большинства чрезвычайно подавленное, не лучше было настроение и других вождей думской фракции эсеров.

Все больше углублялся раскол по вопросу о текущем моменте у левых и правых эсеров, все сильнее и определеннее становилось левое крыло эсеров на сторону большевиков, отмежевываясь от правительства Керенского.

Москва имела сумрачный и зловещий вид.

Помню, что поздно вечером в день думского заседания уже появились на стенах домов первые воззвания Военно-революционного комитета.

Население читало их со страхом и недоумением.

Городское население только что пережило панику в связи с объявлявшейся забастовкой городских рабочих, когда стачечный комитет рабочих постановлял прекращение действия трамвая, газового завода, водопровода и канализации.

Забастовка эта, сорванная в последний момент согласием думы на все требования рабочих, оставила неизгладимый след в сердцах московских жителей, которые знали, что городские рабочие пойдут за Военно-революционным комитетом, а, следовательно, в случае разногласия Комитета с Думой, в перспективе снова нужно запасаться водой, хлебом и сидеть дома в темноте, ввиду остановки трамвая и угасания электричества.

С фронта доносились зловещие слухи, раздуваемые сторонниками порядка до крайних пределов.

Буржуазные газеты били тревогу. Дни их также были сочтены.

В окончательное падение Временного правительства, однако, еще верили немногие.

Рядовой обыватель все еще надеялся на какое-то непостижимое чудо и уже только от этого чуда ждал спасения.

В Москве наступало тяжелое мертвое затишье перед октябрьской бурей.

В день последнего заседания Думы в переговорах с Рудневым было решено принять меры охраны, так как Руднев предполагал, что в этот же вечер большевики учинят в Москве coup d'état [1]), арестуют городского голову и членов управы, как единственных носителей муниципальной власти.

Решено было оцепить Думу усиленным нарядом конной милиции, которая была хорошо вымуштрована и оставалась пока верной своему хозяину—городскому самоуправлению.

Помню, когда в этот исторический вечер я подъезжал к Думе на последнее заседание и увидел мрачное здание Думы, окруженное молчаливым отрядом конной милиции, мне вспомнились ясные морозные дни февраля, когда Москва собиралась здесь, полная надежд на светлое будущее. Какая разница между этими еще недавно пережитыми днями и сегодняшним днем.

[1]) Переворот.

Стоял осенний мокрый вечер. Тьма лежала на почти неосвещенных улицах. Кругом было пустынно и глухо.

Мы должны были схоронить сегодня весенние иллюзии единства социалистического фронта.

Вместо борьбы за расширение завоеваний революции, дружной борьбы рука с рукой, сторонники умеренной революции готовились встать против вчерашних товарищей, заграждая им путь.

Толпа любопытных понемногу стекалась к Думе, многим и очень многим хотелось быть на этом решающем заседании, и в конце концов думские хоры были битком набиты.

Я замешкался в вестибюле Думы, разговаривая с встречавшимися товарищами, мы стояли и смотрели в окно на думскую площадь.

Помню, мимо нас в тот вечер озабоченно сбежал по лестнице вниз Муралов, тот солдат Муралов, которому скоро суждено было сыграть видную роль в Октябрьской революции, а после нее в управлении Московским военным округом.

Я был знаком с Мураловым, который, как представитель Московского совета, являлся в градоначальство в связи с различными практиковавшимися уже общеадминистративными репрессиями.

Теперь, глядя на его поспешно удаляющуюся по площади громадную фигуру в простой серой солдатской куртке, согбенную под моросившим дождем, я понимал, что человек этот торопился, может быть, в Военно-революционный комитет, что человек этот стал уже опасным врагом существующей власти.

Было странно, нелепо и жутко сознавать это, видеть воочию ту пропасть, которая разбила всех на два лагеря, чувствовать себя бессильным перешагнуть эту пропасть, не выполнив того, что казалось тогда долгом перед родиной.

Поднявшись в зал, я застал уже думские фракции разбившимися на обычные совещания.

Атмосфера, накаленная, тревожная и негодующая, насыщала думские комнаты, залы и коридоры.

С озабоченными лицами люди встречались, наспех обменивались последними новостями из Петрограда и, точно

муравьи, сообщавшие друг другу о разорении их хрупкого жилища, торопливо бежали дальше.

На лицах кадетских лидеров не было привычной торжественной иронии, которую они проявляли обычно в думской обстановке.

Красивое лицо профессора Новгородцева с черной ассирийской бородой не носило следов обычной профессорской величавости.

Он был бледен и встревожен. Ему пришлось слушать слова Бухарина, обращенные к нему в думской зале, полные злого сарказма:

«Неужели категорический императив Канта подсказывает вам необходимость расстрелов солдат и арестов революционных крестьян и рабочих?»

Волнуются Юренев, Тесленко, Бурышкин.

Наконец, в девять часов вечера старый, согбенный, седобородый апостол эсеровской революции Минор, в качестве председателя Думы, открывает заседание.

Все думские места заняты гласными, пришли все; полны, яблоку упасть негде, думские хоры и коридоры.

Городской голова Руднев докладывает информацию о совершающемся в Петрограде перевороте, о царящем насилии большевиков, о попытках захвата ими власти.

Руднев характеризует переворот в Петрограде, как неорганизованное выступление, так как, в частности, такая мощная организация, как Совет крестьянских депутатов, выступает с протестом против переворота.

Заканчивая свой доклад, говоря о задачах Думы в текущий момент, Руднев указывает, что хотя Городская дума бессильна помочь Временному правительству, так как она, может быть, и не располагает физической силой, но, будучи единственной «верховной» властью в Москве, Дума не может дать своей санкции тому, что творится в Петрограде.

Кроме того, на Думе лежит и ответственность за охрану безопасности населения столицы.

Мрачный, трагический доклад окончен.

Застрельщиком, открывшим бой, выступил кадет Щепкин, иронически приглашая Думу выслушать в первую оче-

редь виновников наступивших в стране грозных событий, сидящих здесь на левых скамьях.

Вызов был принят, и от крайней левой выступил И. И. Скворцов.

Речь его была обличительной речью, направленной, главным образом, по адресу молчаливо сидевших представителей партии эсеров.

И. И. Скворцов указывал на то, что страна отдала свои симпатии, свое доверие большевикам, что эсеры и меньшевики не являются больше представителями рабочих и крестьян, а являются предателями революции.

«Наше выступление,—заканчивал он речь вызовом и угрозой,—вы хотите представить как выступление кучки заговорщиков, вы отлично знаете, что это неправда, из большинства вы стали меньшинством, вы хотите ликвидировать выступление рабочих и крестьян силой, что же, попробуйте, посмотрим, как это вам удастся!»

После обвинительной речи И. И. Скворцова, вызвавшей возмущение центра и правой части думского амфитеатра, начался словесный и бесполезный бой по всей линии.

Лидеры эсеров, а со стороны кадетов Астров и другие обвиняли большевиков в срыве Учредительного собрания, в открытии фронта врагу и пр.

Эсеровский оратор Лившиц поставил вопрос определенно: «Нам надо сказать,—заявил он,—либо власть принадлежит советам, либо городской думе, которая избрана всеобщим избирательным правом».

Но все, что говорилось, было ненужно, бесцельно, упреки были тусклы; всем, и говорившим и слушавшим, было понятно, что гражданская война уже глядится в думские окна.

Так к этому и отнеслись представители крайней левой демократии.

Под аккомпанимент речей представителей думского большинства, обвинявших их в измене, они спокойно, один за другим, покидали думские скамьи и разъезжались для организации и работы в районы.

Они прекрасно учитывали, что теперь дорога каждая минута, и, не желая тратить время на выслушивание давно уже знакомых обвинений, уходили к ожидавшему их делу.

Постепенное опустение скамей большевистской фракции

подействовало на остающуюся часть собрания еще более удручающе.

Речи бледнели, слабели и угасли.

Около двенадцати часов ночи Дума приняла длинную резолюцию по текущему моменту.

В ней с возмущением говорилось о петроградских событиях, население приглашалось, во имя близкого созыва Учредительного собрания, сплотиться вокруг Городской думы и дать отпор большевикам.

Все стали расходиться. Думская зала и хоры опустели.

Щелкая копытами лошадей по камням, удалилась, охранявшая Думу, конная милиция.

Руднев, Коварский и я после заседания собрались в кабинете городского головы.

Сидели некоторое время в оцепенении.

Руднев, подавленный и расстроенный, стал спрашивать нашего совета, нужно ли размножить принятую Думой резолюцию и разослать ее телеграфно по России.

Из самого вопроса этого можно было вывести заключение, что Руднев совершенно пал духом.

Принимая обращенную к России и городским муниципалитетам резолюцию, в которой говорилось о необходимости сплочения населения вокруг Думы, Московская городская дума, естественно, должна была такую резолюцию довести до всеобщего сведения, сообщив ее по телеграфу.

По существу же Руднев был прав: положение было настолько мрачным и безнадежным, что посылка такого призыва на места являлась мерой уже запоздавшей и вредной, так как создавала некоторые надежды и иллюзии у провинции, следившей за поведением Москвы, сердца России.

Во втором часу ночи мы ехали на автомобиле из Думы.

Улицы были мрачны и пустынны.

Завтра вставало неясным тяжелым призраком.

По предложению Руднева, во избежание ареста в постели, решено было не ночевать дома [1].

Городские деятели перешли уже на нелегальное положение и в эту ночь нашли убежище в чужих квартирах.

---

[1] Руднев был прав, так как в эту ночь предполагалось произвести у него обыск, а может быть и арестовать его (см. ст. Ч—ва в сборнике „От Февраля к Октябрю“, изд. 1923 г.).

XX.

ОБРАЗОВАНИЕ КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. СОСТАВ КОМИТЕТА. РЯБЦЕВ И РУДНЕВ. НАЧАЛО ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ.

В то время как грозные события надвигались и каждая минута промедления грозила непоправимыми бедствиями для существующей власти, представители этой власти находились еще в состоянии нерешительности.

Вся исполнительная власть и вся реальная физическая сила находились в этот момент в руках двух лиц: Руднева—городского головы, и Рябцева—командующего войсками Московского военного округа.

Оба эти человека в эти дни до 26 октября все не могли сговориться и не могли встретиться.

Руднев искал Рябцева, но безуспешно.

Рябцев предпочитал вести переговоры с Военно-революционным комитетом совершенно самостоятельно. Несомненно, он надеялся, что удастся избежать конфликта.

О Рябцеве мне пришлось говорить в эти дни с Рудневым.

Утром, в среду 25 октября, я приехал к Рудневу, по его просьбе, как было условлено с ним накануне.

Во время нашего короткого свидания Руднев сетовал, что он до сих пор не повидался с Рябцевым, что он вызывал его также на среду утром, но Рябцев почему-то не приехал. Видно было, что уклончивое поведение Рябцева в такой решительный момент возмущало Руднева.

Было ясно, что бездействие военной власти в настоящий момент непостижимо и что власти этой нужно принять какое-нибудь решение или договориться с Военно-революционным комитетом.

Руднев в конце разговора заявил, что он примет меры к тому, чтобы Рябцев был у него в четверг 26 октября.

На этом мы расстались.

Из этого разговора я мог убедиться, что Руднев находится в состоянии сильнейшего недоумения.

Действительно, ему казалось, что глава военной власти в Москве ведет себя странно и слишком долго колеблется самоопределиться.

За это время Рябцев успел разразиться только успокоительным приказом, датированным 24 октября.

Приказ этот гласил следующее:

«В обществе распространяются слухи, будто бы округу и в частности Москве кто-то, откуда-то и чем-то грозит. Все это совершенно неверно, а между тем эти слухи волнуют и без того взволнованное население и еще более сгущают напряженную атмосферу. Родина переживает тяжелые дни, и, может быть, никогда еще революция и свобода не были в большей опасности, чем теперь. Но эта опасность—в той анархии и в погромном настроении, которое разлито и льется по стране, поддерживаемое темными силами и на благо реакции.

Армия стоит на страже законности, государственности, порядка и интересов народа. Армия не допустит срыва или отсрочек Учредительного собрания, она не допустит и того, чтобы выборы в него производились под давлением анархических безответственных сил.

Стоя во главе вооруженных сил округа и на страже истинных интересов народа, которому одному только служит все войско, я заявляю, что никакие погромы, никакая анархия не будут допущены. В частности, в Москве они будут раздавлены верными революции и народу войсками беспощадно. Сил же на это достаточно».

Но, как мы видели, успокоительные заверения были уже запоздалыми. События требовали не слов, а действий и решений.

Приехав в градоначальство, окруженный сотрудниками, спрашивающими меня, что будет дальше, я был вынужден с горечью рассказать об отсутствии какого бы то ни было плана у сторонников Временного правительства и Учредительного собрания.

Я не скрыл от товарищей, что нам придется на-днях, сегодня или завтра, мирно сдавать дела новой власти, в лице большевиков.

Воцарилось уныние.

Всем нам казалась такая сдача позиций недостойной и трусливой.

Нам было страшно за родину, которую мы видели под пятой сурового врага—немца. Пугало массовое разложение армии, рост анархии, гибель России казалась близкой.

Плохое настоящее было все же лучше темного будущего.

Работа валилась из рук, всех угнетало сознание бесцельности, ненужности этой работы перед разверзнувшейся под ногами пропастью.

Еще большее уныние вызвала сделавшаяся известной меланхолическая устаревшая информация из Петрограда от погибшего Временного правительства.

В сообщении этом, адресованном губернским и уездным комиссарам, указывалось, что Петроградский совет потребовал от Временного правительства передачи власти и объявил правительство низложенным.

Правительство решило не сдаваться, передать власть только Учредительному собранию и вручить себя защите народа и армии.

В заключение сообщалось, что первое нападение на Зимний дворец в десять часов вечера отбито и что ставка посылает на поддержку правительства отряд войск.

Таков был последний голос Временного правительства.

Все уже знали, что это был голос из могилы, что самое правительство сидит не под защитой народа, а под охраной матросов.

В то время как сторонники Временного правительства держались в полемике с большевиками в Думе и в прессе умеренно выжидательного тона, большевистские органы открыто указывали на то, что и в Москве пора перейти в наступление и передать всю власть советам.

«Социал-демократ» в номере от 24 октября передовую статью озаглавил: «Гражданская война началась».

Начиналась статья словами: «Война объявлена», а закан-

чивалась указанием, что время разговоров прошло—надо начинать действовать.

В статье от 25 октября тот же «Социал-демократ» призывал к организации повсеместно военно-революционных комитетов и доказывал, что сторонники советской власти могут быть в любой момент поставлены перед необходимостью решительных действий и должны приложить все усилия, чтобы не быть захваченными врасплох.

Радуясь окончательному падению Временного правительства, «Социал-демократ» в последнем нумере перед началом вооруженной борьбы в Москве, в статье «На пороге мировой революции», писал, что переворот 25 октября является поворотным пунктом мировой истории и знаменует перестройку всех современных международных и внутренних отношений.

Все эти бодрые слова противников звучали, как похоронные удары колокола, в ушах умеренных социалистов.

Как бы во исполнение этих призывов к наступлению, в этот день уже не замедлили поступить сообщения о наступательных действиях Военно-революционного комитета.

Военно-революционный комитет приступил к захвату типографий буржуазных газет.

Одной из первых была захвачена федерацией анархистов типография газеты «Московский листок», к которой была приставлена военная охрана.

Теперь за «Московским листком» последовали «Русское слово» и «Раннее утро», занятые уже не анархистами, а большевиками.

Была получена и распространялась по Москве радиотелеграмма Петроградского военно-революционного комитета, которая, в противовес успокоительному объявлению Рябцева и информации Временного правительства об отбитии штурма Зимнего дворца, сообщала о происшедшем в Петрограде перевороте и о полной победе Военно-революционного комитета.

Было ясно для всех, что Петроградский и Московский военно-революционные комитеты энергично действуют—первый завершил переворот, второй приступает к нему, между тем как Московский военный штаб бессильно колеблется.

К вечеру уже стали поступать сведения, что юнкера и часть офицерства, возмущенные бездействием штаба, волнуются ожиданием выступления.

Однако ночь с 25 на 26 октября прошла спокойно.

Утром, в четверг 26 октября, я был за информацией у Руднева. Последний, передавая новости, сообщил, что он уже вступил в переговоры с Рябцевым.

В два часа дня должно было состояться совещание представителей демократических организаций по созданию нового органа власти в Москве, формируемого в противовес Военно-революционному комитету, выступившему в качестве претендента на власть.

Вернувшись в Думу к двум часам, я застал в кабинете городского головы и самого Рябцева.

Пока подходили другие делегаты созываемого совещания, я наблюдал за Рябцевым и ближе присмотрелся к этому человеку, сыгравшему такую трагическую роль в дальнейших событиях в Москве и закончившему свою жизнь не менее трагически.

Среднего роста, приземистый, темноволосый, он был человеком по внешности заурядным, но в общем казался симпатичным.

Заменивши собой энергичного Верховского, он, повидимому, хотел держаться его линии, но больше, чем его предшественник, заигрывал с советами и старался вести политику примирительную.

Кто он был по убеждениям, трудно было сказать.

В исторических очерках по Октябрьской революции мне приходилось читать, что Рябцев был эсером. Это неверно. Рябцев никогда в партии эсеров не состоял, кажется, он примыкал к народным социалистам, хотя не знаю, был ли зарегистрирован и в партии народных социалистов.

Рябцев интересовался литературой, кажется, пописывал сам в качестве военного обозревателя «Русских ведомостей».

На Украине, куда он переехал после Октября, он работал в меньшевистской газетке и считал себя меньшевиком.

Во всяком случае, по структуре своей он не был склонен на сильные и решительные действия, он был миролюбивого характера, скорее сторонник компромисса, чем сторонник гражданской войны.

Неделя гражданской войны в Москве не дала этому человеку, как побежденному, славы, наоборот, настроила против него все контрреволюционное офицерство.

После Октябрьского восстания в Москве со стороны офицеров на голову Рябцева сыпались обвинения в измене, да и московский массовый обыватель-мещанин, везде видящий предательство и измену, сильно подозревал Рябцева в измене и сдаче Москвы большевикам.

Эта потеря Москвы, эта сдача Москвы, в которой Рябцев не был виноват более других, способствовали гибели Рябцева.

В 1919 году, когда деникинские войска, оттеснив Красную армию, на некоторое время вторглись в Украину, бандой офицеров, чинивших бесчинства, как-то был захвачен живший на Украине, в Харькове, Рябцев.

Убедившись, что перед ними «виновник» сдачи Москвы, продавшийся большевикам изменник Рябцев, они расстреляли его под обычно практиковавшимся тогда предлогом— «при попытке к побегу».

Этот расстрел человека, которому нечего было бежать от своих в сущности единомышленников, прошел для офицерской компании совершенно безнаказанно и никакого расследования не вызвал.

Так трагически закончил свою карьеру человек, на которого в Октябре были устремлены все взоры «защитников порядка».

В этот знаменательный день, решивший судьбу России и судьбу его самого, Рябцев нервничал. Настроение его было напряженное, в ожидании открытия заседания он нервно вертел карандаш, что-то писал на бумаге, перебрасываясь короткими фразами.

Открытие совещания состоялось в два часа дня.

Совещание, принявшее название Комитета общественной безопасности, состояло из представителей следующих организаций: двух представителей Думы, представителя московского уездного земства, делегатов от Совета солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, представителя Почтово-телеграфного союза, представителя военного штаба в лице Рябцева, двух делегатов от эсеров и меньшевиков (последние присутствовали, кажется, только на последую-

щих заседаниях комитета, а при сформировании его не были).

Любопытно было отношение собрания к представителям Временного правительства по Москве.

Официальных агентов Временного правительства было в Москве два: губернский комиссар Эйлер и заместитель комиссара по г. Москве Базилев.

Их обоих я встретил нервно расхаживающими в коридоре около кабинета городского головы во время заседания формировавшегося Комитета общественной безопасности.

Помню отлично, что оба они выразили желание присутствовать в заседании Комитета.

Но, увы, по предложению Руднева, собрание не пожелало допустить в этот важный момент на решающее совещание комиссаров Временного правительства.

Точно не помню мотивов обидного отказа. Но смысл был такой, что Комитет отмахивался от скомпрометировавшего себя правительства и, в качестве органа демократического, создаваемого при Думе, не желал иметь с правительством ничего общего.

Так невысок в этот момент был авторитет Временного правительства, что люди, выступавшие на защиту его, не пожелали видеть в своей среде его официальных представителей, хотя бы для информации.

В конце заседания, правда, появились бывшие члены павшего правительства, которые пришли послушать, что собирается делать Москва, и были допущены в силу личных отношений с городским головой.

Это были приехавший С. Н. Прокопович и второй, кажется, А. Г. Хрущев.

Оба они сели скромно в углу кабинета, на мягком темносером диване, не подавая признаков жизни, и просидели на нем до конца заседания, молча созерцая происходящее.

Собрание открыл Руднев, произнеся короткую речь о целях настоящего собрания, которое должно явиться органом демократической власти, призванным в интересах населения в противовес Военно-революционному комитету—охранять порядок в Москве.

«Комитет общественной безопасности» объявлялся сконструированным.

По желанию собравшихся слово было предоставлено Рябцеву для выяснения обстановки, наличия реальных сил и возможности поддержки Комитета войсками московского гарнизона.

Рябцев встал в большом волнении и произнес нервную, горячую речь.

Он поведал собранию историю своих переговоров с Военно-революционным комитетом, рассказал об угрожающем положении на фронте, о разложении гарнизона в Москве.

Рассматривая соотношение сил двух враждующих лагерей, он не высказал определенной уверенности в решительной победе преданных штабу военных частей, в случае решительного столкновения с противниками.

Он говорил только о надежде на успех, причем совершенно не упомянул, что артиллерия не находится в его руках.

Закончил он речь патетически и с надрывом:

«В эту историческую минуту, принимая на себя всю ответственность за дальнейшее, я хотел бы, чтобы вы, собравшиеся здесь для решения судьбы Москвы, армии и России, разделили эту тяжелую ответственность за будущность родины со мной, чтобы вы, сознавая и чувствуя весь ужас положения и все бремя этой ответственности, сказали мне, как я должен поступить, как истинный сын России, видящий ее гибель, и что я должен сделать для ее спасения.

И если вы скажете, что, не останавливаясь ни перед какими жертвами, мы обязаны выступить на защиту отечества, жизни и чести России, выступить для спасения нашей родины, то я сделаю все, что прикажут мне долг и моя совесть!»

Рябцев сел, и воцарилось длительное тяжелое молчание.

Нарушил его Руднев, предлагая ввиду необходимости, не теряя времени, принять решение немедленно, высказываться как можно короче и подавать голос за или против вступления в борьбу с Военно-революционным комитетом.

Опрос производился поочередно, по кругу лиц, сидевших вдоль овального стола.

Среди присутствующих был задан вопрос Рябцеву, на-

деется ли он при помощи сил, имеющихся в его распоряжении, на победу.

Рябцев ответил утвердительно, добавив, что он рассчитывает также на поддержку ставки, обещавшей прислать помощь с фронта.

Снова одним из членов комитета был задан вопрос, будет ли оказана Всероссийским железнодорожным союзом поддержка Комитету общественной безопасности.

Не помню, кто, но, кажется, представитель Почтово-телеграфного союза или Совета солдатских депутатов, заявил, что Всероссийский железнодорожный союз («Викжель») безусловно окажет поддержку, что делегат «Викжеля» должен был присутствовать сегодня на собрании и запоздал, очевидно, случайно.

Это непроверенное, безответственное заявление имело пагубное и решительное влияние на решение собравшихся.

Рассчитывая на поддержку ставки, которая при помощи «Викжеля» могла перебросить свои войска к Москве через два дня, члены Комитета общественной безопасности склонились на сторону перехода к активным действиям против Военно-революционного комитета.

Один за другим собравшиеся голосовали за переход к военным действиям, в случае, если попытка соглашения с Военно-революционным комитетом не даст никаких результатов.

Самая форма этого соглашения собранием не предусматривалась, но никакого решения об ультиматуме Военно-революционному комитету и об аресте членов Комитета не было принято.

Рябцев снова закончил речью, что теперь он исполнит свой долг перед родиной, что борьба будет трудна, но он надеется на победу.

Собрание было закрыто часов около пяти вечера.

Рябцев быстро уехал.

Присутствующие разбились на группы, создавая планы защиты Москвы и проекты организации отрядов самообороны.

Проходя по коридору, я снова встретил двух комиссаров Временного правительства—Эйлера и Базилева, нервно ожидавших решения Комитета общественной безопасности.

Узнав о решении Комитета выступить активно, представители Временного правительства заявили, что они надумали со своей стороны послать телеграмму на фронт Духонину, с просьбой о поддержке и о присылке войск в Москву.

Действительно, кем-то из упомянутых комиссаров правительства была в тот же день послана телеграмма Духонину, на которую 28 октября был уже получен от Духонина ответ, что он обещает поддержку и посылает на помощь войска с фронта.

Так заканчивался день 26 октября.

Москва еще не знала ничего о сформировании Комитета общественной безопасности, о предстоящих кровавых столкновениях.

Граждане Москвы вечером 26 октября мирно разбрелись по театрам, не подозревая, что со следующего дня им придется забиться в подвалы, лежать под окнами, озаренными ярким пламенем пожаров, и целую неделю слушать неумолчную трескотню пулеметов и грохот артиллерийской стрельбы.

Поздно вечером и в ночь на 27 октября отряды юнкеров и добровольцев-офицеров стали сосредоточиваться в манеже и около Кремля.

Ночь прошла спокойно.

Утром, 27 октября, в пятницу, население, вышедшее на работу, уже с удивлением читало расклеенное объявление Комитета общественной безопасности, призывавшее к гражданской войне.

Комитет общественной безопасности объявлял следующее:

«Военно-революционный комитет, образованный большевистской частью советов рабочих и солдатских депутатов, приступил к захвату власти. Ответственность за последствия этого действия ляжет на него. Настоящим объявляется, что все законные распоряжения исходят лишь от Комитета общественной безопасности. Все распоряжения, исходящие от Военно-революционного комитета, не подлежат исполнению. Комитет общественной безопасности призывает все сплотившиеся вокруг него силы к стойкой и твердой защите правого дела. Комитет объявляет о своей непоколебимой решимости оставаться на том пути, на который его

призвали события. Комитет общественной безопасности объявляет, что все попытки со стороны преступных лиц использовать момент, чтобы начать погромы и грабежи, будут подавляться решительно, вплоть до применения вовооруженной силы».

Прокламация Комитета общественной безопасности не осталась без ответа.

Через несколько часов на стенах домов появилась прокламация Военно-революционного комитета.

Военно-революционный комитет писал:

«Революционные рабочие и солдаты города Петрограда, во главе с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов, начали решительную борьбу с изменившим революции Временным правительством. Долг московских солдат и рабочих—поддержать петроградских товарищей в этой борьбе.

Для руководства ею Московский совет рабочих и солдатских депутатов избрал Военно-революционный комитет, который и вступил в исполнение своих обязанностей.

Военно-революционный комитет объявляет: 1) весь Московский гарнизон немедленно должен быть приведен в боевую готовность, каждая воинская часть должна быть готова выступить по первому приказанию Военно-революционного комитета, 2) никакие приказы и распоряжения, не исходящие от Военно-революционного комитета или не скрепленные его подписью, исполнению не подлежат».

Пытаясь сохранить в своих руках ускользающую от его влияния солдатскую массу, Комитет общественной безопасности в воззвании, обращенном в тот же день к военным комитетам, предлагал им объявить во всех частях войск, что они должны исполнять распоряжения штаба Московского военного округа, а распоряжения Военно-революционного комитета, как самочинной организации большевиков, подлежать исполнению не должны.

Солдаты призывались сплотиться вокруг Комитета общественной безопасности и помочь ему довести Россию до Учредительного собрания.

Солдатская масса, несмотря на противодействие Совета солдатских депутатов, члены коего входили в Комитет об-

щественной безопасности, не пошла за Комитетом, а в значительном большинстве пошла за большевиками.

Решавшая судьбу октябрьских боев артиллерия все время стояла на стороне Военно-революционного комитета и оказала ему громадную поддержку.

Днем, 27 октября, занятия во всех учреждениях шли своим порядком.

Было, однако, известно, что Военно-революционным комитетом подготовляется всеобщая забастовка.

В одиннадцать часов утра я приехал в Думу.

Заседание Комитета общественной безопасности еще не начиналось.

В небольшом кабинете было тесно, накурено. Члены Комитета находились в крайнем возбуждении.

До заседания им пришлось познакомиться с положением дел. Оно становилось все более напряженным.

Комитетом было уже вынесено постановление об объявлении Москвы на военном положении.

В обращении к населению с объявлением военного положения, датированном 27 октября, Комитет указывал, что переговоры его с Военно-революционным комитетом ни к чему не привели, что Военно-революционный комитет не вывел из Кремля отказавшуюся повиноваться воинскую часть (56-й полк) и им было допущено широкое расхищение оружия, пулеметов и снарядов, Военно-революционным комитетом захватываются типографии, комиссариаты, гаражи и склады.

Комитет общественной безопасности, сознавая всю тяжесть лежащей на нем ответственности, санкционировал в Москве и Московской губернии военное положение.

В тяжелый и грозный час, переживаемый Россией, призывая не прерывать снабжения фронта и тыла продовольствием, Комитет звал всех граждан помочь довести страну до Учредительного собрания.

Кончалось обращение решительным заявлением, что Комитет общественной безопасности примет все меры и не допустит никаких выступлений, направленных против завоеваний революции, откуда бы они ни исходили, ни справа, ни слева.

В данный момент члены Комитета обменивались взглядами по вопросу о реальном соотношении сил.

Представители Совета солдатских депутатов, кажется, Шубников и Маневич, сохраняли оптимистическое настроение.

Но было одно известие, которое сильно расхолаживало бодрость собравшихся.

Выяснялось, что «Викжель» решился держаться нейтральной позиции и не посылает своего делегата в Комитет общественной безопасности.

Это обстоятельство сильно разочаровало многих членов Комитета, так как все планы борьбы строились на поддержке «Викжеля».

Правда, «Викжель» открыто не говорил о переходе в ряды союзников Военно-революционного комитета, и этой его «нейтральностью» успокаивали пессимистов.

Характерно, что Комитет, приступая к вооруженной борьбе, был уверен в поддержке фронта и в поддержке «Викжеля», хотя у него тогда еще не было ответа из ставки и не было формального согласия «Викжеля».

Не знаю, удалось ли ставке послать реальную помощь Рябцеву и Комитету общественной безопасности, установлено, что попытки послать такую помощь, попытки, расстроенные «Викжелем», были.

Согласие ставки пришло на следующий день, 28 октября, когда Рябцевым было получено из ставки главнокомандующего от Духонина следующая телеграмма:

«Для подавления большевистского мятежа посылаю в ваше распоряжение гвардейскую бригаду с артиллерией с Юго-западного фронта. Начинает прибывать в Москву 30 октября с западного фронта артиллерия с прикрытием. Необходимы решительные и совокупные действия для подавления выступления, повергнувшего страну в пропасть».

Такую же успокоительную телеграмму, и также на другой день после начала военных действий, т. е. 28 октября, получил от главнокомандующего Юго-западным фронтом генерала Балуева В. Руднев.

Балуев телеграфировал:

«На помощь против большевиков к Москве двигается кавалерия. Испрашиваю разрешение ставки выслать артил-

лерию. В районе фронта создалось положение тоже тяжелое, но армия, стоя на страже революции и родины, поборола большевистское выступление и шлет привет сердцу России, будучи уверена, что в настоящий грозный момент Москва как собирательница России соединит всех верных сынов ее и спасет родину. От армии фронта шлю сердечную благодарность и пожелание полного успеха в борьбе с врагами революции».

Как известно, эти успокоительные телеграммы, значительно поднявшие надежды и шансы Комитета общественной безопасности, никакой реальной помощи за собой не принесли.

За исключением небольшого отряда казаков и групп ударников, вооруженная сила фронта не дошла до Москвы.

Заседание Комитета наконец открылось. Председательствовал Руднев.

Самого Рябцева не было.

Было известно, что он в Кремле—ведет последние переговоры с Военно-революционным комитетом. Ждали его с часа на час.

Заседание Комитета по преимуществу было информационным.

Докладывались какие-то довольно фантастические телеграммы из Петрограда, кажется, от бывшего товарища министра внутренних дел Богуцкого и других, самого оптимистического содержания.

В телеграммах этих говорилось о разложении Петроградского гарнизона, о близком подходе Керенского во главе войск с фронта.

Около двенадцати с половиной часов дня были получены сведения из штаба, что юнкера цепью окружили Кремль.

Действие военного положения начинало сказываться. Можно было ждать начала столкновения с минуты на минуту.

Получив сведения о движении юнкеров, Комитет в нервном волнении ждал известий от Рябцева.

Напряжение все увеличивалось, тревога росла, стали доходить слухи, что Рябцев и его спутник, комендант Москвы полковник Мороз, отправившиеся для переговоров, арестованы.

Между тем в Думе уже начали появляться группами студенты, гимназисты, офицеры с просьбой записать их в добровольческие отряды и снабдить оружием.

Добровольцы эти горячились и обвиняли Комитет в медлительности.

Наконец часов около двух с половиной дня стало известно, что предъявленный Рябцевым Военно-революционному комитету ультиматум с предложением, немедленно сложив полномочия, объявить себя распущенным, предварительно же вывести 56-й полк из Кремля, выдав все оружие, которым снабжались из кремлевского арсенала солдаты и красногвардейцы, остался безрезультатным.

На все предъявленные ему требования Военно-революционный комитет ответил категорическим отказом.

Военные действия должны были начаться с минуты на минуту.

Выжидательно-напряженное состояние нарушил какой-то внезапно появившийся представитель районной думы, сообщивший в волнении, что большевики в целях ликвидации Городской думы созывают сегодня в шесть с половиной часов вечера в Сухаревском народном доме соединенное заседание всех районных дум для обсуждения переживаемого момента.

Из Александровского военного училища сообщили, что там уже сформирован и приступил к действию оперативно-полевой штаб.

От имени Рябцева и штаба сносились с Комитетом полковники Кравчук и Ровный.

Где-то вдали послышалось отдаленное щелкание выстрелов из винтовок.

Нужно было спешить туда, куда призывал долг,—защищать учреждения правительства Керенского, презираемого нами.

Я ехал по пустынным затихающим улицам. Начинало темнеть.

Около Кремля и дальше к манежу тянулись цепью юнкера.

На Тверской, у дома советов, стоял какой-то небольшой отряд вооруженных солдат.

Солдаты стояли «вольно» и как будто чего-то ждали.

Издалека стала снова слышна трескотня ружейных выстрелов.

Непоправимое начиналось.

Старый, открывший дверь швейцар, доставшийся от прежнего правительства, прислушиваясь к ружейным выстрелам, с эпическим спокойствием читал Библию.

Я заглянул: это был Екклезиаст, глава I.

И странно было в момент грядущего нового прочесть мистические старые строки: «Род проходит и род приходит, а земля пребывает во-веки».

«Что было, то и будет, и нет ничего нового под солнцем!»

Старое равнодушно читало Библию, Новое стучало в окна трудовым стуком швейной машинки пулемета.

XXI.

ОКТЯБРЬСКАЯ НЕДЕЛЯ. „ВИКЖЕЛЬ". БОИ И ПЕРЕМИРИЕ. АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ ОБСТРЕЛ. ОБОРОНА КРЕМЛЯ. МИРНЫЙ ДОГОВОР. ОСАДА ГРАДОНАЧАЛЬСТВА.

Когда подходишь к описанию отдельных эпизодов великой борьбы тех дней, которые действительно, по образному выражению, «потрясли мир», чувствуешь всю необычность задачи и слабость отпущенных сил.

Герои и малодушные, отважные безумцы и осторожные мудрецы, хаос звуков и хаос событий, смерть, проклятия, кровь и слезы.

Черные силуэты теней, гибнущих на улицах, в подвалах, в красном зареве пожара, и время, летящее молнией, тяжкое, как вечность.

У этих дней будут свои достойные историки и летописцы, и будущее поколение, читая их строки об Октябре, ответит на них жгучим биением сердца.

В эти дни страшной пустотой слепых глаз зияли впадины окон и магазинов, темнели призраками развалины многоэтажных домов, и в ушах, как шопот осенних листьев, слышался жалобный звон разбитых стекол.

В эти дни тяжкое сознание непоправимой катастрофы и гибели наполняло отчаянием сердца побежденных, зато хмельная радость победы опьяняла сердца победителей, широко раскрытым глазам которых виделся в этих развалинах старого новый, преображенный мир, мир будущего.

Трепетало и рушилось старое, на смену ему шло неведомое, страшное, многоликое, беспощадное, и содрогался мир.

В Октябре над черными толпами, двигавшими событиями, поднялась гигантская фигура человека, вздернувшая катив-

щуюся в бездну революцию снова на дыбы, на самом краю этой бездны.

27 октября было днем начала Октябрьской борьбы в Москве, борьбы, политический и экономический результат которой в полной мере не могли предвидеть ни побежденные, ни даже победители.

Силы сторон, вступивших в борьбу, были неравные: на стороне Комитета общественной безопасности было два военных училища и шесть школ прапорщиков, затем незначительные отряды ударников и добровольцев, студентов и офицеров.

Хорошо знавший силы противника Н. И. Муралов определяет их всего до десяти тысяч.

Силы Военно-революционного комитета были значительно выше; тот же Н. И. Муралов определяет их не менее чем в пятьдесят тысяч [1]).

Правда, на стороне войск Комитета общественной безопасности были качественное и организационное превосходство, дисциплина, разведка, организация.

Зато на стороне Военно-революционного комитета была артиллерия, решающая, обыкновенно, судьбу боя.

Что касается одушевления, с которым велись бои, то, нужно отдать справедливость, обе стороны сражались с боевым пылом и истинным одушевлением.

Но в то время как солдаты и рабочие, боровшиеся на стороне Военно-революционного комитета за мир и за власть советов, ясно отдавали себе отчет в том, за что они борются, добровольцы и юнкера боролись за власть совершенно непопулярного и дискредитировавшего себя в их глазах правительства.

Они не могли быть опьяненными какими-либо надеждами, они шли с пустотой в душе, с отчаянием в сердце исполняя, как им казалось, свой долг.

Поздно вечером, 27 октября, начались военные действия вокруг Кремля и на Красной площади.

Под утро отряду юнкеров удалось занять Кремль и обезоружить непокорный гарнизон Кремля, состоявший из двух батальонов 56-го полка.

---

[1]) „Пролетарская революция“ № 10, 1922 г.

Первый приказ Рябцева по поводу этих успехов составлен в бодрых и оптимистических тонах.

Рябцов писал:

«Кремль занят. Главное сопротивление сломлено, но в Москве еще продолжается уличная борьба. Дабы, с одной стороны, избежать ненужных жертв и чтобы, с другой— не стеснять выполнение всех боевых задач, по праву, принадлежащему мне на основании военного положения, запрещаю всякие сборища и всякий выход на улицу без пропуска домовых комитетов. Все граждане приглашаются немедленно уведомить меня по телефону Городской думы о всех домах, где в окнах или на крышах засели вооруженные люди. Предупреждаю, что в ответ на выстрел из домов последует немедленно пулеметный и артиллерийский обстрел дома. Обращаюсь к чувству сознательности граждан помочь избежать всех лишних жертв».

Октябрьская неделя открылась боями за Кремль и осадой и сдачей Кремля закончилась.

В следующий день, 28 октября, несмолкаемая трескотня пулеметов заливала Москву потоками пуль. Но это было лишь прелюдией, и когда в субботу 28-го и в воскресенье 29-го на стороне Военно-революционного комитета загрохотала артиллерия, Комитету общественной безопасности стало ясно, что победит тот, кому окажет поддержку «Викжель».

Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников сформировался после съезда железнодорожников в конце августа 1917 года.

Первоначально, как и везде, в «Викжеле» преобладало влияние эсеров и меньшевиков.

Но, как и везде, и среди железнодорожников к Октябрю эсеры и меньшевики значительно потеряли свое влияние.

Остаток же власти и влияния в дни октябрьской борьбы они не сумели использовать каким-либо решительным шагом.

«Викжель» после Октябрьского переворота в Петрограде перебрался туда, а в Москве оставил только бюро, которое с трудом сносилось с «Викжелем» и вело себя растерянно.

Получив, однако, сведения о разгоревшейся гражданской войне в Москве, «Викжель» становится более активным.

Сохранились материалы о разговоре между членами

«Викжеля» по телефону 29 октября, т. е. в разгар борьбы в Москве.

Петроградский руководитель «Викжеля», сообщая московскому, что «Викжель» в Петрограде оказывает давление на воюющие стороны, угрожая забастовкой в случае продолжения братоубийственной войны, предлагает московскому представителю «Викжеля» также связаться в Москве с Военно-революционным комитетом для переговоров, ибо каждая минута промедления углубляет войну.

Московский представитель «Викжеля» сообщает, что петроградскую резолюцию они вручают Военно-революционному комитету и предъявляют ему требования в ультимативной форме о прекращении борьбы. В случае упорства Военно-революционного комитета, они объявляют ему, что переходят на сторону Комитета общественной безопасности и будут пропускать в Москву те войска, которые «Викжелем» задержаны по дороге.

Рисуя положение в день 29 октября в Москве, представитель «Викжеля» сообщает петроградскому представителю о том, что в Москве весь день стреляют, нельзя выйти на улицу, и за вчерашний день убитых и раненых насчитывают до семисот человек; везде расставлены тяжелая и легкая артиллерия и броневики.

Вот эти-то сообщения об ужасах в Москве с сильно преувеличенным количеством убитых и раненых ускорили выработку «Викжелем» ультиматума и предъявление этого ультиматума враждующим сторонам.

Ультиматум «Викжеля» о прекращении гражданской войны, полученный в Москве 29 октября, был адресован «Викжелем» всем железнодорожным организациям. Он угрожал железнодорожной забастовкой, требуя прекращения гражданской войны.

Ультиматум «Викжеля» значительно поднял настроение Комитета общественной безопасности, так как давал ему моральную поддержку перспективой образования демократического правительства, и поэтому Комитет общественной безопасности охотно согласился на перемирие.

29 октября в шесть часов тридцать минут Рябцев отдал приказ начальникам всех боевых участков прекратить

стрельбу, указывая в приказе, что противная сторона издает такое же распоряжение.

Военно-революционный комитет также издал приказ о прекращении военных действий.

29 октября бои должны были быть прекращены на сутки, т. е. до двенадцати часов ночи 30 октября.

Было подписано воюющими сторонами соглашение о нейтральной зоне, при участии члена «Викжеля» А. Гара.

Перестрелка к ночи стала затихать, но взаимное озлобление зашло настолько далеко, что выстрелы не прекращались и следующий день, и в день перемирия было так же опасно ходить по городу, как в дни войны.

Посредничество «Викжеля» не привело ни к чему.

В «царском павильоне» Курского вокзала собрались представители двух враждующих лагерей, в присутствии десятка представителей «Викжеля».

Руднев, Шер и Кобесский бесцельно спорили с Мураловым, Смидовичем и Кушнером.

Делавшееся еще раньше большевиками предложение об образовании советского революционного органа, с тем, чтобы в этом органе было девять большевиков и восемь представителей других партий, не встретило сочувствия.

Споря с представителями Военно-революционного комитета, члены Комитета общественной безопасности в лице Шера договорились до роспуска Красной гвардии и ареста членов Военно-революционного комитета.

Переговоры кончились провалом.

С глубокой горестью члены «Викжеля» констатировали полный неуспех своей мирной конференции.

Под слезы и истерику некоторых наиболее нервных членов «Викжеля» бои снова вспыхнули по всей линии.

После провала мирных переговоров перевес резко переходит на сторону Военно-революционного комитета. Артиллерия Комитета разрушает позиции противника, кольцо вокруг центра все сжимается и сжимается. Скоро от него останется последний оплот—Кремль.

31 октября Рябцев снова выпустил воззвание, звучавшее не властным голосом победителя, а слабым воплем побежденного, падающего в бессильной борьбе человека.

Рябцев, обращаясь к гражданам Москвы, взывал ко всем,

в ком горячее сердце и любовь к родине, помочь в борьбе за право народа и против насилий большевиков.

Желая поднять падающий дух своих борцов, потерявших надежду на поддержку, он успокаивал:

«Мы не одни. К нам подошла и еще подойдет так долго ожидаемая помощь. Офицеры, юнкера и солдаты, призываю вас к полной готовности, бодрости и решительности.

Призываю всех и словом убеждения и силой оружия не допускать установки артиллерии на улицах Москвы. Она не страшна верным государственным войскам, неоднократно видавшим смерть на полях сражения, а страшна только для мирного населения, женщин и детей.

Надо ускорить прибытие подходящих с фронта и других пунктов верных порядку войск, часть которых подошла, но большинство искусственно задержано постановлением «Викжеля» в пути».

«Сплотитесь, граждане,—заканчивал минорным тоном Рябцев,—вместе с вами мы подавим волну анархии и банду хулиганов».

Всякому, кто внимательно читал это воззвание, было ясно, что дела Комитета общественной безопасности безнадежны, что дни его сочтены, что, несмотря на уверения Рябцева в грядущей помощи, на эту помощь нечего рассчитывать, ибо она снова задержана «Викжелем».

Картина расположения боевых частей в первые дни боя была такова.

Отряды Комитета общественной безопасности, имея главный штаб на Знаменке в Александровском военном училище, занимали следующие пункты: телефон, телеграф, гостиницу «Метрополь», Думу, гостиницу «Националь», университет, Моховую, площадь у храма Христа-спасителя, Пречистенку, штаб, Пречистенский бульвар, Арбатскую площадь, Никитский бульвар и половину Тверского бульвара до здания градоначальства, которое являлось передовым фортом.

Отряды Военно-революционного комитета занимали Страстную площадь, Тверскую почти на всем протяжении, бывшую Скобелевскую, ныне Советскую, площадь, Капцовское училище, прилегающие к Совету части Леонтьевского, Брюсовского и Чернышевского переулков, часть

Гнездниковского переулка, с домом Нирнзее (Рубинштейна).

Рабочие окраины были в руках Военно-революционного комитета, они служили неисчерпаемым резервуаром боевой силы и энергии, из них он вел наступление на центр. В руках Военно-революционного комитета находились почти все время все вокзалы, а главное, важнейшие из них, с которых могла прийти юнкерам помощь с фронта: вокзалы Александровский и Брянский.

Здание Совета на Тверской было слабо защищено, но отряды Рябцева не сумели во-время захватить его, хотя первые дни сам Военно-революционный комитет, опасаясь за свое существование, собирался перевести свой штаб из дома Совета в Замоскворечье.

Сам Рябцев почти все время находился в Думе, в Комитете общественной безопасности, и руководил оттуда военными действиями штаба.

Эта разобщенность, как передавали сами руководители военных операций, немало вредила успеху их дела.

Занимая центр, войска Комитета общественной безопасности были в западне, так как были окружены с двух сторон противником, занимавшим линию окружной дороги, вокзалы, окраины, казармы.

Благодаря занятию окраин Москвы Военно-революционный комитет получал непрерывную военную поддержку гарнизонов прилегающих к Москве городов и местечек: Серпухова, Клязьмы, Павловской слободы, Сергиева посада, откуда приходили на поддержку Комитету свежие воинские части и вступали в борьбу.

Технические части и специальные войска были на стороне Военно-революционного комитета, которому они оказали громадную помощь, наравне с помощью артиллерии, действовавшей против Рябцева в составе не менее девяти легких и одной тяжелой батареи.

Броневые части и авиационные были почти исключительно на стороне Комитета общественной безопасности, причем броневики оказывали юнкерам существенную поддержку.

Первыми из войск Военно-революционного комитета перешли в наступление отряды двинцев, выпущенных из Бу-

тырской тюрьмы и наскоро снабженных винтовками, и самокатчики.

Перейдя в наступление на Кремль 28 октября, они понесли тяжелый урон и отступили с поля сражения.

Со второй половины этого дня войска Военно-революционного комитета перешли уже в наступление по всей линии.

Ураганный огонь пулеметов поливал главную боевую артерию, которая вела к Совету и к Александровскому военному училищу,—Тверской бульвар, сделавшийся в эти дни бульваром смерти.

И в первых же столкновениях на стороне Военно-революционного комитета выступили те же двинцы.

Эти солдаты, сыгравшие столь заметную роль в Октябрьские дни, попали в Москву при посредстве правительства Керенского, на борьбу с которым потом они так охотно выступили.

Восемьсот шестьдесят солдат 5-й армии, арестованных в июле и августе на фронте за большевистские выступления, были посажены в Двинскую тюрьму, а оттуда переведены в Москву, в Бутырскую.

Двести человек из них в сентябре объявили голодовку, вследствие чего по требованию Московского совета дела заключенных двинцев были пересмотрены, и накануне Октября, а именно 22 сентября, Рябцев освободил пятьсот девяносто три человека двинцев.

Вот эти-то двинцы (пятьсот девяносто три человека, выпущенные ранее Рябцевым, и остальные, освобожденные в дни октябрьской борьбы) вступили в бой с рябцевскими войсками.

Выступив на помощь пехоте и отрядам Красной гвардии, большевистская артиллерия стала сразу склонять чашу весов на сторону Военно-революционного комитета.

Как указано выше, сам Рябцев в первом своем приказе грозил гражданам Москвы применением артиллерии против тех домов, из которых будут сделаны выстрелы.

И скоро сам же Рябцев обращался к населению с просьбой не допускать установки большевистской артиллерии на улицах Москвы, потому что Рябцев воочию видел те пагубные разрушения, которые производило действие ар-

тиллерийского огня среди занятых юнкерами домов, служивших укрепленными позициями.

Артиллерия Военно-революционного комитета 29 октября обстреливала центр со Страстной площади, с Ходынки, с Замоскворечья, со стороны Зоологического сада. В Лефортове артиллерия обстреливала Алексеевское военное училище.

В этот же день отрядами Военно-революционного комитета были прочно заняты вокзалы, Симоновский пороховой склад, где была взята масса патронов, в которых нуждались большевистские войска, Крымская площадь, Катковский лицей и наконец на Тверской дом № 54, бывший губернатора, где помещались совет солдатских депутатов и совет крестьянских депутатов.

Исполнительный комитет совета солдатских депутатов, окончательно разошедшийся с солдатской массой, успел 29 октября выпустить воззвание, которое некому было читать, так как в местах боев оно не могло быть расклеено.

В воззвании солдаты призывались сплотиться вокруг совета солдатских депутатов, так как Военно-революционный комитет состоит из одних только большевиков.

«Устраивайте немедленно собрания в частях и выносите постановления о прекращении кровавой войны, присылайте представителей в совет солдатских депутатов, Тверская, 54»,—приглашало воззвание.

Голоса нейтральных, исходившие из дома № 54 на Тверской, 29 октября затихли, ибо помещение, как сказано, в этот день уже целиком было в руках большевиков, занятое, кажется, теми же солдатами-двинцами.

Действия артиллерии Военно-революционного комитета сказались не сразу, так как в артиллерийских дивизионах при обстреле Арбатской площади, Никитских Ворот, Красной площади, а затем и Кремля не было таблиц стрельбы.

Разрывы снарядов весьма часто производились не в намеченной цели и только после довольно продолжительной пристрелки оказывали свое решающее действие.

Работа артиллерии большевиков достигла максимального напряжения после окончания неудачных мирных переговоров.

30 октября Военно-революционный комитет объявил революционным войскам и Красной гвардии, что с двенадцати часов ночи 30 октября перемирие окончено, что, отстаивая твердо правое дело, Военно-революционный комитет с этого момента вступает в полосу активных действий.

Активные действия прежде всего выразились в планомерном усилении артиллерийского огня.

Обстреливается телефонная станция, Городская дума, «Метрополь», «Националь».

Установлены были орудия в тылу юнкеров и по флангам: орудия били с Пресни, с Кудринской площади, с Замоскворечья.

Хамовническая артиллерия, пристрелявшись, также била по Александровскому училищу.

Ночью Москва освещалась только ярким пламенем пожаров, возникавших от действия снарядов.

30 октября после бомбардировки последовала сдача Алексеевского военного училища в Лефортове.

Окраины были совершенно очищены от отрядов белой гвардии.

По мере того как суживалось кольцо вокруг остававшихся в центре отрядов Комитета общественной безопасности, они покидали свои позиции, ища последнего прибежища в Кремле.

Оставив здание Городской думы, куда попало несколько снарядов, перешел под защиту кремлевских стен и сам Комитет общественной безопасности.

Тогда настали дни осады и бомбардировки Кремля.

1 ноября в пять часов сорок минут вечера Замоскворецкий военно-революционный комитет пишет Центральному военно-революционному комитету, что промедление и нерешительность могут весьма гибельно отразиться на успехах революции, и требует предложить юнкерам сдаться, а в случае отказа их, открыть на другой день, т. е. 2 ноября, с десяти часов утра огонь по Кремлю.

В ответ на это предложение Центральный военно-революционный комитет 1 ноября сообщил Замоскорецкому, что им еще вчера послан спешный приказ Замоскворецкому военно-революционному комитету открыть огонь по Кремлю и не в десять часов утра, а гораздо раньше, теми

орудиями, которые стоят на Москве-реке, на углу Волхонки и Моховой и у Б. Каменного моста.

Таким образом на Замоскворецкий комитет выпала задача сосредоточить стрельбу на Кремле.

Еще накануне, 31 октября, Военно-революционным комитетом было также дано Замоскворецкому комитету задание, явившееся прологом к последнему бою: задание обстрелять, правда, не самый Кремль, а кремлевскую стену, выходящую к манежу, и занять позицию с правой стороны Бабьегородской плотины, пробив брешь в кремлевской стене у Троицких ворот.

В ночь с 1-го на 2-е ноября началась усиленная бомбардировка Кремля, которая с перерывами продолжалась почти весь следующий день.

В Военно-революционном комитете горячо дебатировался вопрос о возможности обстрела исторических зданий; против него решительно возражал покойный ныне В. П. Ногин.

Сторонники обстрела Кремля указывали, что бомбардировку Кремля вызывают сами юнкера, пользуясь стенами Кремля как прикрытием.

Повреждения кремлевских зданий в результате обстрела не были такими значительными, как их изображали первоначально газеты.

Так, по словам самого патриарха Тихона, произведенным им вместе со специальной комиссией осмотром были обнаружены: пробоины в куполе Успенского собора, разрушения в Николаевском дворце, в церкви двенадцати апостолов и Чудовом монастыре [1]). Арсенал и старое здание бывшего окружного суда почти не пострадали.

За это время в центре города падали последние укрепления и защищаемые позиции юнкеров. Были заняты телефонная станция и «Метрополь».

Для Комитета общественной безопасности безвыходность положения стала ясной.

В ночь перед усиленным обстрелом Кремля в Военно-революционный комитет явилась делегация из эсеров и мень-

---

[1]) „Утро России“ от 9 ноября 1917 г.

шевиков, чтобы выяснить, на каких условиях Военно-революционный комитет согласится прекратить борьбу.

Военно-революционный комитет поставил следующие условия: вся власть советам, органом которых является семерка. В эту семерку могут быть допущены представители других демократических организаций, но с тем, что большинство будут составлять представители советов,— большевики. Комитет общественной безопасности должен быть распущен. До принятия этих предложений Военно-революционный комитет отказывался вступать в какие бы то ни было переговоры.

Делегация удалилась; бои снова продолжались почти весь день 2 ноября.

2 ноября к девяти часам вечера наконец появился приказ Военно-революционного комитета, в котором сообщалось, что революционные войска победили, и юнкера и белая гвардия сдают оружие.

Военно-революционный комитет приказал прекратить всякие военные действия (ружейный, пулеметный и орудийный огонь) с тем, чтобы войска советов оставались на своих местах до сдачи оружия юнкерами и белой гвардией.

Приказ Военно-революционного комитета был вызван предложением о сдаче, сделанным Комитетом общественной безопасности Военно-революционному комитету через «Викжель» 2 ноября в семь часов пятнадцать минут вечера.

Комитет общественной безопасности писал в этом историческом заявлении следующее:

«Артиллерийский расстрел Кремля и всей Москвы не наносит никакого вреда войскам, разрушает лишь памятники и святыни и приводит к избиению мирных жителей. Уже возникают пожары и начинается голод. Поэтому в интересах населения Комитет общественной безопасности ставит Военно-революционному комитету вопрос: на каких условиях Военно-революционный комитет считает возможным немедленно прекратить военные действия? С своей стороны, Комитет общественной безопасности заявляет, что при данных условиях он считает необходимым ликвидировать вооруженную борьбу против политической системы, осуществляемой Военно-революционным комитетом, перейдя к методам борьбы политической и предоставляя буду-

щему в общегосударственном масштабе вопрос о конструкции власти в центре и на местах».

2 ноября мир был подписан.

С пятницы 3 ноября уже появился приказ № 1 Военно-революционного комитета, которым предписывалось открыть все магазины, лавки, молочные, трактиры и пр. Военно-революционный комитет вступил в управление всей Москвой. В этот же день был выпущен приказ по военному округу № 2, который извещал, что командующий войсками Рябцев смещается с занимаемой должности и на его место назначается солдат Муралов.

Гражданская война в Москве закончилась.

После общей краткой характеристики того, что происходило в центре Москвы, необходимо рассказать об отдельных характерных эпизодах борьбы в старом здании градоначальства.

Приехав туда 27 октября после заседания Комитета общественной безопасности, я застал всех сотрудников в ожидании и тревоге; на собранном совещании из докладов выяснилось, что из двадцати двух участковых комиссариатов только около десяти работали без контроля представителей Военно-революционного комитета, остальные же несмотря на сопротивление были заняты и разоружены отрядами войск Военно-революционного комитета и Красной гвардии.

Картина не внушала никаких надежд.

На совещании решено было тем не менее выдерживать ожидаемую осаду и по мере возможности защищаться.

Ввиду того, что в градоначальство явился от Петровских казарм отряд конной милиции и кроме того непрерывно подходили милиционеры из захваченных комиссариатов, в градоначальстве набралось совершенно неожиданно около двухсот человек, считая жен и детей служащих, живших в казенных квартирах.

Все же, благодаря принятым заранее мерам, продовольствия хватило на всю эту массу втечение трех дней.

Назначенный начальником обороны здания полковник Г., перенесший тяжелую рану в войне с немцами, и помощник его капитан С. заняли отрядами входы и выходы большого владения, выходившего на Тверской бульвар и в Большой и Малый Гнездниковские переулки.

Штаб Рябцева из Александровского училища прислал отряд в двадцать пять юнкеров и двух пулеметчиков с одним пулеметом, но с ограниченным запасом патронов.

В помещении бывшей сыскной полиции в этом же владении находилось правление союза милиционеров, перешедшее целиком на сторону Военно-революционного комитета.

Члены его были устранены от телефонной связи, а на их место посажен был инспектор милиции, который, сидя у телефона, получал справки от отделений союза в районах о ходе борьбы.

Эти же справки давал по телефону непрерывно лично и через своих агентов бывший начальник уголовного розыска Маршалк, не пожелавший подвергать себя опасностям осады и оставшийся в городе, наблюдая за общей картиной борьбы.

Часов в восемь вечера подошел на помощь отряд человек в двадцать студентов во главе с прапорщиком.

Студенты эти, одушевленные желанием сражаться на стороне Комитета общественной безопасности, были симпатичными юношами, но обращаться с оружием почти совершенно не умели.

Они залегли в большом зале, выходящем на Тверской бульвар, под окнами и непрерывно стреляли из ружей в окна на Тверской бульвар, не прицеливаясь, прямо в черную мглу и пустоту.

Скоро пришел второй отряд студентов, человек пятнадцать. Эти были еще моложе, еще неопытнее.

Вслед за этим вторым отрядом к запертым наглухо железным воротам градоначальства подошел небольшой отряд большевиков; в нем были солдаты и красногвардейцы.

Они потребовали немедленной сдачи.

Сдача была отвергнута, и с этого момента осада началась.

Глухой Б. Гнездниковский переулок еще не был занят противниками, и по нему ходили патрули милиции.

Над всеми домами и двором, над всем владением старого градоначальства, равно как над всей Тверской с переулками и над Страстной площадью, возвышался величественным, уходящим в небо замком дом Нирнзее-Рубинштейна.

Этот дом был ключом к нашей «позиции», так как достаточно было установить на крыше его пулемет, чтобы

поливать оттуда весь двор и все здания, лежащие внизу, остающиеся открытыми, как на ладони.

При разговорах по телефону с Рябцевым ему было указано на необходимость занятия и удержания дома Нирнзее, господствующего над всем прилегающим районом.

Рябцев несколько раз обещал занять дом, но, очевидно, по недосмотру или по неимению достаточных сил, это сделано не было.

Занятие дома Нирнзее открывало действию пулеметного огня всю Страстную площадь, на которой нельзя было бы совершенно установить артиллерии, всю Тверскую улицу, с прилегающими переулками.

В доме Нирнзее была сформирована большая вооруженная дружина для охраны дома из жильцов.

Явившийся в градоначальство для переговоров начальник дружины, какой-то отставной офицер, хвастливо клялся, что никогда не позволит большевикам занять дом, что в его распоряжении боевой отряд, что можно быть спокойным и т. д.

Конечно, все эти уверения оказались пустыми фразами.

Кажется, уже на утро 28 октября боевые дружины жильцов дома Нирнзее сдали свое оружие без всякого боя отряду Военно-революционного комитета, который занял с винтовками и пулеметами одну из лучших позиций, господствовавших над центром.

Защитники градоначальства оказались в естественной мышеловке, окруженные с трех сторон, обстреливаемые из окон и чердака Капцовского училища и с крыши дома Нирнзее.

Уже на второй день осады перебежать по двору не было возможности, так как стены не защищали от выстрелов сверху.

Особенно тяжелым было положение семейств служащих, их матерей, жен и детей, сидевших, забившись в подвалы, около трех дней почти без пищи и воздуха.

Ночью все здание уже представляло вид военного лагеря, все спали по своим местам с оружием, посты и караулы сменялись в порядке.

В одном из небольших флигелей здания находилась маленькая типография.

Ночью, на основании полученных извне успокоительных сведений, был составлен бюллетень последних событий и отпечатан как приложение к выпускавшемуся тогда «Вестнику милиции».

Было решено его распространить с утра 28 октября по Тверской улице и прилегающим районам.

Ночь прошла спокойно. Патрули милиции встретились ночью с патрулями Военно-революционного комитета в Б. Гнездниковском переулке, побеседовали, поиронизировали друг над другом и мирно разошлись.

Кругом здания раздавались редкие винтовочные выстрелы, но ни пулеметного, ни орудийного огня еще не было.

Это было последнее затишье перед бурей, разыгравшейся 28 октября около полудня.

В этот день утром добровольцам, вызвавшимся распространить отпечатанное за ночь воззвание к населению с информацией о событиях, удалось раздать и расклеить его в значительном количестве на Тверской, около редакции «Русского слова» и по переулкам, прилегающим к Б. и М. Бронным.

На Тверской, в доме 54, по словам разведчиков, еще заседали исполнительные комитеты советов солдатских и крестьянских депутатов.

С полудня 28 октября все здание градоначальства было осыпано пулями отдельных отрядов солдат, стрелявших с противоположной стороны Тверского бульвара, со стороны Сытинского переулка, с крыш и домов противоположных зданий, со стороны Капцовского училища и с крыши дома Нирнзее.

Пули со звоном пробивали стекла и, словно гвозди, вколачивались в карнизы, потолки, в стены.

Осколки известки, разбитые стекла сыпались на наши головы.

Тогда в ответ загрохотал пулемет, поставленный в градоначальстве со стороны Гнездниковского переулка, осыпая противников градом пуль.

В ответ также защелкали пулеметы, и поток пуль посыпался на старое полицейское здание, еще не оправившееся от пожара во время Февральской революции.

Беспрерывная перестрелка и пулеметные бои шли до самого вечера.

К вечеру, когда пальба стала немного стихать, на собравшемся совещании, при обсуждении положения, стало ясно, что сил для обороны скоро будет уже недостаточно.

Студенты и юнкера, дежурившие и отстреливавшиеся без смены по восьми часов, буквально падали от усталости. Пулеметных лент и пуль к винтовкам не хватало.

Штаб Рябцева отделывался только успокоительными заверениями по телефону, но ясно было, что штабу не до нас.

Тогда явилась необходимость, положившись только на свои силы, использовать добровольцев-«охотников».

Когда стало темнеть, три смелых человека—двое служащих и один шофер—вырвались под обстрелом на автомобиле из градоначальства и помчались в штаб на Знаменку.

Через час или два эти «охотники» привезли из штаба еще один пулемет, зарядные ленты, небольшое количество ручных гранат, винтовочные патроны и двух сестер милосердия.

Так же внезапно, как выехали, они, воспользовавшись наступившей темнотой, проскочили обратно на автомобиле, подняв новым боевым материалом дух защитников.

Новый пулемет начал немедленно действовать, настолько энергично расходуя свои запасы лент, что его могло хватить в конечном счете очень ненадолго.

Стали получаться сведения о том, что солдаты Военно-революционного комитета к ночи готовят штурм градоначальства.

За это время несколько человек было легко ранено и один студент (Островский) был убит.

Следующий день должен был быть последним, так как по расчету последнего запаса ружейных патронов могло хватить только до утра. Продовольствия не было, наступал голод.

Поздно ночью собралось совещание ответственного центра «совета милиции».

Настроение у собравшихся было тягостное.

Для всех было ясно, что надеяться больше не на что.

Начальники обороны полковник Г. и капитан С. не считали возможным продержаться, и на следующий день, воскресенье 29 октября, если не будет подкреплений, сдача, по их мнению, была неминуемой.

Учитывая безнадежность положения, я предложил собрать оставшееся оружие, погрузить винтовки в автомобили и, воспользовавшись темнотой, пробираться,—поместив безоружных в середину,—к Александровскому военному училищу.

Все молчали. Тускло мерцал огонек электрической лампы, прикрытый, чтобы не привлекать внимания.

После некоторых споров собрание согласилось с предложением о выходе из здания, хотя не видно было на лицах измученных защитников градоначальства большого желания вступить в немедленный уличный бой, не воспользовавшись хотя бы частью ночного отдыха.

Стали складывать ружья.

В эту минуту стоявший молча с ружьем к ноге глубоко штатский человек—Лев Соломонович Бессмертный—стукнул прикладом о пол и сказал протестующе:

— Мы должны ждать до завтра. Завтра мы можем получить подкрепление, а, оставаясь до завтра, мы выигрываем для обороны Москвы лишний день!

Тогда решение выйти немедленно из здания было поколеблено.

Всем показалось, что необходимо еще выиграть время, что Бессмертный прав.

Совещание оставило вопрос открытым до окончательного выявления, возможно ли действительно рассчитывать на поддержку, обещанную штабом.

Помню Бессмертного: он стоял бледный с ружьем у ноги, и не то решимость, не то отчаяние были написаны на его лице.

Он чувствовал, что исполнились сроки...

Человек с этой странной для русского уха фамилией—«Бессмертный»,—решив остаться до завтра, шел, как фаталист, к назначенной ему судьбой смерти.

Утром 29 октября, когда он стоял на карауле в третьем этаже дома, пуля со стороны Капцовского училища поразила его в грудь.

Он прожил всего несколько минут, перед смертью сказав только одну фразу:

— Я чувствовал, что сегодня я буду первым.

Бессмертный был меньшевик, общественник, приносивший много пользы своей деятельностью в адвокатуре.

Судьба толкнула его вместе с другими против выступившего народа, и он пал жертвой своих убеждений, своей честной ошибки.

Итак, вопрос об уходе из градоначальства остался открытым.

Штаб в окончательных переговорах снова успокаивал обещаниями помощи и наконец сообщил, что через некоторое время пришлет броневик, который отгонит наступающие цепи солдат противника, кольцом сжимавшие форт, обратившийся для защитников его в западню.

Как и следовало ожидать, обещания помощи оказались пустыми обещаниями, так как штабу Рябцева было не до нас, и он сам с трудом отбивался от наседавшего со всех сторон противника.

Ожидавшийся броневик не приехал, а вместо него поздно ночью пробился отряд юнкеров под командой боевого офицера У.

Отряд этот был порядочно замотан и не мог выдержать долго сопротивления, так как не принес с собой патронов ни для пулемета, ни для винтовок.

Помощь от него сидевшим в осаде была только психологическая: в борьбу вступили новые люди, а старые валились с ног от усталости. К усталости прибавлялся и голод, так как запасы продовольствия кончались.

В эту ночь почти никто не спал.

Старое здание обстреливалось непрерывно вплоть до рассвета.

К утру 28 октября из числа студентов был убит студент-путеец Борис Попов.

В десять часов утра с верхнего этажа вниз снесли тело убитого Л. С. Бессмертного.

Все знали и любили Бессмертного, и ненужная гибель его поразила товарищей.

Мертвецкая увеличивалась, лазаретная комната для раненых также уплотнялась.

Скоро начальник прибывшего отряда юнкеров капитан У. оказался раненым в ногу и должен был лечь в лазарет.

Поток пуль лился вдоль Тверского бульвара к Никитским Воротам и поперек его—к дому градоначальства.

Осаждавшие, очевидно, решили в этот день покончить с осадой градоначальства.

Видя, что осажденные почти не отвечают, осаждающие усиливали ружейный и пулеметный огонь. Наконец около двенадцати часов дня грохотавшие орудийные выстрелы со Страстной площади были направлены на градоначальство.

Первые выстрелы артиллерии причиняли мало вреда. Они попадали в крыши и чердаки соседних и близлежащих домов. Но, в конце концов, разрывы артиллерийского огня стали ближе и ближе.

Снаряды начали разрываться во дворе и наконец стали попадать в крышу и в самое здание градоначальства.

Осколками снаряда был тяжело ранен один офицер и легко еще два дружинника.

Однако осажденные еще не думали о сдаче и никаких парламентеров к противникам не посылали.

Момент ликвидации осажденного градоначальства в исторической литературе осаждавших был описан неточно, в виде легко доставшейся победы.

На самом деле, как мы видели, победа досталась после борьбы, и самый факт этой борьбы только увеличивает ценность победы Октябрьской революции.

Ликвидация обороны произошла так.

Около двух с половиной часов дня бомбардировка стала стихать. К воротам градоначальства подошел солдат из лагеря противника с белым флагом и потребовал, чтобы его провели внутрь здания для переговоров о сдаче градоначальства.

Предложения парламентера были таковы: немедленная сдача, защитникам градоначальства гарантировалась безопасность, для детальных переговоров об условиях сдачи он просил прислать с нашей стороны также парламентеров.

На коротеньком совещании решено было послать парламентеров к начальнику отряда противника Саблину, чтобы выяснить, каковы условия предполагаемой сдачи.

Парламентеру Военно-революционного комитета завяза-

ли глаза, и он отправился вместе с нашими парламентерами в лагерь противника.

За это время весть о предложенной сдаче облетела мигом все градоначальство.

Милиционеры, в особенности принадлежавшие к конному отряду, заявили, что они больше не будут сражаться.

Студенты молчали, но их измученные, истомленные лица и брошенные винтовки показывали, что они ни на какое сопротивление не способны. Один из юнкеров, стоявший на посту, застрелился.

Я с группой товарищей вышел во двор и наблюдал следующую картину.

Милиционеры, бросив оружие, бродили по двору, охраняли посты только юнкера.

Солдаты противника, не дожидаясь окончания переговоров, воспользовались перемирием и быстро перебегали с противоположной стороны бульвара к зданию градоначальства. При этих условиях, если бы мир и не состоялся, ворваться во двор им было уже нетрудно.

Наши парламентеры скоро явились с известием, что начальник осаждающего отряда Саблин отказался продлить срок для переговоров, каковой остается пятнадцать минут; осажденные должны были сдать оружие, при сдаче гарантировалась полная безопасность.

На этом переговоры и закончились, сдача не была принята формально, но осуществилась на деле, так как уже была открыта калитка на Тверской бульвар.

Этой калиткой воспользовались отдельные группы защитников градоначальства. Несколько человек вышли на Тверской бульвар и перебежали на противоположную сторону, за ними вышла большая группа с оружием и направилась в сторону Никитских Ворот. Солдаты противника входили.

К нам подошли несколько человек товарищей и стали убеждать пройти с ними на Тверской бульвар через соседнее владение, которое предложило нам гостеприимство, с тем, чтобы нам оттуда попытаться пробраться в Думу.

Наша трагическая миссия была уже окончена, неизвестное будущее представлялось более привлекательным, чем пассивное сидение под охраной, и, склонившись на убеждения товарищей, мы отправились с ними.

Нас набралась целая группа человек около десяти.

Мы прошли через двор к соседнему владению, выходившему на Тверской бульвар, и без труда перебрались в него.

Только очутившись в чужом доме и разобравшись в быстро нахлынувших событиях, мы увидели, что сделали ошибку.

Мы все же оказались под арестом, так как из дома выхода не было.

К парадному подъезду был привязан полевой телефон войск Военно-революционного комитета, нижний этаж был полон ранеными солдатами, выхода в переулок не было. Настроение быстро упало, и мы оказались охваченными жесточайшей реакцией.

Любопытно, что нашу судьбу разделил и один из милиционеров, арестованный в правлении союза милиционеров за деятельность, направленную на пользу Военно-революционного комитета.

Оглушенный грохотом орудийной пальбы и трескотней пулеметов, забыв, что он принадлежит к враждебному лагерю, он во время кратковременного затишья подошел к нашему отряду и просил его взять с собой.

Как в известной пьесе «Потоп», мы сидели вместе, люди, только что бывшие врагами, соединенные общим несчастием и общей опасностью.

Нашему спутнику ничего не стоило выдать наше местопребывание, но он этого не сделал.

С болью в сердце видели мы, как провели остававшихся в градоначальстве под конвоем солдат.

Их ждали новые испытания. Дорогой, на углу Б. Гнездниковского переулка они были обстреляны из винтовок, а затем, за неимением места, были размещены в конюшнях дома советов.

Утром 30 октября арестованных перевели в гостиницу «Дрезден», где заключенных в количестве ста восьмидесяти человек устроили в помещении ресторана, рассчитанном на пятьдесят-шестьдесят человек; здесь они просидели сутки.

На следующее утро судьба сыграла с пленными трагическую шутку.

Броневик штаба, вероятно, один из тех, которые были обещаны на поддержку градоначальству при последних пе-

реговорах, неожиданно прорвался с Большой Дмитровки в Космодемьяновский переулок и сделал два выстрела из гаубицы в гостиницу «Дрезден».

Первый снаряд влетел в угловое окно комнаты, где сидели пленные, и произвел ужасающий взрыв.

Разрыв снаряда снес часть потолка и разрушил стену, отделявшую комнату от смежной. Комната наполнилась удушливым дымом и известковой пылью, а на головы заключенных посыпалась груда обломков.

В этот момент второй снаряд попал в следующую смежную комнату, также превратив ее в щепы.

В результате действия дружественной гаубицы штабного броневика среди пленных оказалось трое раненых и один — В. А. Абрамов, которому осколок снаряда попал в грудь — убитый.

Остальные были контужены и забрызганы кровью.

Убитый В. А. Абрамов, помощник режиссера петербургского театра, был одним из деятельных защитников градоначальства, и судьба сулила ему пасть от руки союзников и единомышленников, выступивших так некстати.

Заключенные, перенесшие столько волнений, были все освобождены на другой день около шести часов вечера.

Все это потом пришлось узнать от самих товарищей, вытерпевших тяжелые испытания гражданской войны.

Наша же группа, попав в ловушку, оказалась под своего рода домашним арестом, так как часовые были вокруг нас и у дверей.

Канонада после падения градоначальства возобновилась с новой силой.

Один из снарядов ударил во фронтон нашего дома, причем был тяжело ранен один из солдат, стоявший около полевого телефона.

Ночью, когда начались пожары соседних домов, в душу закрадывалось мрачное отчаяние.

Пылал огромным заревом разбитый орудийным выстрелом газовый фонарь около здания градоначальства.

Газ вырывался из чугунного столба и горел красным факелом, отбрасывая прыгающие, страшные черные тени.

Загорелось градоначальство, из-под крыши которого

клубился густой дым. Снаряды, попадавшие на чердак, подожгли старые сухие стропила крыши.

Языки пламени пробивались сквозь железо и длинными красными молниями пронзали небо. Тяжело было думать, что там оставалось тело Бессмертного.

На наших глазах горел, как огромный костер, старый дом князя Гагарина, в котором помещались аптека, меблированные комнаты и столовая Троицкой, в которой обычно питалась интеллигентская богема.

Старый дом разрушался снарядами снаружи, дрожал и содрогался от взрыва аптекарских химических материалов, бензина и горючих масл внутри.

Какие-то черные фигурки метались со своим скарбом, озаряемые заревом пожара и поражаемые выстрелами винтовок и отдаленных пулеметов.

Длинным протяжным заревом горел высокий дом в конце Тверского бульвара, б. Коробкова, прозванный по архитектуре «Замком дракона».

Пожар начался с квартиры седьмого этажа, разрушенной снарядами.

В полосе огня орудийного и пулеметного пожарные были бессильны и не пытались даже тушить разгоравшийся над домом гигантский костер.

Таяла и лилась вниз, как расплавленное масло, цинковая крыша дома, со звоном лопались и падали на землю, разбиваясь на мелкие куски, стекла.

Жильцы бежали, хотя бежать было некуда.

Продольный огонь юнкеров от Никитских Ворот встречался с непрерывной канонадой и пулеметным дождем от Страстного монастыря.

Многие из жильцов прятались в подвалах и погибали, когда обрушились пол и потолки, когда лопнули водопроводные трубы, выпуская воду в подвалы потоками. От дома остался длинный черный безобразный скелет, словно костяк действительно какого-то гигантского допотопного дракона-плезиозавра.

Если я в мечтах поджег города,
Пламя зарева со мною навсегда...

стучали в мозгу слова поэта.

Мы сжигали и мы горели.

Нескончаемая стрельба соседней батареи методически посылала в минуту два выстрела, от которых дрожал до основания старенький дом, давший нам приют.

В стороне Кудринской-Садовой краснело отдалённое зарево огня.

Замоскворечье посылало далекие желтые полосы потухающего или начинающегося пожара.

Краснело небо в разных местах, горела старая Москва огнями двенадцатого года.

Следующие дни перестрелка вдоль Тверского бульвара почти не затихала.

Часы Комитета общественной безопасности были сочтены.

2 ноября он искал приюта под стенами старого Кремля, купола старых соборов которого дрожали от выстрелов, а штукатурка сыпалась на искавших спасения юнкеров.

Октябрь победил.

На русской земле, тосковавшей по отсутствию хозяина, появился наконец хозяин и стальной рукой, вооруженной тяжким молотом, ударил по наковальне, выковывая новую жизнь.

Прошли годы.

Время затягивает нанесенные гражданской войной раны.

Зиявшее черным остовом огромное здание—«Замок дракона»—снова отстроено и приютило новых людей.

На месте сгоревшего старого дома князя Гагарина теперь стоит памятник русскому ученому, вокруг него бульвар, на котором резвятся дети.

А на красном здании, служившем прибежищем последней Думе, рука рабочего, заделав пробоины орудийных снарядов, вывела по фронтону для будущих поколений памятные слова:

«Революция—вихрь, который отбрасывает назад всех, ему сопротивляющихся»...

СОДЕРЖАНИЕ

1 руб. 75 коп.

